

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Серeda С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л.И. – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Новиков А.А. – начальник управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России;

Поздняков В.М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С.А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В.Б. – начальник кафедры специальных дисциплин Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А.Н. – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б.Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э.В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И.Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А.Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.И. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю.Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б.А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шаталов А.С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	4
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
СТРОГОВИЧ Ю.Н., ЖИЛЯЕВ Р.М., АНТИПОВ А.Н., ПЕРВОЗВАНСКИЙ В.Б. Правоприменение как критерий эффективности правового регулирования.	4
ФЕДОРОВ В.И. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, возникающих в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы	9
ЧЕРНЯКОВ С.А. Лицо, совершающее преступления в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями: особенности личности	13
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
ТИХОМИРОВ А.Н., СПАСЕННИКОВ Б.А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания	17
ПЕРРОН Ю.В. Деятельность Европейского комитета по предупреждению пыток по контролю исполнения уголовных наказаний в Российской Федерации. . . .	20
РЫЖОВ Р.С. Злость и уклонение от уплаты штрафа как основного наказания: вопросы теории и практики	25
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	
ЛЮТЫНСКИЙ А.М., КАРТАШОВА Е.Г. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения	29
НАГОРНЫХ Р.В., СОФИЙЧУК Н.В. Эффективность государственной правоохранительной службы и ее влияние на состояние правоохранительной деятельности государства	33
СИВИРКИН Ф.Д. О возмещении материального ущерба потерпевшему от действий мошеннического характера с использованием средств сотовой связи, совершенных несовершеннолетними осужденными в местах лишения свободы.	40
ПОПОВ А.А. Проблемы нормативного закрепления основных прав и обязанностей сотрудника уголовно- исполнительной системы как элементов его правового статуса	44
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	48
ЗАУТОРОВА Э.В., МАЛЬЦЕВА А.В. Педагогическая поддержка детей из неблагополучных семей.	48
РОГАЧ В.Г., ПОЗДНЯКОВ В.М. Методические рекомендации по оптимизации переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы.	52
СУЧКОВА Е.Л. Теоретико-методологические подходы к изучению психологии правосознания	57
КРЯКЛИН К.В. Психодинамика личности сотрудников ФСИН России в процессе профессиональной адаптации к службе	62
ГОРНОСТАЕВ С.В. Проблемы формирования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы	69
СТУКАНОВ В.Г. Психологические особенности правосознания осужденных к пожизненному заключению	72
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ.	76
МАСЛЕННИКОВ Е.Е. К вопросу о применении автоматизированных (роботизированных) систем охраны и ведения огня в обеспечении охраны учреждений уголовно-исполнительной системы	76
ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ	80
ПЕРОВ С.В. Актуальные вопросы приема на обучение в образовательные организации высшего образования, подведомственные ФСИН России	80
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	84
БЫКОВ А.В., ПЕРТЛИ Л.Ф., КАЛУЖИНА М.А., СПАСЕННИКОВ Б.А. Место и роль пенитенциарной системы в государственном механизме Соединенных Штатов Америки	84
КОСКИ М., ДРУЖИНИНСКАЯ О.В. Организация тюрем в Финляндии после реформы 2006 г.	90
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	97
КУЗЬМИНЫХ А.Л. Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период	97
РЕЦЕНЗИИ	103
ХАБАЛЕВ В.Д. Рецензия на монографию С.В. Маришина «Преодоление психологических барьеров у несовершеннолетних осужденных в процессе ресоциализации»	103
ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	103
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4	ROGACH V.G., POZDNYAKOV Methodical recommendations for optimization experiences among male prisoners serving long prison terms	52
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		SUCHKOVA E.L. Theoretical and methodological approaches to the research of the legal consciousness psychology	57
STROGOVICH J.N., ZHILYAEV R.M., ANTIPOV A.N., PERVOZVANSKY V.B. Enforcement as a effectiveness criterion of legal regulation	4	KRYAKLIN K.V. Psychodynamics of the staff personality of the Federal Penal Service of Russia at various stages of adapting to the professional service.	62
FEDOROV V.I. Criminal-law protection of the social relations arising during the execution of criminal penalties of imprisonment	9	GORNOSTAEV S.V. The problems of formation of official loyalty of penal staff officers	69
CHERNYAKOV S.A. A person who commits a crime in the sphere of ensuring the obligations by bank guarantees: personality characteristics	13	STUKANOV V.G. Psychological features of legal consciousness of Prisoners serving life sentences	72
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY	76
TIKHOMIROV A.N., SPAENNIKOV B.A. Compulsory treatment sociopathic disorders in connection with execution of sentence	17	MASLENNIKOV E.E. To the question of the application of automated (robotic) systems of security and firing in the security of the penal system institutions	76
PERRON Y.V. Activities of the European Committee for the Prevention of Torture in the sphere of control criminal penalties execution in the Russian Federation	20	DISCUSSION IS WELCOME	80
RYZHOV R.S. Malignity of evasion from payment of the penalty as main punishment: questions of the theory and practice	25	PEROV S.V. Topical issues of admission to study in educational institutions of higher education of the Federal Penal Service of Russia	80
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		FOREIGN EXPERIENCE	84
LYUTYNSKYA A.M., KARTASHOVA E.G. Procedure for the recognition of evidence in the criminal case inadmissible: some problems and solutions	29	BYKOV A.V., PERTLY L.F., KALUZHINA M.A., SPAENNIKOV B.A. Place and role of the penal system in the state mechanism of the United States of America	84
NAGORNYKH R.V., SOFIYCHUK N.V. The effectiveness of public enforcement service and its impact on the state law enforcement	33	KOSKI M., DRUZHININSKAYA O.V. The Prison Organization in Finland after the reform in 2006.	90
SIVIRKIN F.D. For pecuniary damage to the victim of the actions fraudulent nature with the use of mobile communication, committed by juveniles in prison	40	HISTORY PAGES	97
POPOV A.A. Problems of regulatory consolidation of fundamental rights and responsibilities of the penal staff as elements of its legal status	44	KUZMINYKH A.L. Special hospitals for prisoners of war during the great patriotic war and the post-war period	97
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	48	REVIEWS	103
ZAUTOROVA E.V., MALTSEVA A.V. Pedagogical support for children from disadvantaged families	48	HABALEV V.D. Review of the monograph of S.V. Marishin «Overcoming the psychological barriers at juvenile offenders in resocialization»	103
		INFORMATION, ADVERTISEMENTS	103
		INFORMATION ABOUT THE AUTORS	104

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 340.133:343.2

Правоприменение как критерий эффективности правового регулирования

Ю.Н. СТРОГОВИЧ – старший научный сотрудник НИИ ФСИН России;

Р.М. ЖИЛЯЕВ – научный сотрудник НИИ ФСИН России;

А.Н. АНТИПОВ – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

В.Б. ПЕРВОЗВАНСКИЙ – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы устранения правовых пробелов, имеющих в уголовном законодательстве России, повышения эффективности исполнения уголовных наказаний и уровня безопасности общества и государства. Анализ проводится в контексте применения института замены неотбытой части наказания лишением свободы к несовершеннолетним осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных, исправительных работ, ограничения свободы, в случае если им не может быть назначено наказание в виде лишения свободы в соответствии с ч. 6 ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный кодекс; законопроект; принципы; институт; несовершеннолетние; замена неотбытого наказания; злостное уклонение; правопослушное поведение; осужденный; средства исправления; безопасность; правоприменение.

Enforcement as a effectiveness criterion of legal regulation

J.N. STROGOVICH – Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;

R.M. ZHILYAEV – Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;

A.N. ANTIPOV – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

V.B. PERVOZVANSKY – Leading Researcher Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with the removal of legal gaps in Russian criminal legislation, improve the efficiency of execution of criminal sanctions and the level of security of the society and the state. The analysis is performed in the context of the application of the institute

replacement of the unserved part of the punishment by deprivation of liberty for minors convicted maliciously evading punishment in the form of mandatory corrective labor, restrictions on freedom, if they can not be sentenced to imprisonment in accordance with Part 6. Art. Penal Code of the Russian Federation.

Key words: Penal Code; the bill; principles; Institute; minors; replacement of unserved punishment; willful refusal; law-abiding behavior; convict; correction means; security; enforcement.

Продолжая рассмотрение вопросов применения института замены неотбытой части наказания лишением свободы к несовершеннолетним осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, в случае если им не может быть назначено наказание в виде лишения свободы в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ¹, остановимся на проблемах практики.

В статье приводятся данные различных форм статистической отчетности ФСИН России, а также используются аналитические материалы, представленные в сборниках «Характеристика осужденных (по состоянию на 1 ноября 2012 года)» и «Характеристика осужденных (по состоянию на 1 июня 2014 года)», подготовленных НИИ ФСИН России.

Отметим, что выработанная система критериев и показателей, на основании которой осуществляется мониторинг, а также составляются формы статистической отчетности, находится в процессе постоянного совершенствования². Данный подход обусловлен потребностью в эффективном функционировании уголовно-исполнительной системы, необходимостью поддержания соответствующего уровня безопасности³.

В последнее время (2012 г. – первое полугодие 2014 г.) уровень повторной преступности (УПП)⁴ несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в 1,4 раза превысил аналогичный показатель в отношении совершеннолетних осужденных, приговоренных к уголовным наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

В 2012 г. уровень повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных составил 3,52% (из 32 693 чел. в отношении 1151 осужденного после постановки на учет уголовно-исполнительной инспекции были возбуждены уголовные дела за совершение новых преступлений), среди лиц старше 18 лет – 2,36% (из 922 729 совершеннолетних осужденных, состоявших на учете инспекций, уголовные дела были возбуждены в отношении 21 734 чел.); в 2013 г. – 3% (из 27 374 чел. уголовные дела были возбуждены в отношении 822) и 2,05% (из 920 282 – 18 837) соответственно.

За первое полугодие 2014 г. уровень повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных составил 1,63% (из 14 276 чел., состоявших на учете, 233 совершили новые преступления), лиц старше 18 лет – 0,98% (668 848 и 6578 соответственно).

Графически данные за рассматриваемый период представлены на рис. 1.

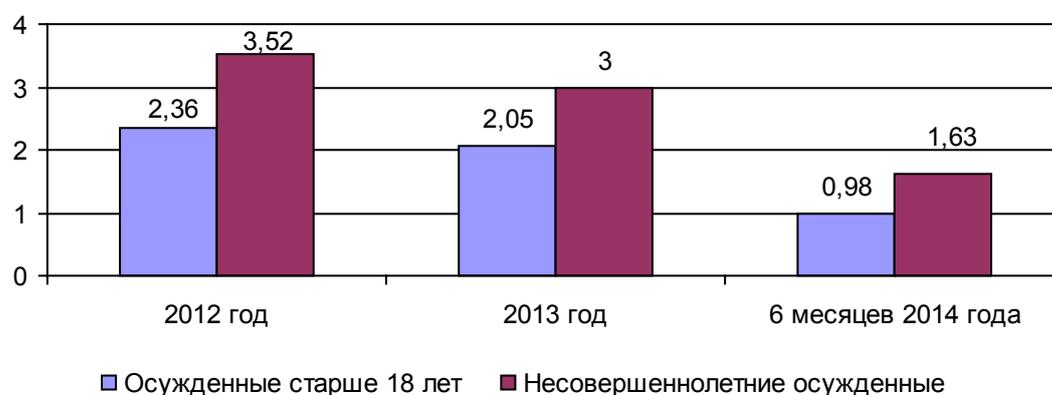

Рис. 1. Уровень повторной преступности несовершеннолетних осужденных и осужденных старше 18 лет, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций

Результаты анализа сведений о повторной преступности, полученных в ходе ис-

следования в 75 территориальных органах ФСИН России, приведены в табл. 1.

Данные о численности несовершеннолетних осужденных, совершивших новые преступления после постановки на учет уголовно-исполнительных инспекций

Категория несовершеннолетних осужденных	2012 г.	2013 г.	Первое полугодие 2014 г.
Несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет, впервые совершившие преступления небольшой тяжести, в том числе совершившие новые преступления	4845 81	4535 104	1611 17
Несовершеннолетние в возрасте до 16 лет, впервые совершившие преступления небольшой или средней тяжести, в том числе совершившие новые преступления	1275 26	1562 29	507 2

Как видно из табл. 1, на учете уголовно-исполнительных инспекций находилось:

– в 2012 г. – 6120 несовершеннолетних осужденных рассматриваемой категории, в том числе 4845 чел. (79,16%) в возрасте от 16 до 18 лет, впервые осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести, и 1275 чел. (20,84%) в возрасте до 16 лет, впервые осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. После постановки на учет 107 чел. (1,74%) совершили новые преступления (в возрасте от 16 до 18 лет – 81 чел. (75,7%), до 16 лет – 26 чел. (24,3%));

– в 2013 г. – 6097 несовершеннолетних осужденных, в том числе 4535 чел. (74,38%) в возрасте от 16 до 18 лет, впервые осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести, и 1562 чел. (25,62%) в возрасте до 16 лет, впервые осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. После постановки на учет 133 чел. (2,18%) совершили новые преступления (в

возрасте от 16 до 18 лет – 104 чел. (78,19%), до 16 лет – 29 чел. (21,81%));

– в первом полугодии 2014 г. – 2118 несовершеннолетних осужденных рассматриваемой категории, в том числе 1611 чел. (76,06%) в возрасте от 16 до 18 лет, впервые осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести, и 507 чел. (23,94%) в возрасте до 16 лет, впервые осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. После постановки на учет 19 чел. (0,89%) совершили новые преступления (в возрасте от 16 до 18 лет – 17 чел. (89,47%) и до 16 лет – 2 чел. (10,53%)).

Анализируя представленные данные, можно отметить определенную тенденцию к снижению (причем значительному) числа несовершеннолетних осужденных в возрасте до 16 лет, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, которые после постановки на учет уголовно-исполнительной инспекции совершили новые преступления той же категории (рис. 2).

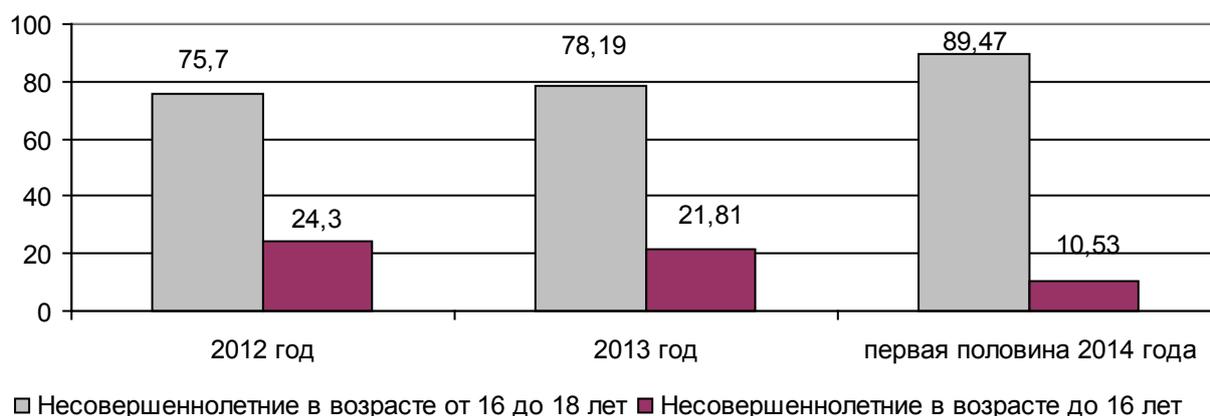

Рис. 2. Соотношение численности несовершеннолетних осужденных, совершивших после постановки на учет уголовно-исполнительной инспекции новые преступления тех же категорий (небольшой и/или средней тяжести), и общего числа осужденных соответствующей категории, состоящих на учете инспекции

Что касается несовершеннолетних осужденных, впервые совершивших преступле-

ния небольшой и средней тяжести, злостно уклонявшихся от отбывания наказания, то

наблюдается (табл. 2) некоторое увеличение их количества в 2012–2013 гг., и нет оснований говорить о возможном снижении соответствующего показателя в 2014 г. (рис. 3).

Таблица 2
Данные о численности несовершеннолетних, осужденных к обязательным работам, исправительным работам и ограничению свободы, злостно уклонявшихся от отбывания наказания

Категория несовершеннолетних осужденных	2012 г.	2013 г.	Первое полугодие 2014 г.
Несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет, впервые совершившие преступления небольшой тяжести, в том числе злостно уклонявшиеся от отбывания наказания	4845	4535	1611
	490 (10,11%)	612 (13,5%)	188 (11,67%)
Несовершеннолетние в возрасте до 16 лет, впервые совершившие преступления небольшой или средней тяжести, в том числе злостно уклонявшиеся от отбывания наказания	1275	1562	507
	166 (13,02%)	226 (14,47%)	55 (10,85%)

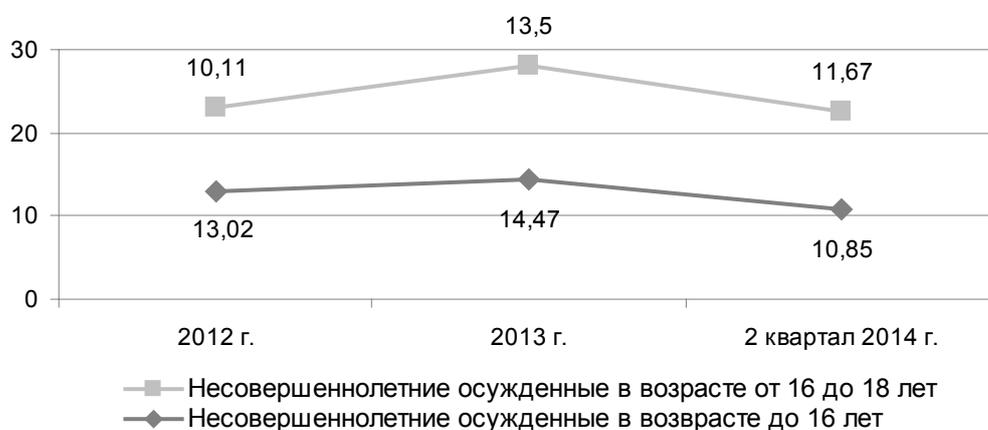

Рис. 3. Соотношение (уровень) численности несовершеннолетних осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы, и общего числа несовершеннолетних осужденных соответствующей категории по годам (в %)

Сведения о результатах рассмотрения судами представлений уголовно-исполнительных инспекций о замене несовершеннолетним осужденным, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести, злостно уклонявшимся от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, данного вида наказания на лишение свободы приведены в табл. 3 и проиллюстрированы на рис. 4.

Таблица 3
Рассмотрение судами представлений уголовно-исполнительных инспекций о замене несовершеннолетним осужденным наказания, не связанного с изоляцией от общества, на наказание в виде лишения свободы

Категории осужденных	Количество	2012 г.	2013 г.	Первое полугодие 2014 г.
Осужденные в возрасте от 16 до 18 лет, совершившие преступления небольшой тяжести	представлений, удовлетворенных судом	529 (58%)	545 (48,31%)	151 (45,07%)
	отказов	380 (41,8%)	583 (51,68%)	184 (54,92%)
Осужденные в возрасте до 16 лет, совершившие преступления небольшой и средней тяжести	представлений, удовлетворенных судом	66 (26,4%)	76 (25,67%)	23 (27,71%)
	отказов	184 (73,6%)	220 (74,32%)	60 (72,28%)

Приведенные данные свидетельствуют о незначительном снижении доли удовлетворенных судами представлений уголовно-исполнительных инспекций о замене альтернативных наказаний лишением свободы в

отношении несовершеннолетних осужденных в возрасте от 16 до 18 лет. Так, в 2012 г. судами было удовлетворено 529 (58%) представлений, в 2013 г. – 545 (48,31%), а в первом полугодии 2014 г. – 151 (45,07%).

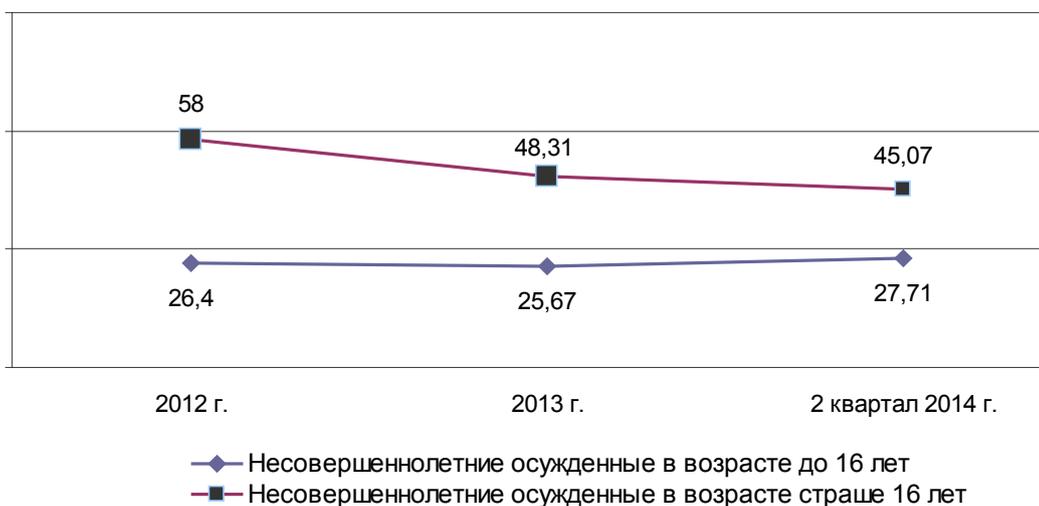

Рис. 4. Соотношение удовлетворенных судами представлений о замене несовершеннолетним осужденным назначенного наказания на наказание в виде лишения свободы

Применительно же к осужденным в возрасте до 16 лет, напротив, доля удовлетворенных судами представлений незначительно возросла: в 2012 г. – 26,4%, в 2013 г. – 25,67%, а в первом полугодии 2014 г. – 27,71%.

Следует также отметить, что согласно данным, полученным в ходе исследования, в 2013 г. после отказа судов в удовлетворении представлений уголовно-исполнительных инспекций о замене наказания 55 несовершеннолетних осужденных, которым в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не могло быть назначено, совершили новые преступления, при этом 13 из них более 6 месяцев уклонялись от отбывания наказания (из них 5 осужденных – более 1 года), 9 находились в розыске (из них 1 осужденный – более 1 года).

Таким образом, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что проблема, порождающая фактическое неисполнение приговора суда о назначении несовершеннолетним осужденным, совершившим в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые, наказания в виде обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы в случае их злостного уклонения от отбывания наказания, связана с несовершенством правового

регулирования (в первую очередь, с наличием определенной пробельности), а не с неправильным правоприменением. Ввиду этого необходимо проведение процедур, связанных с совершенствованием законодательства⁵, внесением ряда изменений и дополнений в УК РФ.

В этой связи предлагаются два возможных варианта проекта федерального закона:

Вариант 1. Дополнить ст. 88 УК РФ примечанием следующего содержания: «Примечание. Положение части шестой настоящей статьи о невозможности назначения наказания в виде лишения свободы не применяется в отношении несовершеннолетних осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, при решении вопроса о замене им неотбытого наказания лишением свободы».

Вариант 2. Внести в ст. 314 УК РФ следующие дополнения и изменения:

1. Часть первую после слова «осужденного» дополнить словами «обязательным работам, исправительным работам или».

2. Примечание изложить в следующей редакции: «Примечание. Уголовная ответственность за совершение деяния, предусмотренного частью третьей настоящей статьи, наступает в случае, когда принудительные меры медицинского характера применяются к лицу после отбытия наказания».

Авторы надеются, что представленная тема вызовет широкое обсуждение, особенно среди сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, и выражают уверенность в том, что при должной иллюстрации приведенного материала конкретными примерами предлагаемые изменения будут признаны

не только актуальными, но и способствующими повышению эффективности исполнения уголовных наказаний, поддержанию должного уровня безопасности общества и государства, в значительной степени усилят превентивную составляющую воздействия на несовершеннолетних осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антипов А.Н. и др. Совершенствуя уголовное законодательство, повышаем эффективность исполнения уголовных наказаний // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 8–15.

² См.: Антипов А.Н. Основные подходы и принципы к определению критериев оценки деятельности (на примере уголовно-исполнительной системы) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 10–12.

³ См.: Антипов А.Н. и др. О некоторых факторах, влияющих на состояние безопасности уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 23–27.

⁴ Под УПП понимаем соотношение (в процентах) числа осужденных соответствующей категории, в отношении которых после постановки на учет уголовно-исполнительных инспекции были возбуждены уголовные дела за совершение новых преступлений небольшой или средней тяжести, и общего числа осужденных той же категории, состоящих на учете инспекции.

⁵ См. об этом: Антипов А.Н. и др. Совершенствуя уголовное-исполнительное законодательство России... // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 26–30.

¹ Sm.: Antipov A.N. i dr. Sovershenstvuja ugovolnoe zakonodatel'stvo, povyshaem jeffektivnost' ispolnenija ugovolnyh nakazanij // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 2 (30). S. 8–15.

² Sm.: Antipov A.N. Osnovnye podhody i principy k opredeleniju kriteriev ocenki dejatel'nosti (na primere ugovolno-ispolnitel'noj sistemy) // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki. 2014. № 4 (19). S. 10–12.

³ Sm.: Antipov A.N. i dr. O nekotoryh faktorah, vlijajushhih na sostojanie bezopasnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 3 (27). S. 23–27.

⁴ Pod UPP ponimaem sootnoshenie (v procentah) chisla osuzhdennyh sootvetstvujushhej kategorii, v otnoshenii kotoryh posle postanovki na uchet ugovolno-ispolnitel'nyh inspekcii byli vozbuzhdeny ugovolnye dela za sovershenie novyh prestuplenij nebol'shoj ili srednej tjazhesti, i obshhego chisla osuzhdennyh toj zhe kategorii, sostojashhih na uchete inspekcii.

⁵ Sm. ob jetom: Antipov A.N. i dr. Sovershenstvuja ugovolno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossii... // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 2 (26). S. 26–30.

УДК 343.8

Уголовно-правовая охрана общественных отношений, возникающих в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы

В.И. ФЕДОРОВ – начальник юридической службы Академии ФСИН России

В статье рассматриваются специфические особенности общественных отношений, возникающих в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, с позиции их уголовно-правовой охраны; приводится авторское определение анализируемого понятия.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны; общественные отношения; уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; лишение свободы; деятельность учреждений; уголовно-правовые средства.

Criminal-law protection of the social relations arising during the execution of criminal penalties of imprisonment

V.I. FEDOROV – Head of the Legal Service of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the specific features of social relations that arise during the execution of criminal penalties of imprisonment, from the perspective of criminal law protection; the author defines the analyzed concept.

Key words: object of criminal law protection; public relations; penal system; penal institution; deprivation of liberty; activities of institutions; criminal remedies.

Совершение преступлений в местах лишения свободы является актуальной проблемой и представляет опасность как для отдельных исправительных учреждений, так и для всего государства в целом, а также свидетельствует о наличии серьезных противоречий в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

В последние годы складывается тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Так, в 2010 г. было зарегистрировано 1024 преступления¹, в 2011 г. – 1213², в 2012 г. – 1280³, в 2013 г. – 1257⁴. В 2014 г. наблюдается небольшое снижение – на 11,7%⁵ (до 1114 преступлений)⁶.

При совершении преступления всегда имеет место посягательство на определенный объект. В теории уголовного права преобладает взгляд на объект преступления, согласно которому его понимают как охраняемую законом совокупность общественных отношений⁷. Такой подход позволяет учесть как характер, так и степень общественной опасности преступления, раскрыть юридическую природу конкретного преступления, отграничить сходные преступления и правильно их квалифицировать⁸.

Объект преступлений в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, имеет специфические особенности, которые повышают степень общественной опасности данных деяний. Так, при совершении любого такого преступления нарушаются общественные отношения, направленные на обеспечение нормальной деятельности исправительных учреждений, сущностью которой является достижение закрепленных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством целей наказания.

Наряду с указанными общественными отношениями могут нарушаться или подвергаться угрозе и такие более важные объекты, как жизнь и здоровье человека, свобода, честь и достоинство личности и др. При этом нормальную деятельность исправительных учреждений необходимо рассматривать в качестве не основного, а дополнительного объекта уголовно-правовой охраны: это позволит наиболее полно охарактеризовать

общественную опасность совершаемых деяний. Так, например, в условиях специфичности морально-психологического климата и криминогенного влияния субкультуры в местах лишения свободы одно совершенное преступление может выступить своеобразным катализатором нарастающего недовольства осужденных, которое может привести к более тяжким преступным посягательствам, в том числе массовым беспорядкам, создающим условия для покушения на широкий круг общественных отношений (жизнь и здоровье людей, общественный порядок, общественная безопасность, собственность и т.п.).

В структуре любого общественного отношения можно выделить несколько обязательных элементов:

- 1) участники;
- 2) предметы (блага), по поводу которых оно возникло и существует;
- 3) взаимосвязь между участниками и предметами⁹.

Совокупность общественных отношений, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний, наделяет уголовно-исполнительную систему, ее учреждения и органы как общими, так и специфическими признаками объекта уголовно-правовой охраны.

Мы согласны с мнением А.В. Яковлева¹⁰ о том, что специфика уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступлений в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, отражает особую опасность таких деяний для граждан, общества и государства в целом и проявляется в виде следующих признаков:

1. Широкий круг субъектов пенитенциарных преступлений:

- а) лица, осужденные к наказанию в виде лишения свободы;
- б) сотрудники и работники исправительных учреждений;
- в) иные лица:
 - представители правоохранительных органов и государственных органов, имеющие доступ (допуск) в учреждения уголовно-исполнительной системы в установленном законом порядке;
 - родственники и близкие люди осужденных;

– законные представители, правозащитники и адвокаты;

– представители общественных, правозащитных, религиозных, международных организаций, средств массовой информации, имеющие доступ (допуск) в исправительные учреждения в установленном законом порядке;

– иные лица, имеющие доступ (допуск) в исправительные учреждения в установленном законом порядке;

– лица, не имеющие доступа (допуска) в исправительные учреждения в установленном законом порядке, но оказавшиеся на их территории либо совершившие преступные действия, связанные с функционированием данных учреждений.

2. Ограниченный доступ на территорию исправительных учреждений. Установленный порядок доступа в данные государственные учреждения, с одной стороны, выступает охранительным инструментом в процессе реализации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, а с другой – создает условия для латентизации пенитенциарной преступности и усложнения процедуры проверки соблюдения законности со стороны уполномоченных правоохранительных органов.

3. Многообразие и уникальность способов совершения пенитенциарных преступлений (рецидивный характер рассматриваемых преступных посягательств, наличие исторически сложившейся криминальной субкультуры и высокая концентрация в исправительных учреждениях особо опасных и криминогенных групп осужденных)¹¹.

4. Виктимологические особенности потерпевших. В исправительных учреждениях осужденные в основном содержатся в изоляции от общества в условиях отрядной системы отбывания наказания, при которой на ограниченной территории концентрируется значительное количество криминальных элементов. Следствием такой обстановки выступает высокая криминализация среды осужденных, что приводит к росту пенитенциарной преступности и углублению ее негативных последствий. Зачастую жертвы преступлений в местах лишения свободы являются заложниками криминальной субкультуры, в соответствии с нормами которой сообщение администрации исправительных учреждений либо соответствующим правоохранительным органам о совершении преступного посягательства влечет за собой различные негативные последствия для заявившего.

5. Высокий уровень латентности пенитенциарных преступлений. Специфические особенности преступлений в местах лишения свободы (в том числе и вышеперечисленные) выступают факторами их естественной и искусственной латентизации¹².

Еще одним важным признаком общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания, как объекта уголовно-правовой охраны является их строгая регламентация на уровне федерального и ведомственного законодательства.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что особая роль в предупреждении преступлений в исправительных учреждениях принадлежит уголовно-правовым средствам, направленным на обеспечение нормального функционирования таких учреждений, реализацию процесса исполнения наказания в виде лишения свободы в строгом соответствии с целями и задачами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. К уголовно-правовым средствам, воздействующим на общественные отношения, возникающие в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, можно отнести нормы Общей (ст. 37, 38, 32, 56, 57, 79, 80 и др.) и Особой (ст. 313, 314, 321 и др.) частей УК РФ, от надлежащего применения которых зависят эффективность деятельности как конкретных исправительных учреждений, так и уголовно-исполнительной системы в целом, а также достижение целей и задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, совокупность всех рассмотренных признаков общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания исправительными учреждениями уголовно-исполнительной системы, свидетельствует об их самостоятельности в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Они включают в себя взаимосвязанные субъекты (исправительные учреждения, работники уголовно-исполнительной системы, осужденные и др.) и соответствующие предметы материального мира, в отношении которых и возникают эти отношения в процессе исполнения наказания (порядок исполнения наказания, жизнь, здоровье, личные права и свободы работников и осужденных и др.).

На основании рассмотренных нами признаков общественных отношений представляется возможным сформулировать следующее понятие нормальной деятельности исправительных учреждений, исполняю-

щих уголовное наказание в виде лишения свободы, как объекта уголовно-правовой охраны: общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности исправительных учреждений, направленные на неукоснительное, основанное на нормах федерального и ведомственного законодательства выполнение всеми должностными лицами таких учреждений своих служебных обязанностей, связанных с реализацией установленного законом порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, обеспечивающего охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, привлечение к труду, обеспечение возможности получения общего и профессионального образования, реализацию их прав и законных интересов, обеспечение порядка и законности в учреждениях, обеспечение охраны здоровья и личной безопасности осужденных и персонала, долж-

ностных лиц и граждан, находящихся на территории учреждения.

Сформулированное нами определение общественных отношений, составляющих основу деятельности исправительных учреждений как объекта уголовно-правовой охраны, позволяет сделать вывод о самостоятельности такого объекта, его многогранности и общегосударственной значимости. Содержание уголовно-правовых норм, направленных на защиту указанных общественных отношений, и эффективность работы сотрудников правоохранительных органов по их применению, на наш взгляд, являются основой достижения целей наказания, создают атмосферу неотвратимости наказания при совершении преступлений в местах лишения свободы, а также способствуют обеспечению безопасности осужденных, сотрудников исправительных учреждений и уголовно-исполнительной системы и ее учреждений в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2010 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

² См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2011 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

³ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2012 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

⁴ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2013 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

⁵ См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2014 г. М., 2015. С. 5.

⁶ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2014 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

⁷ См., напр.: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 19; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 61.

⁸ См.: Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 23.

⁹ См.: Уголовное право России. С. 61.

¹⁰ См.: Яковлев А.В. Факторы латентности преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 6. С. 11–12.

¹¹ В последние годы наблюдается тенденция роста количества лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, которые осуждены к лишению свободы два и более раз. По данным ФСИН России, в 2014 г. их число составляло 350 032 чел., или 63,5% от общего количества лиц, содержащихся в указанных учреждениях (в 2013 г. – 314 392 чел., или 56,1%, в 2012 г. – 362 748 чел., или 57,9%, в 2011 г. – 336 735 чел., или 52,6%, в 2010 г. – 358 445 чел., или 51,6%) [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 25.03.2015).

¹² См., напр.: Курников В.А. Причины и условия искусственной латентности пенитенциарной преступности // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 174–175; Уваров И.А. Латентизация пенитенциарной преступности в

¹ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2010 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

² См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2011 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

³ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2012 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

⁴ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2013 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

⁵ См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2014 г. М., 2015. С. 5.

⁶ См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2014 г. (форма 2-УИС, разд. 1).

⁷ См., напр.: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 19; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 61.

⁸ См.: Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 23.

⁹ См.: Уголовное право России. С. 61.

¹⁰ См.: Яковлев А.В. Факторы латентности преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 6. С. 11–12.

¹¹ В последние годы наблюдается тенденция роста количества лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, которые осуждены к лишению свободы два и более раз. По данным ФСИН России, в 2014 г. их число составляло 350 032 чел., или 63,5% от общего количества лиц, содержащихся в указанных учреждениях (в 2013 г. – 314 392 чел., или 56,1%, в 2012 г. – 362 748 чел., или 57,9%, в 2011 г. – 336 735 чел., или 52,6%, в 2010 г. – 358 445 чел., или 51,6%) [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 25.03.2015).

¹² См., напр.: Курников В.А. Причины и условия искусственной латентности пенитенциарной преступности // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 174–175; Уваров И.А. Латентизация пенитенциарной преступности в системе факторов,

системе факторов, снижающих эффективность пенитенциарной профилактики // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: Сб. докладов участников междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 ноября 2012 г.): В 4 т. Рязань, 2013. Т. 2. С. 122–127; Яковлев А.В. Факторы латентности преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. С. 11–12.

snizhajushhih jeffektivnost' penitenciarnoj profilaktiki // Uголовно-исполнител'naja sistema Rossijskoj Federacii v uslovijah modernizacii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija: Sb. dokladov uchastnikov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Rjazan', 22–23 nojabrja 2012 g.): V 4 t. Rjazan', 2013. T. 2. S. 122–127; Jakovlev A.V. Faktory latentnosti prestuplenij, sovershaemyh v uchrezhdenijah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii. S. 11–12.

УДК 343.91

Лицо, совершающее преступления в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями: особенности личности

С.А. ЧЕРНЯКОВ – адъюнкт кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России

В статье рассматриваются некоторые криминологические аспекты личности мошенника, совершающего преступления в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями, формулируются предложения по предупреждению данного вида преступлений.

Ключевые слова: особенности личности; преступления в сфере экономической деятельности; мошенничество; банковская гарантия.

A person who commits a crime in the sphere of ensuring the obligations by bank guarantees: personality characteristics

S.A. CHERNYAKOV – Adjunct of the Department of Criminal Policy and the organization of crime prevention of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia

The article discusses some criminological aspects of personality fraudster commits a crime in the sphere of ensuring the obligations by bank guarantees, makes proposals to prevent this type of crime.

Key words: personality traits; crimes in the sphere of economic activity; fraud; bank guarantee.

Как следует из содержания гл. 23.6 ГК РФ, банковская гарантия – это письменное обязательство кредитной организации выплатить предусмотренную денежную сумму в случае неисполнения каких-либо обязательств, надлежащее исполнение которых гарантировалось кредитной организацией, выдавшей гарантию.

На сегодня банковские гарантии являются одним из наиболее востребованных продуктов на рынке финансовых услуг. Большой спрос и высокая стоимость способствовали возникновению криминальных проявлений в соответствующей сфере. К сожалению, в

настоящее время рынок банковских гарантий в значительной степени криминализован. Мошенничества с их использованием не редкость¹.

Одной из задач вступившего в силу 1 января 2014 г. Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» было исключение из оборота поддельных и необеспеченных банковских гарантий. Частью 8 ст. 45 этого документа предусмотрено ведение реестра банковских гарантий – базы данных в еди-

ной информационной сети, которая содержит всю полноту сведений о гарантийных обязательствах банков Российской Федерации. Банк, выдавший гарантию, в суточный срок обязан внести необходимые данные в реестр. По мнению законодателя, эта мера призвана исключить возможность использования не учтенных в реестре гарантий.

Однако, несмотря на принятые меры, криминализация рассматриваемой сферы не снизилась. В выборочно исследованных нами 17 регионах Российской Федерации в 2009 г. по фактам использования поддельных банковских гарантий было возбуждено 4 уголовных дела, в 2010 г. – 3, в 2011 г. – 4, в 2012 г. – 7, в 2013 г. – 37, в 2014 г. – 41². Принимая во внимание тот факт, что в 2014 г. в Российской Федерации заключено 2 718 786 контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд, предусматривающих обязательность предоставления гарантий их исполнения³, мы можем предположить, что количество возбужденных уголовных дел не отражает реальной картины.

В результате опроса восьми экспертов – практических сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, специализирующихся на выявлении и документировании фактов совершения преступлений с использованием поддельных и необеспеченных банковских гарантий, а также сотрудников следственных подразделений, в производстве которых находились дела данной категории в различных регионах Российской Федерации, было установлено, что причинами небольшого количества возбужденных уголовных дел по рассматриваемым фактам являются:

а) малоизученный механизм совершения данных преступлений;

б) недостаточный уровень квалификации сотрудников соответствующих подразделений органов внутренних дел.

Также был сделан вывод о том, что преступность адаптировалась к изменениям в законодательстве посредством выработки более изощренных способов совершения рассматриваемых преступлений. Например, имеют место факты подделки реестра – создания его копий с внесением недостоверных сведений.

В связи с указанными обстоятельствами одной из главных задач на сегодняшний день является предупреждение исследуемых мошенничеств.

Известно, что профилактика преступлений основывается на изучении особенно-

стей лиц, их совершающих. В частности, А.Р. Ратинов отмечает, что «непосредственные причины и истоки виновного поведения преступников всегда лежат в личности человека, совершившего преступление»⁴.

Основные черты личности преступника были описаны в исследованиях Ю.М. Антоняна⁵, В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского⁶, А.Б. Сахарова⁷. Преступнику в общем присущи такие качества, как эгоизм, правовой нигилизм, антиобщественность и т.д. Характерные черты личности исследуемых нами мошенников во многом совпадают с чертами лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности.

С целью выявления характерных особенностей интересующих нас лиц были изучены 12 уголовных дел в восьми регионах Российской Федерации, в качестве экспертов опрошены следователи, в производстве которых находились эти дела, и сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, осуществлявшие их оперативное сопровождение. В результате было установлено, что преступник, совершающий мошенничество с использованием банковской гарантии, отличается от классического общеуголовного преступника социально-ролевой позицией.

А.И. Долгова утверждает, что «у «беловоротничкового» экономического преступника, в отличие от общеуголовного, не происходит социально-ролевого сбоя»⁸. Отрицательные социальные установки, позволяющие представителям исследуемой категории совершать преступления, не видны окружающим. Мошенники не ведут антиобщественного образа жизни, не демонстрируют явного неуважения к обществу, внешне не агрессивны. Они не вызывают у окружающих не только чувства тревоги или опасности, но даже настороженности. Напротив, это люди из вполне благополучных семей. Социальные группы, к которым они принадлежат, обладают высоким статусом, положительными характеристиками. Их образ жизни внешне социально приемлем и добропорядочен. Описанные обстоятельства в значительной степени усложняют задачу упредительного воздействия на рассматриваемый тип личности и несут большую угрозу для общества в силу того, что двуличие мошенников представляет собой скрытый сбой механизма общественных отношений, не позволяющий незамедлительно реагировать на проблему.

Необходимо подчеркнуть, что лица данной категории мотивированы исключительно-

но корыстью. Причем соответствующие потребности у них гипертрофированы и обусловлены аморально-психологическими особенностями личности. Искаженные представления о морали позволяют мошенникам сделать выбор в пользу противоправных методов достижения финансового благополучия. Именно использование аморальных средств и способов, а не добросовестный труд, профессионализм, иные личностные достоинства приводит к тому, что человека обуревают жажда личного обогащения любой ценой⁹.

Отметим, что для описанных лиц стремление к финансовому благополучию является доминирующей нравственно-ценностной характеристикой, которая формируется на основе устойчивой антиобщественной направленности, крайнего эгоизма, стремления к превосходству над другими, пренебрежения интересами общества и государства. Деньги в этом случае выступают не только как материальная ценность, но прежде всего как средство, обеспечивающее доминирование в обществе.

При изучении уголовных дел было установлено, что все рассматриваемые преступления были совершены в составе группы. Для этих групп характерна устойчивость: четыре группы действовали 5 лет, шесть – 3 года, две – до года. Численность групп в пяти случаях составляла 8 чел., в шести – 7 чел., в двух – 5 чел. Возраст участников находился в диапазоне от 23 до 37 лет. Все группы имели лидера и прибегали к распределению ролей, тщательно готовились к совершению преступлений, используя специализированное техническое оснащение. Это позволяет сделать вывод, что данный вид преступности носит организованный характер.

Состав исследуемых групп достаточно разнообразен. Костяк составляют два-три человека, являющиеся фактическими организаторами и вдохновителями деятельности. Как и в любой группе, лидер определяет основную стратегию, интенсивность функционирования. Выраженная конкурентная борьба внутри ядра за право лидировать в группе не типична, стремление к лидерству не очевидно. Лидеры групп, хотя и обладают психологической властью над остальными участниками, но это достигается не прямым давлением, а посредством тонкой, можно сказать, интеллектуальной политики. Члены группы подчиняются с готовностью, без сомнения признавая доминанту личностных качеств лидера.

Лидеры изучаемых нами групп в основном старше по возрасту, чем остальные члены ядра. Среди них нет несовершеннолетних, лиц женского пола. Лидеры отличаются уровнем образования и социальным положением, обладают богатым жизненным, профессиональным и криминальным опытом, имеют более высокие умственные способности, а также развитые волевые качества. Они обладают яркой харизмой, способны располагать к себе людей.

В своей лекции А.А. Тирских и С.В. Сухов утверждают, что «выдвижение лидера в преступной группе происходит стихийно, по мере ее развития и функционирования»¹⁰. Описанная ими закономерность становления лидера выявлена и в исследуемых нами группах. Однако так бывает не во всех случаях. Специфичность может проявляться при формировании группы как структурного подразделения уже существующего объединения. В этих случаях лидер назначается. При этом важную роль играют родственные или клановые начала.

Необходимо также указать, что лица, составляющие ядро группы, обладают ярко выраженной индивидуальностью, предприимчивостью, деятельной инициативой, как правило, сильными волевыми качествами. Эта совокупность качеств является существенной характеристикой, и мы считаем, что выявленные особенности можно успешно использовать в профилактике преступности путем мотивирования потенциальных правонарушителей к социально направленной деятельности. На описанную категорию лиц необоснованное ограничение свободы, принуждение к чему-либо не свойственному личности, излишнее, бездумное подавление инициативы, ведущее к общему усреднению, воздействуют угнетающе, толкают их на выход из общей, «здоровой» среды.

В предупреждении преступлений в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями индивидуальный подход является существенным: данная деятельность должна в обязательном порядке опираться на всестороннее знание и учет особых качеств профилактируемого, его своеобразия.

Вторая часть группы – это лица, выполняющие различную техническую работу, связанную с изготовлением и сбытом поддельных банковских гарантий (подыскание помещений, оборудования, средств, мониторинг сайта госзаказов, регистрация фирм-однодневок и т.д.). Такие участники

нередко совмещают членство в преступной группе с каким-либо основным видом профессиональной деятельности. Например, они могут быть сотрудниками банков, типографий, представителями заказчиков торгов. Каждый из них по отдельности выполняет свою специфическую функцию, не участвуя в распределении основной прибыли, получая оговоренное вознаграждение, зачастую не зная обо всех этапах преступной деятельности, при этом, несомненно, осознавая противоправность своих действий в составе организованной группы. Такие представители группы не намного меньше ценят финансовое благополучие, однако для удовлетворения материальных потребностей не идут на риск, связанный с более очевидными криминальными действиями.

Особенностью описываемых участников является ориентация на подчинение лидерам, лицам, организуящим преступную деятельность. Такого типа личность не участвует и, как правило, не стремится участвовать во всех процессах преступной деятельности. Она характеризуется более низким уровнем притязательности. Ее устраивает организованная другими деятельность,

подразумевающая меньшую личную ответственность перед законом.

Все изученные нами преступления совершены при участии сотрудников банка, имеющих доступ к печатям и бланкам, входящей и исходящей корреспонденции. Это обстоятельство необходимо использовать в деятельности по предупреждению рассматриваемых преступлений путем установления дополнительного контроля над указанной категорией лиц. Также выявлено, что мошенничества с использованием банковской гарантии возможны при попустительстве представителей заказчика или непринятии ими надлежащих мер по проверке банковских гарантий. Соответственно, необходимы персональное вменение в обязанности должностных лиц регламентированной проверки подлинности банковской гарантии и установление личной ответственности данных должностных лиц за недостоверные результаты проверки банковских гарантий. Указанные меры будут способствовать сокращению числа рассматриваемых преступлений, а знание характерных особенностей личности исследуемого нами мошенника имеет значение для достижения цели его исправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По мнению заместителя руководителя ФАС России Екатерины Соловьевой, около 80% банковских гарантий, подаваемых участниками торгов по госконтрактам, являются поддельными [Электронный ресурс]. URL: <http://Pravo.ru/news/view/59459> (дата обращения: 03.02.2014).

² См.: Архив Академии управления МВД России. Кафедра уголовной политики и организации предупреждения преступлений. Текущий архив за 2014/2015 гг. Номенклатурное дело № 312. Вх. № 140 от 27.10.2014 г.; 157, 158 от 11.11.2014 г.; 160 от 12.11.2014 г.; 168, 170 от 17.11.2014 г.; 175 от 19.11.2014 г.; 184 от 25.11.2014 г.; 194 от 03.12.2014 г.

³ См.: URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 03.02.2014).

⁴ Ратинов Р.А. Психологическое изучение личности преступника. М., 1981. С. 9.

⁵ См.: Антонян Ю.М. Изучение личности преступника. М., 1982. С. 38.

⁶ См.: Миньковский Г.М., В.Н. Кудрявцев. Личность преступника. М., 1975. С. 64.

⁷ См.: Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности ОВД. М., 1984. С. 71.

⁸ Личность организованного преступника: криминологическое исследование: Моногр. / Под ред. А.И. Долговой. М., 2013. С. 322.

⁹ См.: Столяренко А.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 123.

¹⁰ Тирских А.А., Сухов С.В. Криминологические проблемы борьбы с преступными лидерами: Лекция. М., 2010. С. 21.

¹ Po mneniju zamestitelja rukovoditelja FAS Rossii Ekateriny Solov'evoy, okolo 80% bankovskih garantij, podavaemyh uchastnikami trgov po goskontraktam, javljajutsja poddel'nymi [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://Pravo.ru/news/view/59459> (data obrashhenija: 03.02.2014).

² Sm.: Arhiv Akademii upravljenja MVD Rossii. Kafedra ugolovnoj politiki i organizacii preduprezhdenija prestuplenij. Tekushij arhiv za 2014/2015 gg. Nomenklaturnoe delo № 312. Vh. № 140 ot 27.10.2014 g.; 157, 158 ot 11.11.2014 g.; 160 ot 12.11.2014 g.; 168, 170 ot 17.11.2014 g.; 175 ot 19.11.2014 g.; 184 ot 25.11.2014 g.; 194 ot 03.12.2014 g.

³ Sm.: URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (data obrashhenija: 03.02.2014).

⁴ Ratinov R.A. Psihologicheskoe izuchenie lichnosti prestupnika. M., 1981. S. 9.

⁵ Sm.: Antonjan Ju.M. Izuchenie lichnosti prestupnika. M., 1982. S. 38.

⁶ Sm.: Min'kovskij G.M., V.N. Kudrjavcev. Lichnost' prestupnika. M., 1975. S. 64.

⁷ Sm.: Saharov A.B. Uchenie o lichnosti prestupnika i ego znachenie v profilakticheskoj dejatel'nosti OVD. M., 1984. S. 71.

⁸ Lichnost' organizovannogo prestupnika: kriminologicheskoe issledovanie: Monogr. / Pod red. A.I. Dolgovoj. M., 2013. S. 322.

⁹ Sm.: Stoljarenko A.M. Psihologija i pedagogika: Ucheb. posobie dlja vuzov. M., 2001. S. 123.

¹⁰ Tirskih A.A., Suhov S.V. Kriminologicheskije problemy bor'by s prestupnymi liderami: Lekcija. M., 2010. S. 21.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.268:343.95

Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания

А.Н. ТИХОМИРОВ – начальник УФСИН России по Московской области;

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

В статье представлена характеристика социопатических расстройств у осужденных и рассматривается эффективность применения принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, в отношении осужденных-социопатов.

Ключевые слова: осужденный; социопатия; исполнение наказания; принудительные меры медицинского характера.

Compulsory treatment sociopathic disorders in connection with execution of sentence

A.N. TIKHOMIROV – Head of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Moscow region;

B.A. SPASENNIKOV – Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor

The article presents the characteristics of sociopathic disorders of prisoners and considers the effectiveness of the use of coercive measures of a medical nature connected with the execution of punishment for convicted-sociopaths.

Key words: convict; sociopathy; execution of punishment; compulsory medical measures.

Создание целостной концепции исполнения наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера, – одна из наиболее актуальных проблем пенитенциарной науки и практики. Ее значимость обусловлена потребностями пенитенциарной практики, совершенствование которой невозможно без применения междисциплинарного подхода к анализу способов предупреждения противоправных посягательств на общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой защитой; многообразием механизмов общественно опасного противоправного поведе-

ния, их различными вариантами сочетания и взаимодействия, обусловливающими большой спектр методологических подходов к созданию концептуально-теоретических основ исполнения наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера¹.

Выработка такой концепции связана с решением ряда вопросов, имеющих важное самостоятельное значение для законодательного конструирования и практического применения уголовно-исполнительных институтов². Среди них правовая природа наказания, соединенного с принудительными

ми мерами медицинского характера; характер правоотношений, возникающих в связи с исполнением наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера; правовые основания применения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных к лишению свободы, которые страдают социопатическими расстройствами; эффективность исполнения наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера; повышение эффективности предупреждения преступлений и правонарушений, совершаемых лицами, страдающими социопатическими расстройствами, и многие другие³.

Перечисленные вопросы исследованы, на наш взгляд, недостаточно: одни из них лишь обозначены, другие получили неточную трактовку, третьи остаются дискуссионными⁴. В них можно выделить моноюридический, а также межотраслевые аспекты. Это связано с тем, что развитие научных знаний приводит к дифференциации и интеграции различных наук. При этом дифференциация вызывает более узкую специализацию научных знаний, а интеграция – постоянное взаимодействие различных областей знания, что определяет взаимное проникновение и синтез науки уголовно-исполнительного права и иных наук.

Следует отметить, что исполнение наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера, должно принимать во внимание права и свободы человека и не противоречить международным пенитенциарным стандартам, соответствовать приоритетам и общим принципам уголовно-исполнительной политики государства, декларирующей готовность реализовать в правоприменительной практике принцип справедливости правового воздействия⁵.

Цели принудительного лечения, соединенного с исполнением наказания, которые закреплены в действующем законодательстве, останутся лишь декларативными, если их реализация не будет основываться на всестороннем учете всех значимых особенностей осужденного, характеризующих его как во время отбывания наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера, так и до совершения общественно опасного деяния.

Обозначенные правовые проблемы невозможно обсуждать без понимания сущности социопатических расстройств. Моноюридическая разработка вопросов

исполнения наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера, неэффективна. Без междисциплинарного анализа, требующего, в свою очередь, создания целостной концепции исполнения такого наказания, сложно обеспечить реализацию уголовно-исполнительного законодательства в соответствии с современными требованиями развития государства, его основными ценностями. Решение такого рода междисциплинарных проблем имеет основополагающее значение для всей конструкции уголовно-исполнительного права.

Можно выделить несколько основных причин, актуализовавших потребность в создании целостной концепции исполнения наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера, в отношении осужденных, страдающих социопатией или социопатизацией. Во-первых, в настоящее время в России выявляется все большее количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и обнаруживающих социопатические расстройства. Во-вторых, получил практическое воплощение такой новый вид принудительного лечения, как амбулаторное наблюдение и лечение у психиатра. В-третьих, в местах лишения свободы оказывается большое число лиц, страдающих социопатией и социопатизацией, нуждающихся в таком лечении и наблюдении. В-четвертых, сохраняется высокий уровень рецидива совершения преступлений лицами, страдающими подобными расстройствами.

На наш взгляд, социопатические расстройства порождают глубокие дефекты интеллектуальной и волевой сфер, обуславливают сниженную актуальную (сиюминутную) способность прогнозировать последствия своих действий (бездействия) и в полной мере осознанно руководить ими, что играет существенную роль в этиопатогенезе преступного поведения. При этом виновный полностью не лишен сознательности и произвольности (саморегуляции) значимого для права поведения, его способность осознать свои действия или руководить ими не утрачена совсем, но реально уменьшена.

Напомним, что термин «социопат» был введен в научный оборот в 1975 г. В дальнейшем Б.А. Спасенниковым было предложено общее (видовое) понятие социопатических нарушений⁶, совокупность которых подразделялась на первичную (психоконституциональную) социопатию и вторичную, приобретенную (социогенную) социопатизацию.

Социопатические нарушения – патология личности (прежде всего характера) человека, которая определяет весь психический облик лица, накладывая на его душевный склад свой отпечаток, мешающий адекватно приспособиться к окружающей среде, нормам поведения. Дисгармония личности при этих расстройствах такова, что препятствует социальной адаптации, исправлению осужденного⁷. В контексте принудительного лечения таких лиц, соединенного с исполнением наказания, представляется важным рассмотреть эффективность коррекции первичной социопатии и вторичной социопатизации.

Социопаты представляются нам носителями психоконституционально обусловленных криминальных тенденций. Это подтверждается ранним появлением характерологических особенностей, их незначительной обратимостью, стойкостью и однотипностью на протяжении жизни, сходством социопатических черт у родителей (зачастую судимых) и социопата. Социопатические нарушения возникают в возрасте от 5 до 20 лет и проявляются в течение всей жизни. Нами отмечались отклонения биоэлектрической активности мозга у социопатов. Получены данные об особенностях сложных химических обменных изменений в их нервной системе, которые контролируются наследственными механизмами. Подчас игра генов приводит к тому, что в социально благополучной семье из нескольких здоровых детей один оказывается социопатом. Первым признаком является полное безразличие к интересам других. Страдания людей и животных никоим образом не трогают социопата уже в детском возрасте, в отличие от иных членов семьи. Таким лицам свойственны повышенная раздражительность, гневливость, взрывчатость в сочетании со злобностью, гетероагрессией, самовзвинчиванием, нежелание считаться с законными правами и интересами других людей. Склонность к эмоциональному взрыву, гневу по незначительному, подчас нейтральному поводу отмечается у них на протяжении всей жизни. Агрессия рождается в ответ на бытовое замечание близких, чужое малоадаптивное поведение, а тем более на поведение, провоцирующее в криминальном отношении. В момент агрессии отмечается аффективное сужение сознания (разрядка эмоций). Социопаты действуют, не учитывая возможных последствий своих деяний. При этом для них характерны высокая самооценка и завышенный уровень

притязаний, стремление к доминированию, нетерпимость к любому противодействию, стремление к властвованию, лидерству в микросоциальной группе. Общая существенная черта – пренебрежение общепринятыми правилами и социальными нормами. Отличает этих лиц вера в то, что к ним предвзято, недоброжелательно относятся окружающие. Угроза наказания не беспокоит социопатов. Общая превенция на этих лиц не действует.

Социопатизация рассматривается нами как приобретенное расстройство, обусловленное внешними, преимущественно психосоциальными факторами, влияющими за счет отрицательных воздействий социальной среды на формирование характера человека, его личности, направленности интересов и поведения (неблагоприятные условия воспитания, криминогенное поведение родителей, неблагополучное микросоциальное окружение и др.⁸). В группу внешних факторов включаются и различные психические и физические травмы, общие заболевания, нарушающие нормальное развитие высшей нервной деятельности человека (в том числе во внутриутробном периоде). Важно подчеркнуть, что с момента окончательного формирования социопатии, ее кристаллизации характерологические черты остаются стабильными, малоизменяемыми. На фоне воздействия внешних факторов исчезают дружеские отношения с близкими, укрепляется презрение к нормам морали, появляется лживость. Человек начинает действовать импульсивно. Теряется значимость долгосрочных планов. Эти лица крайне обидчивы, злопамятны и конфликтны, весьма чувствительны к пренебрежению их мнением. Они не прощают «ничего никому никогда». Им трудно поддерживать спокойные, ровные отношения с другими осужденными, а до судимости они испытывали проблемы с общением в семье и коллективе. Эти особенности лишь обостряются с возрастом. Носители расстройства «искажают» нейтральные, а подчас дружеские действия окружающих, расценивая их как враждебные по отношению к себе. Подозрительность, недоверчивость, узость интересов, восприятие событий лишь в качестве подтверждения собственной точки зрения обостряются на фоне конфликтных отношений.

При этом очевидна возможность формирования социопатических расстройств в силу причин, имеющих многофакторное происхождение, то есть являющихся

следствием сочетания психоконституционального фактора и неблагополучия микросоциальной среды, отсутствия социально-позитивных, корригирующих влияний.

На наш взгляд, принудительное наблюдение и лечение социопатии и социопатизации в психотравмирующих условиях лишения свободы малоэффективно, особенно в ситуации длительной изоляции от общества, которая еще более способствует усугублению социопатических нарушений. По нашим наблюдениям, эффективно лишь применение медикаментозных средств (нейро-

лептиков) в целях уменьшения отдельных проявлений социопатических расстройств: импульсивности, тревоги, депрессии. Более убедительными представляются результаты принудительного наблюдения и лечения социопатизации при исполнении наказания, не связанного с лишением свободы. При этом наиболее действенным методом лечения выступает когнитивная психотерапия, связанная с переводом на более высокий уровень прогнозирования своего поведения, что способствует достижениям целей наказания.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5–6 (33–34). С. 149–150.

² См.: Козаченко И., Спасенников Б. Вопросы уголовной ответственности и наказания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающим вменяемости // Государство и право. 2001. Т. 74. № 5. С. 71–75.

³ См. подр.: Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3–4 (49–50). С. 35–41.

⁴ См.: Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 20–23.

⁵ См.: Швырев Б.А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1–2 (47–48). С. 89–94.

⁶ См. подр.: Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36–39.

⁷ См. подр.: Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70–71.

⁸ См.: Антонян Ю.М. Криминология. М., 2015. С. 5–50.

¹ Sm.: Bychkova A.M. Recenzija na rabotu «Psihicheskie rasstrojstva i ih ugovovno-pravovoe, kriminologicheskoe, ugovovno-ispolnitel'noe znachenie (istorija, teorija, ugovovno-pravovoe regulirovanie, praktika)» doktora juridicheskikh nauk, doktora medicinskih nauk, professora B.A. Spasennikova // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2012. № 5–6 (33–34). S. 149–150.

² Sm.: Kozachenko I., Spasennikov B. Voprosy ugovovnoj otvetstvennosti i nakazaniya lic, stradajushhix psihicheskimi rasstrojstvami, ne iskljuchajushhim vmenjaemosti // Gosudarstvo i pravo. 2001. T. 74. № 5. S. 71–75.

³ Sm. podr.: Spasennikov B.A., Smirnov A.M., Shvyrev B.A. Aktual'nye problemy ugovovnogo prava: obzor literatury // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2015. № 3–4 (49–50). S. 35–41.

⁴ Sm.: Spasennikov B.A., Tihomirov A.N. Psihicheskie rasstrojstva i ih ugovovno-pravovoe znachenie // Rossijskaja justicija. 2014. № 2. S. 20–23.

⁵ Sm.: Shvyrev B.A. Problemy prekrashhenija prinuditel'nogo psihiatricheskogo lechenija // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2015. № 1–2 (47–48). S. 89–94.

⁶ Sm. podr.: Spasennikov B.A. Problemy teorii i sudebnoj praktiki, svjazannye s resheniem voprosov nakazaniya lic, stradajushhix psihicheskimi rasstrojstvami // Rossijskij sud'ja. 2014. № 6. S. 36–39.

⁷ Sm. podr.: Spasennikov B.A. Psihologicheskaja pomoshh' kak sredstvo ispravlenija osuzhdennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 2 (30). S. 70–71.

⁸ Sm.: Antonjan Ju.M. Kriminologija. M., 2015. S. 5–50.

УДК 341:343.8

Деятельность Европейского комитета по предупреждению пыток по контролю исполнения уголовных наказаний в Российской Федерации

Ю.В. ПЕРРОН – адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются вопросы контроля Европейского комитета по предупреждению пыток за условиями отбывания и исполнения уголовных наказаний в Российской Федерации, предпосылки возникновения данного комитета в структуре Совета Европы и сотрудничество с другими международными органами, осуществляющими контроль за соблюдением законности в местах лишения свободы,

анализируются положения ежегодных докладов комитета о состоянии европейских тюрем и публичные заявления относительно ситуации в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : международный контроль; Европейский комитет по предупреждению пыток; Европейский суд по правам человека; Комитет против пыток Организации Объединенных Наций.

Activities of the European Committee for the Prevention of Torture in the sphere of control criminal penalties execution in the Russian Federation

Y.V. PERRON – Adjunct of the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the control of the European Committee for the Prevention of Torture of the conditions of serving criminal penalties in the Russian Federation, the prerequisites of this committee in the structure of the Council of Europe and cooperation with other international bodies responsible for supervising the observance of law in places of detention, it analyzes the situation of annual reports Committee on the state of European prisons and public statements about the situation in Russia.

Key words: international control; The European Committee for the Prevention of Torture; European Court of Human Rights; Committee against Torture of the United Nations.

Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП или комитет) был учрежден Европейской конвенцией по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, принятой Советом Европы в 1987 г.¹ Предпосылкой появления ЕКПП стала ст. 3 Европейской конвенции по правам человека 1950 г., которая гласит, что «никто не может быть подвержен пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию»².

При разработке нового механизма по предупреждению пыток на основе Европейской конвенции 1987 г. были учтены недостатки в функционировании комитетов против пыток и по правам человека ООН, других контрольных механизмов. Поэтому деятельность ЕКПП существенно отличается от работы вышеназванных органов и представляет собой проведение инспекционных визитов в места лишения свободы. Рассмотрение жалоб о нарушении положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. на территории государств – участников Совета Европы возложено на Европейский суд по правам человека. ЕКПП не является органом расследования. Комитет представля-

ет собой внесудебный механизм, который служит для предупреждения и защиты лиц, лишенных свободы, от пыток и других форм жестокого обращения, тем самым дополняя работу Европейского суда по правам человека.

ЕКПП поддерживает рабочие отношения с Европейским судом по правам человека, Международным Комитетом Красного Креста, Комитетом ООН против пыток, Специальным докладчиком ООН по вопросам, касающимся пыток, и Верховным комиссаром ООН по делам беженцев. Комитет также вступил в контакт с некоторыми неправительственными организациями государств – участников Европейской конвенции 1987 г.

Часто исследователи сравнивают ЕКПП с Комитетом против пыток ООН. Среди основных критериев эффективности первого приводят систему посещений, действующую только на территории Европы, а также правомочность ЕКПП выносить рекомендации, обязательные для исполнения государствами – участниками конвенции (решения Комитета против пыток ООН носят рекомендательный характер)³. Поставим под сомнение данное утверждение, так как эти органы выносят рекомендации, несоблюдение которых влечет негативные последствия вплоть до исключения из ООН или Совета

Европы. На наш взгляд, указанные комитеты, хотя и преследуют схожую цель (защита прав лиц, лишенных свободы), но достигают ее по-разному.

Комитет против пыток ООН подразумевает создание сложной структуры органов, действующих на международном и национальном уровнях. В нее входят Подкомитет против пыток ООН (юрисдикция которого признается после ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток ООН) и Национальный превентивный механизм (НПМ). Они взаимодействуют между собой, а силами НПМ, состоящего из представителей власти и гражданского общества государства, осуществляется инспектирование мест лишения свободы. Создание НПМ в 2002 г. – это ключевая идея всей концепции ООН, направленной против пыток. Данный процесс длительный. Большинство из 78 государств, подписавших Факультативный протокол к Конвенции против пыток ООН, находятся в стадии формирования НПМ.

Структура ЕКПП представляет собой единый орган, состоящий из представителей 47 государств – участников Европейской конвенции против пыток. Инспектирование учреждений осуществляется группой иностранных экспертов.

В деятельности каждого комитета есть свои достоинства и недостатки, осветить все нюансы которых в нашей статье не представляется возможным. В Российской Федерации в настоящее время в полной мере признана лишь юрисдикция ЕКПП, поэтому мы можем достоверно судить об эффективности деятельности этого органа.

Отметим, что большинство европейских стран стремятся к сотрудничеству, стараясь показать, что постепенно происходят положительные изменения во всех социально значимых сферах общества. Тем не менее реальность такова, что тюремная система страдает от недостаточного государственного финансирования, при этом стандарт размещения заключенных считается мировым сообществом одним из главных пунктов оценки общего качества жизни в тюрьме, поскольку условия содержания оказывают наибольшее влияние на поведение осужденных.

Наиболее точная оценка тюремных условий по всей Европе производится ЕКПП. В зависимости от тяжести проблем, обнаруженных в каждой стране, последующие визиты совершаются ежегодно или один раз в несколько лет. Так, ЕКПП посетил Монако

с момента ратификации конвенции в 2005 г. дважды – в 2006 и 2012 гг., в то время как в Россию было совершено 23 визита с момента ратификации конвенции в 1998 г.⁴, из них 12 – в Северокавказский регион. Для сравнения: Великобританию инспектировали 17 раз, Украину – 12, Францию – 11, Германию – 7, Швейцарию – 6, Финляндию – 5, Сан-Марино – 4. Наибольшее количество визитов было совершено в Турцию – 27 (на конец 2014 г.). На 1 апреля 2015 г. ЕКПП совершил 371 посещение государств – участников конвенции (221 периодическое посещение и 150 посещений *ad hoc*), 324 отчета комитета опубликовано⁵.

В рамках европейской региональной системы защиты прав человека ЕКПП можно назвать одним из наиболее эффективных механизмов контроля за исполнением уголовных наказаний. Стандарты Европейских пенитенциарных правил 2006 г., на соответствие которым проверяет деятельность исправительных учреждений ЕКПП, значительно выше Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН 1955 г., что позволяет говорить, что в целом требования к тюремным системам в Европе выше, чем во всем мире. Данный факт можно объяснить тем, что стандарты должны содержать минимальные требования и главным образом обеспечивать защиту от пыток и жестокого обращения. Очень трудно установить высокий уровень соблюдения стандартов в рамках универсальной системы защиты прав человека ООН ввиду огромных различий в законодательстве, образе жизни, религиозных и этнических традициях разных государств.

Отметим, что комитет должен рассматривать широкий круг вопросов при посещении мест заключения. Конечно, особое внимание он уделяет любым сообщениям о жестоком обращении с лицами, лишенными свободы, со стороны тюремного персонала. Однако к компетенции комитета относятся все аспекты условий содержания в тюрьме. Жестокое обращение может принимать многочисленные формы, большинство из которых могут быть не предумышленными, а скорее являться результатом организационных ошибок или недостаточности ресурсов. Поэтому для ЕКПП важен общий уровень жизни в учреждении, который зависит от предлагаемых заключенным видов деятельности и сложившихся отношений между осужденными и персоналом.

Вопросы исполнения наказаний, находящихся в компетенции комитета, отражены в

положения общих докладов, где разъясняются требования к условиям содержания в местах лишения свободы. Всего было сделано 24 доклада.

Так, положения 44–60 2-го Общего доклада [СРТ/Inf (92) 3] посвящены общим критериям уровня жизни в учреждении, на которые обращает внимание комиссия ЕКПП при инспектировании. Данными показателями являются: сложившаяся внутри учреждения обстановка, переполненность камер, удовлетворительная программа деятельности (работа, образование, спорт и т.д.), возможность пребывания на открытом воздухе, доступ к надлежащим туалетным средствам и поддержание удовлетворительных стандартов гигиены, контакт с внешним миром, применение средств физического воздействия, эффективный порядок рассмотрения жалоб и инспектирование, четкая система дисциплинарных мер и подбор правоохранительного персонала. Контроль над этими критериями выступает основной гарантией против жестокого обращения в тюрьмах⁶.

По итогам нескольких визитов, осуществленных в 1996 г. (в числе посещаемых стран России не было), ЕКПП неоднократно сталкивался с проблемой переполненности тюрем – явлением, буквально поразившим пенитенциарные системы многих европейских стран, чему в 7-м Общем докладе [СРТ/Inf (97) 10] посвящены пункты 12–15⁷.

В 11-м Общем докладе [СРТ/Inf (2001) 16] были затронуты вопросы отношений персонала и осужденных, насилия в среде осужденных, переполненности помещений и доступа к свежему воздуху и свету, болезням, распространенным в среде осужденных (положения 23–32). Впервые ЕКПП обратил внимание на исполнение наказаний в отношении осужденных, приговоренных к длительным срокам и пожизненному лишению свободы.

Как было отмечено комитетом, во многих европейских странах количество приговоренных к пожизненному заключению и длительным срокам постоянно растет. Во время визитов ЕКПП обнаружил, что положение заключенных данной категории оставляет желать лучшего в плане материальных условий, видов деятельности и возможностей живого человеческого общения. Многие из них подвергаются особым ограничениям, которые способны усилить отрицательное воздействие длительного заключения. Кроме того, ЕКПП считает, что такие осужденные должны иметь разнообразную целенаправленную деятельность (работу предпочти-

тельно профессиональной направленности, образование, спорт, отдых/общение). Более того, им следует предоставить возможность пользоваться правом выбора в вопросе проведения свободного времени, укрепляя таким образом чувство независимости и личную ответственность. Следует предпринять дополнительные шаги для придания смысла их заключению. В частности, индивидуализация планов заключения и соответствующей психосоциальной поддержки является важным элементом, помогающим пережить период лишения свободы и подготовиться к освобождению. Если лица, отбывающие длительные сроки, смогут эффективно поддерживать контакты с внешним миром, то отрицательное воздействие институционализации будет менее заметным, а они сами будут лучше подготовлены к освобождению.

В 21-м Общем докладе [СРТ/Inf (2011) 28] ЕКПП обратил внимание на условия одиночного заключения. Комитет понимает термин «одиночное заключение» как означающий все те случаи, когда заключенному предписывается находиться отдельно от других заключенных, например, в результате судебного решения или дисциплинарного наказания, налагаемого в рамках тюремной системы, или в качестве профилактической административной меры, или же для защиты соответствующего заключенного. Учитывая это, во время каждого посещения делегация настаивает на том, чтобы побеседовать с такими заключенными для изучения условий их содержания и обращения с ними, а также для проверки процедур принятия и пересмотра решений о таком содержании (положения 53–64)⁸.

В отношении Российской Федерации вопросы ЕКПП касаются двух тем: переполненности пенитенциарных учреждений и отсутствия сотрудничества. Как правило, после доклада комитета правительства государств реагируют и пытаются объяснить свои действия и предоставить доказательства добросовестности и улучшений. Россия – единственная страна, которая отказала в разрешении ЕКПП публиковать доклады о посещениях. Комитет делает публичные заявления редко – при систематическом отказе сотрудничать. Три из пяти публичных заявлений были посвящены ситуации в России, а именно Чеченской Республике⁹. Это было связано с поступающими в Европейский суд по правам человека сообщениями о незаконных задержаниях в Чеченской Республике и нарушениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В 2001 г.

комитет сделал первое заявление по поводу нежелания правительства выполнять рекомендации относительно условий в изоляторах и тюрьмах Грозного¹⁰. Кроме того, было указано на катастрофическую переполненность, особенно при предварительном заключении, из-за очень долгого расследования. Также были выявлены факты усиленной цензуры почтовых и телефонных переговоров осужденных и лиц, находящихся под следствием. Им было разрешено иметь всего четыре телефонных звонка в год. Аналогичные заявления последовали в 2003 и 2007 гг., в которых отмечались улучшение питания, обеспеченности одеждой и увеличение количества мест. Уровень сотрудничества делегации ЕКПП и Федеральной службы исполнения наказаний во время визита был хорошим.

Подводя итог сказанному, можно назвать ЕКПП одной из наиболее эффективных систем контроля исполнения наказаний и реагирования на проблемы, существующие в тюрьмах. В ходе инспектирования членами ЕКПП проводится проверка исполнения на-

казаний на соответствие международным стандартам, в частности Европейским пенитенциарным правилам Rec(2006)2. В то же время существуют некоторые организационные проблемы, в частности недостаточная правовая осведомленность по вопросам контроля ЕКПП условий исполнения наказаний. Комитет считает, что чем больше национальные органы и сотрудники, ответственные за места лишения свободы, знают о его роли, тем эффективнее будет сотрудничество во время посещения их страны. Кроме того, знание о существовании и деятельности ЕКПП может служить стимулом для соблюдения в полном объеме прав лиц, лишенных свободы. Решение данной проблемы видится в проведении занятий с различными категориями сотрудников с целью знакомства с Европейской конвенцией против пыток 1987 г. и механизмом деятельности ЕКПП. Также целесообразно внедрить в деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, инструкции о правилах посещения членами ЕКПП указанных учреждений.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4465.

² Там же. 2001. № 2. Ст. 163.

³ См.: Моряков Д. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания как международно-правовой механизм // Бизнес в законе. 2007. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-komitet-po-preduprezhdeniyu-pytok-i-beschelovechnogo-ili-unizhayuschego-dostoinstvo-obrascheniya-ili-nakazaniya-kak> (дата обращения: 01.06.2015).

⁴ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Российская газета. 1998. 7 апр.

⁵ См.: CPT visits [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpt.coe.int/fr/visites.htm> (дата обращения: 09.04.2015).

⁶ См.: European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpt.coe.int/en/documents/eng-standards.pdf> (дата обращения: 09.04.2015).

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Hudoc base CPT [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.cpt.coe.int/eng#/> (дата обращения: 01.06.2015).

¹ Sm.: SZ RF. 1998. № 36. St. 4465.

² Tam zhe. 2001. № 2. St. 163.

³ Sm.: Morjakov D. Evropejskij komitet po preduprezhdeniju pytok i beschelovechnogo ili unizhajushhego dostoinstvo obrashhenija ili nakazaniya kak mezhdunarodno-pravovoj mehanizm // Biznes v zakone. 2007. № 3 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-komitet-po-preduprezhdeniyu-pytok-i-beschelovechnogo-ili-unizhayuschego-dostoinstvo-obrascheniya-ili-nakazaniya-kak> (дата обращения: 01.06.2015).

⁴ Sm.: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 30.03.1998 g. № 54-FZ «O ratifikacii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod i Protokolov k nej» // Rossijskaja gazeta. 1998. 7 apr.

⁵ Sm.: CPT visits [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.cpt.coe.int/fr/visites.htm> (дата обращения: 09.04.2015).

⁶ Sm.: European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.cpt.coe.int/en/documents/eng-standards.pdf> (дата обращения: 09.04.2015).

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Sm.: Tam zhe.

⁹ Sm.: Tam zhe.

¹⁰ Sm.: Hudoc base CPT [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://hudoc.cpt.coe.int/eng#/> (дата обращения: 01.06.2015).

УДК 343.271

Злостность уклонения от уплаты штрафа как основного наказания: вопросы теории и практики

Р.С. РЫЖОВ – заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются недостатки термина «злостное уклонение от уплаты штрафа», используемого в ст. 32 УИК РФ, противоречия правового регулирования замены штрафа на другое наказание с учетом злостности уклонения от его уплаты. Приводятся примеры неоднозначного толкования указанного термина в судебной практике, некоторые возможности устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: злостность уклонения от уплаты штрафа; штраф как основное наказание; замена штрафа на другое наказание.

Malignity of evasion from payment of the penalty as main punishment: questions of the theory and practice

R.S. RYZHOV – Deputy Chief for Science of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor

The article analyzes shortcomings of the term «malicious evasion from payment of a penalty» used in Art. 32 of the Criminal and executive code of the Russian Federation; contradictions of legal regulation of replacement of a penalty by other punishment taking into account malignity of evasion from its payment. There are given examples of ambiguous interpretation of the specified term in jurisprudence, some opportunities of elimination of the revealed problems are considered.

Key words: malignity of evasion from payment of a penalty; a penalty as the main punishment; replacement of a penalty by other punishment.

Одной из проблем реализации штрафа, назначенного в качестве основного наказания, является уклонение осужденного от его уплаты. Закон предусматривает меру реагирования на такие ситуации – замену наказания, которая регламентируется применительно к штрафу ч. 5 ст. 46 УК РФ.

Основанием замены штрафа на другое наказание служит злостное уклонение осужденного от его уплаты. В соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный срок. Общий срок уплаты – 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу без рассрочки выплаты (ч. 1 ст. 31 УИК РФ). В случае рассрочки осужденный обязан в течение 60 дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу уплатить первую часть штрафа, оставшиеся части – ежемесячно не позднее последне-

го дня каждого последующего месяца (ч. 3 ст. 31).

Злостному уклонению от отбывания наказания должно предшествовать уклонение от отбывания наказания, определение которому должен дать законодатель. Однако в этом отношении к конструкции соответствующих норм уголовно-исполнительного закона есть серьезные претензии, так как они не содержат понятия уклонения от уплаты штрафа. Возникает вопрос: зачем определять злостное уклонение, если не существует понятия «уклонение»? Использование термина «злостное уклонение от уплаты штрафа» оправданно только в целях размежевания собственно злостного уклонения, требующего уголовно-правового регулирования, и уклонения, не требующего такого регулирования. В научной литературе обращалось внимание на недостатки данного термина¹.

Получается, что любое уклонение в императивном порядке признается злостным, а это с позиций системности и единства терминологии в уголовно-исполнительном праве не выдерживает никакой критики. Например, применительно к исправительным работам (ст. 46 УИК РФ) и ограничению свободы (ст. 58 УИК РФ), в отношении которых используется термин «злостное уклонение от отбывания наказания», определяется перечень нарушений порядка и условий отбывания наказания, составляющих основу злостного уклонения.

Главный вопрос, связанный с данной проблемой, заключается в том, какое уклонение от уплаты штрафа должно признаваться злостным. Никаких дополнительных критериев злостности применительно к штрафу в приведенной норме УИК РФ не содержится. Это подтверждается разъяснением Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которым установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок (например, неоднократное предупреждение осужденного судебными приставами-исполнителями о возможности замены штрафа другим наказанием, выяснение причин неуплаты штрафа, представление сведений об имущественном положении осужденного и источника его доходов), для признания осужденного злостно уклоняющимся от наказания не требуется. При этом факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной для неуплаты штрафа в срок².

Следовательно, законодатель в императивном порядке и независимо от причин признает неуплату штрафа либо его части в установленный срок злостным уклонением от наказания. Другого решения быть не может. Однако на самом деле все обстоит несколько иначе.

Прежде всего, следует сказать о правовой коллизии в части регулирования замены штрафа другим наказанием. Так, в соответствии с п. 10 и 13 ст. 103 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³ суд при наличии признаков злостного уклонения от уплаты штрафа как основного наказания может отказать в его замене другим видом наказания как при наличии уважительных причин, так и при их отсутствии. Уважительные причины в данных нормах закона не конкретизируются. Уголовно-исполнительный закон, еще раз подчеркнем, никаких исключений в этом отношении не делает.

Анализ судебных решений по данному вопросу показывает, что при оценке факта неуплаты штрафа либо его части в установленный срок единая практика отсутствует. Суды по-разному понимают сущность злостного уклонения от уплаты штрафа. Решения по схожим ситуациям принимаются диаметрально противоположные, несмотря на указанные вполне конкретные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации.

Так, Г. был осужден к штрафу в размере 4000 руб. Судебный пристав-исполнитель обратился в суд с представлением о замене наказания в виде штрафа, назначенного Г. по приговору суда, иным видом наказания в связи с неуплатой. Постановлением суда представление было оставлено без удовлетворения. В апелляционной жалобе судебный пристав-исполнитель выразил несогласие с постановлением суда. Суд апелляционной инстанции нашел постановление обоснованным, указав, что из содержания ст. 32 УИК РФ следует, что злостное уклонение от уплаты штрафа предполагает нежелание при наличии у должника реальной финансовой возможности выполнить это обязательство либо намеренное создание препятствий для обращения взыскания на заработную плату и связанный с этим отказ должника от трудоустройства. Таким образом, при решении вопроса о признании лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа обстоятельством, имеющим правовое значение и подлежащим доказыванию, является имущественная состоятельность должника, позволяющая выплатить штраф. Судебным приставом-исполнителем не были представлены суду сведения о том, что осужденный имеет постоянный источник дохода в виде заработной платы, пенсии, пособия либо располагает денежными вкладами или недвижимым имуществом. Следовательно, не установлено, что у осужденного есть финансовые либо иные материальные возможности для уплаты штрафа, при этом он умышленно уклоняется от наказания⁴.

В судебной практике примеры подобного толкования злостности уклонения от уплаты штрафа встречаются довольно часто, в том числе на уровне высшего судебного органа⁵.

С другой стороны, довольно часто отменяются постановления судов об отказе в удовлетворении представлений судебных приставов-исполнителей о замене штрафа иным видом наказания в связи с отсутствием сведений о реальной финансовой возможности выплачивать штраф, о созда-

нии осужденными препятствий для этого⁶. По-разному суды относятся и к таким существенным обстоятельствам, как нахождение осужденного в месте лишения свободы, содержания под стражей, заболевание осужденного, наличие на иждивении детей и т.д.

Например, Волоколамский городской суд Московской области, рассмотрев в апелляционном порядке жалобу осужденного Н. на постановление мирового судьи, которым произведена замена штрафа в размере 5000 руб. на обязательные работы, данное постановление отменил. При этом было указано, что Н. не имел реальной возможности оплатить штраф по приговору суда, поскольку он находился в следственном изоляторе, в связи с чем неуплата штрафа носит вынужденный характер, не образует злостного уклонения⁷. По другому делу суд апелляционной инстанции доводы осужденного о том, что он не уплатил штраф в связи с нахождением в исправительной колонии и отсутствием трудоустройства, признал несостоятельными⁸.

Довольно распространенной является позиция, согласно которой в качестве уважительных обстоятельств, препятствующих признанию лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа, могут рассматриваться следующие: возраст; болезнь, препятствующая трудоустройству⁹; невыплата заработной платы работодателем и т.п.¹⁰

Однако суды нередко указывают и на то, что невозможность трудоустройства, наличие ряда заболеваний, отсутствие средств к существованию, наличие на иждивении детей и т.п. не свидетельствуют об отсутствии злостности в неисполнении назначенного наказания¹¹.

Данная неоднозначность в решениях правоприменителя объясняется различным толкованием злостности. Законодатель в ст. 32 УИК РФ, раскрывая понятие злостности уклонения от уплаты штрафа, приравнял ее к неуплате в срок, но по своему содержанию она выходит за эти пределы.

Согласимся, что злостность «отражает стойкость противоправного поведения лица, продолжение неисполнения им обязанности после вынесенного официального предупреждения или принятия мер соответствующими государственными органами»¹². Она должна явно свидетельствовать о намерении осужденного уклониться от наказания, несмотря на то что имеются все условия для уплаты штрафа. При этом закон вынуждает правоприменителя призна-

вать осужденного, находящегося в трудной ситуации, лицом, злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. Возможность указанного толкования злостности создают приведенные нормы федерального закона «Об исполнительном производстве». Поэтому суды принимают решения, не соответствующие буквальному смыслу ст. 32 УИК РФ.

Коллизия уголовно-исполнительного закона и федерального закона «Об исполнительном производстве» вполне объяснима, поскольку первый из них направлен прежде всего на реализацию принципа неотвратимости наказания, а второй – на решение процедурных вопросов исполнения судебного акта. Однако это ни в коем случае не предопределяет обязательность данной коллизии.

Отметим также, что в прежней редакции ст. 32 УИК РФ, измененной Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”»¹³, злостность предполагала не только неуплату штрафа в установленный срок, но и сокрытие осужденным своих доходов и имущества от принудительного взыскания. Этот дополнительный признак преобразовывал просрочку платежа в злостное уклонение от уплаты штрафа.

В юридической литературе обосновывается целесообразность введения дополнительных критериев злостного уклонения от уплаты штрафа помимо срока. В качестве таковых предлагаются:

- умышленное неисполнение осужденным обязанности по уплате штрафа в установленные сроки при наличии возможности выполнить ее, создание препятствий для исполнения наказания, отказ должника от трудоустройства¹⁴;

- неуплата без уважительных причин после сделанного судебным приставом-исполнителем письменного предупреждения, а также сокрытие доходов и имущества в целях уклонения от уплаты штрафа¹⁵.

Нам представляется, что злостность предполагает повторную неуплату штрафа в срок при наличии у лица возможности для этого. Введение дополнительных критериев злостности неуплаты штрафа на законодательном уровне позволит нивелировать противоречия праворегулирования и правоприменения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Степашин В. Последствия неисполнения уголовно-го наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2. С. 68.

² См.: Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

³ См.: СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

⁴ См.: Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 08.10.2013 г. по делу № 22-4071/2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOPV;n=2220357> (дата обращения: 20.08.2015 г.).

⁵ См.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2011 г. № 44-О11-109 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.10.2012 г. № 11-О12-64 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

⁶ См.: Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 24.03.2015 г. по делу № 44у-56/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Апелляционное постановление Волоколамского городского суда Московской области от 03.04.2015 г. по делу № 10-5/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOCN;n=4267909> (дата обращения: 20.08.2015 г.).

⁸ См.: Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 11.09.2014 г. по делу № 22-1647/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOSZ;n=1165035> (дата обращения: 20.08.2015 г.).

⁹ См.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2012 г. № 49-О12-76 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Томского областного суда от 05.02.2015 г. по делу № 22-65/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOSB;n=2424772> (дата обращения: 20.08.2015 г.).

¹⁰ См.: Обзор назначения за период 2011–2012 годы судами Приморского края наказаний в виде штрафа и их последующее приведение к исполнению: обзор Приморского краевого суда от 30.04.2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2014 г. по делу № 02-13/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/rtqhwuNFP4UO/> (дата обращения: 20.08.2015 г.); Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 19.12.2014 г. по делу № 22-5570/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/JcrZQFxB2T1J/> (дата обращения: 20.08.2015 г.).

¹² Спивак С.Г. Проблемы исполнения наказания в виде штрафа // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 4.

¹³ См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

¹⁴ См.: Кленова Т.В., Тукмаков П.А. О взаимосвязанных проблемах назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа // Мировой судья. 2015. № 1. С. 20–27.

¹⁵ См.: Уткина С.С. Уголовное наказание в виде штрафа. Томск, 2004. С. 149.

¹ См.: Stepashin V. Posledstviya neispolneniya ugovornogo nakazaniya v vide shtrafa // Ugolovnoe pravo. 2010. № 2. С. 68.

² См.: Postanovlenie plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11.01.2007 g. № 2 «O praktike naznachenija Sudami Rossijskoj Federacii ugovornogo nakazaniya» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2007. № 4.

³ См.: SZ RF. 2007. № 41. St. 4849.

⁴ См.: Apelljacionnoe postanovlenie Orenburgskogo oblastnogo suda ot 08.10.2013 g. po delu № 22-4071/2013 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOPV;n=2220357> (data obrashhenija: 20.08.2015 g.).

⁵ См.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.12.2011 g. № 44-O11-109 // SPS «Konsul'tantPljus»; Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11.10.2012 g. № 11-O12-64 // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. № 3.

⁶ См.: Postanovlenie Prezidiuma Krasnojarskogo kraevogo suda ot 24.03.2015 g. po delu № 44u-56/2015 // SPS «Konsul'tantPljus».

⁷ См.: Apelljacionnoe postanovlenie Volokolamskogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 03.04.2015 g. po delu № 10-5/2015 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOCN;n=4267909> (data obrashhenija: 20.08.2015 g.).

⁸ См.: Apelljacionnoe postanovlenie Verhovnogo suda Respubliki Karelija ot 11.09.2014 g. po delu № 22-1647/2014 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOSZ;n=1165035> (data obrashhenija: 20.08.2015 g.).

⁹ См.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.12.2012 g. № 49-O12-76 // SPS «Konsul'tantPljus»; Apelljacionnoe postanovlenie Tomskogo oblastnogo suda ot 05.02.2015 g. po delu № 22-65/2015 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=AOSB;n=2424772> (data obrashhenija: 20.08.2015 g.).

¹⁰ См.: Obzor naznachenija za period 2011–2012 gody sudami Primorskogo kraja nakazaniy v vide shtrafa i ih posledujushhee privedenie k ispolneniju: obzor Primorskogo kraevogo suda ot 30.04.2013 g. // SPS «Konsul'tantPljus».

¹¹ См.: Apelljacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.09.2014 g. po delu № 02-13/2014 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/rtqhwuNFP4UO/> (data obrashhenija: 20.08.2015 g.); Apelljacionnoe postanovlenie Kemerovskogo oblastnogo suda ot 19.12.2014 g. po delu № 22-5570/2014 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/JcrZQFxB2T1J/> (data obrashhenija: 20.08.2015 g.).

¹² Spivak S.G. Problemy ispolnenija nakazaniya v vide shtrafa // Ispolnitel'noe pravo. 2014. № 2. С. 4.

¹³ См.: SZ RF. 2003. № 50. St. 4847.

¹⁴ См.: Klenova T.V., Tukmakov P.A. O vzaimosvjazannyh problemah naznachenija i ispolnenija ugovornogo nakazaniya v vide shtrafa // Mirovoj sud'ja. 2015. № 1. С. 20–27.

¹⁵ См.: Utkina S.S. Ugolovnoe nakazanie v vide shtrafa. Tomsk, 2004. С. 149.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

УДК 343.14

Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения

А.М. ЛЮТЫНСКИЙ – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Е.Г. КАРТАШОВА – студент Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы российского уголовного судопроизводства, связанные с процедурой признания доказательств по уголовному делу недопустимыми на различных стадиях уголовного судопроизводства, обосновываются предложения по толкованию и совершенствованию отдельных норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с доказательствами.

Ключевые слова: свойства доказательства; собрание, проверка и оценка доказательств; допустимость доказательств; недопустимые доказательства.

Procedure for the recognition of evidence in the criminal case inadmissible: some problems and solutions

A.M. LYUTYNSKY – Assistant Professor of the Department of Criminal Procedural Law of the Northwest O.E. Kutafin Institute (branch) University, PhD. in Law, Associate Professor;

E.G. KARTASHOVA – Student of the North-West O.E. Kutafin Institute (branch) University

The article discusses some problematic issues of the Russian criminal proceedings related to the procedure of recognition of evidence in the criminal case inadmissible at various stages of criminal proceedings, the article justifies proposals for interpretation and improvement of certain provisions of criminal procedural law relating to evidence.

Key words: Properties evidence; collection, verification and evaluation of evidence; admissibility of evidence; inadmissible evidence.

УПК РФ устанавливает, что доказательство по уголовному делу должно обладать свойством допустимости. Процессуальный закон не определяет напрямую содержание этого термина, но, ссылаясь на ч. 1 ст. 75 УПК РФ и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, можно утверждать, что допу-

стимость доказательства означает его получение в соответствии с законом. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств предмета доказывания.

Проблема недопустимых доказательств является одной из ключевых в теории доказательств и неоднократно становилась предметом внимания исследователей¹.

В рамках настоящей статьи рассмотрим некоторые аспекты признания уже полученного и имеющегося в уголовном деле доказательства недопустимым. К основным правилам оценки (ст. 88 УПК РФ) относится право субъекта доказывания (прокурора, следователя, дознавателя) признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе². Часть 4 указанной статьи предусматривает, что суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК РФ³.

Таким образом, закон устанавливает: а) субъектов уголовного судопроизводства, имеющих право на заявление инициативы о признании доказательства недопустимым; б) властных субъектов судопроизводства, наделенных полномочиями на разных стадиях процесса рассматривать такие ходатайства либо по своей инициативе признавать доказательство не соответствующим закону, а значит недопустимым.

Существующая модель уголовного судопроизводства полноценными полномочиями по доказыванию в досудебном производстве наделяет субъектов уголовного преследования (участников со стороны обвинения): следователя и дознавателя. При этом собирание доказательств происходит в условиях тайны предварительного расследования, без полноценной реализации принципа состязательности сторон. В связи с этим возникает вопрос: каким образом обвиняемому (подозреваемому) либо его защитнику становится известно об имеющихся в деле доказательствах (и нарушениях), чтобы оценить их с точки зрения допустимости в ходе досудебного производства?

Так, А.А. Васяев указывает: «Предположим, что защитник обнаружил недопустимые доказательства обвинения. В рамках предоставленных законом правомочий защитник может только заявить ходатайство следователю об исключении таких доказательств. Судьба подобного ходатайства хорошо известна – следователь откажет в его удовлетворении, так как вряд ли он будет разрушать собственными руками построенное обвинение»⁴. Здесь необходимо уточнить: ходатайство такого рода сторона

защиты может подать далеко не во всех случаях, а только имея на руках копию протокола следственного действия, в ходе которого, по ее мнению, были допущены нарушения (например, протокол обыска в квартире подозреваемого). Остальные варианты вряд ли возможны до ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела и направления их в суд. К сожалению, данная ситуация не изменится без пересмотра самой модели досудебного производства по уголовному делу⁵.

Процессуальный закон предусматривает, что полноценное исследование обстоятельств дела, доказывание на основе реализации всех принципов уголовного процесса происходят в ходе судебного разбирательства. Именно там участники процесса могут объективно оценить условия получения доказательства (например, обстоятельства допроса, в ходе которого на допрашиваемого, по его утверждению, осуществлялось незаконное воздействие), определить степень влияния нарушений уголовно-процессуальных норм на его достоверность, рассмотреть возможность устранения допущенных нарушений, выслушать мнения сторон.

Для реализации этой возможности в УПК РФ помимо стадии судебного разбирательства существует стадия назначения судебного разбирательства и ее отдельный элемент – предварительные слушания, одним из оснований для проведения которых является ходатайство об исключении доказательств, заявленное стороной в ограниченные сроки (связанные с моментом ознакомления с материалами уголовного дела или вручения копии обвинительного заключения – ч. 3 ст. 229 УПК РФ). Можно предположить, что законодатель создал такой своеобразный «фильтр» для доказательств, чтобы обеспечить процессуальную возможность предварительно очистить рассмотрение дела по существу от спора о доброкачественности исследуемых доказательств⁶.

Правила проведения предварительного слушания и рассмотрения ходатайства об исключении доказательств, установленные в ст. 234, 235 УПК РФ, предусматривают закрытый характер судебного заседания, то есть исключается одно из принципиально важных условий судебного разбирательства. Из чего исходил законодатель при принятии такой нормы, не совсем ясно. Открытость, гласность в рассмотрении спора о допустимости доказательств, на наш взгляд, не менее важны, чем в рассмотрении уголовного дела по существу.

С точки зрения закона инициатива по исключению доказательства из перечня допустимых принадлежит основным субъектам уголовного судопроизводства. Интересным представляется вопрос, как стороны и суд реализуют это право. Анализ практики показывает, что правом заявлять ходатайства об исключении доказательств в большинстве случаев пользуется сторона защиты⁷, что можно объяснить восстановлением симметрии прав сторон на судебных стадиях и сложностью разрешения этих споров в досудебном производстве. Активность стороны обвинения, полностью контролирующей до суда уголовное дело, в этом вопросе остается низкой.

Можно предположить, что инициативу об исключении доказательства на стадии назначения судебного разбирательства суд проявляет нечасто. Так, например, А.А. Васяев указывает, что Липецкий областной суд в 2005 г. не выступал инициатором обсуждения вопроса о допустимости доказательства⁸. Однако судебная практика региона свидетельствует о том, что по инициативе суда (без ходатайств сторон) исключается значительная часть доказательств обвинения, но происходит это при постановлении приговора, а не в стадии судебного разбирательства⁹.

Исследования судебной практики подтверждают, что судьи в судебном следствии не ставят по собственной инициативе на обсуждение сторон вопрос о признании доказательства недопустимым, предпочитая разрешать его самостоятельно в совещательной комнате при постановлении приговора.

По нашему мнению, право председательствующего ставить в судебном заседании по собственной инициативе вопрос о признании доказательства недопустимым корреспондирует с содержанием его роли, заключающейся в обеспечении объективного исследования обстоятельств предмета доказывания. Он должен стремиться к тому, чтобы исключить из уголовного дела данные, имеющие сомнительное происхождение. Для этого необходимо провести по своей инициативе соответствующие процессуальные действия, чтобы в ходе разбирательства проверить доброкачественность доказательств, в первую очередь обвинительных.

Данные выводы, на наш взгляд, убедительны для обоснования идеи о закреплении в УПК РФ права суда по собственной инициативе начинать процедуру рассмотре-

ния вопроса о признании того или иного доказательства недопустимым.

Часть 2 ст. 235 УПК РФ предусматривает, что ходатайство об исключении доказательства должно содержать указания: 1) на доказательство, об исключении которого ходатайствует сторона; 2) основания для исключения доказательства, предусмотренные кодексом, и обстоятельства, обосновывающие ходатайство.

Понятие ходатайства и порядок его разрешения содержатся в ст. 235 УПК РФ, регламентирующей общий порядок подготовки к судебному заседанию и проведения предварительного слушания по делу. Представляется, что эти правила могут быть распространены и на другие стадии, в частности досудебные, с учетом их особенностей.

В случае заявления ходатайства об исключении доказательства на судебной стадии его копия передается другим участникам процесса в тот же день. Обязанность вручения копий возложена на суд. В случае заявления ходатайства на досудебной стадии сторона обвинения – следователь или дознаватель – уведомляется в момент подачи ходатайства. Необходимость уведомления потерпевшего о таком ходатайстве законом не установлена. На наш взгляд, современная логика построения досудебных стадий уголовного процесса не требует подобного уведомления. Если ходатайство поступило от подозреваемого, обвиняемого следователю или дознавателю, то оно разрешается по общим правилам рассмотрения ходатайств, предусмотренным гл. 15 УПК РФ.

Исходя из смысла ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель должны оформить свое решение о признании доказательства недопустимым в отдельном процессуальном документе – постановлении об исключении доказательства. На практике суды такое решение включают в постановление о назначении судебного заседания.

Кроме того, стоит рассмотреть проблему правового регулирования действий прокурора по признанию доказательства недопустимым. Законодательно данное полномочие не закреплено, процедура принятия рассматриваемого процессуального решения не определена. Данный пробел не позволяет четко представить механизм осуществления прокурором права признать доказательство недопустимым. Это касается как момента передачи следователем уголовного дела прокурору и утверждения

обвинительного заключения (акта, постановления) с передачей дела в суд, так и возможности исключения прокурором доказательств в ходе расследования¹⁰.

Таким образом, рассмотрение некоторых проблем правового регулирования признания доказательства недопустимым в уголовном процессе позволяет сделать следующие выводы:

1. Процессуальный порядок признания доказательства недопустимым на досудебных стадиях должным образом не установлен. Следует дополнить гл. 10 УПК РФ отдельной статьей, устанавливающей единый порядок действий субъектов уголовного судопроизводства, наделенных соответствующей процессуальной компетенцией, а также форму соответствующего процессуального решения. Необходима подробная регламентация механизма осуществления дознавателем,

следователем и прокурором права признать доказательство недопустимым, чтобы оно не носило декларативный характер.

2. Требуется уточнить в ст. 235 УПК РФ процессуальную возможность суда по исключению доказательства по собственной инициативе на стадии назначения судебного заседания с учетом интересов сторон.

3. Проблемы и противоречия доказывания в уголовном процессе, связанные с допустимостью доказательств, во многом обусловлены самой моделью российского уголовного процесса. Внедрение подлинной состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства одновременно позволит повысить качество получаемых доказательств и дать возможность стороне защиты полноценно контролировать соблюдение процессуальных норм на стадии предварительного расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Бозров В.М., Костовская Н.В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. М., 2013; Зубарев А.А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения. М., 2014.

² См. подр.: Лютынский А.М. Доказывание на стадии предварительного расследования: некоторые проблемы и решения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2 (22). С. 49–51.

³ Помимо указанных статей и ст. 75 УПК РФ к числу норм института недопустимости доказательств в российском уголовном судопроизводстве относятся ст. 88 (о принципах оценки доказательств), ст. 271 (о праве сторон на заявление ходатайства об исключении доказательств в судебном разбирательстве) УПК РФ.

⁴ Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: Моногр. М., 2010. С. 43.

⁵ Надеемся, что появление в уголовном процессе фигуры следственного судьи поможет исправить существующую проблему. См. подр.: URL: http://www.rg.ru/2015/01/13/sud.html?fb_action_ids=974943889201410&fb_action_types=og.recommends (дата обращения: 19.01.2015).

⁶ Насколько оправдано создание данного основания – вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения.

⁷ См., напр.: Информационное письмо Липецкого областного суда «О порядке разрешения ходатайств об исключении доказательств» (утв. Президиумом Липецкого областного суда 21.12.2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.lpk.sudrf.ru>

⁸ См.: Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. С. 45.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Березина Е.С. Проблемные вопросы исключения недопустимых доказательств в досудебном производстве // Российский следователь. 2013. № 5. С. 8.

¹ См., напр.: Bozrov V.M., Kostovskaja N.V. Sudebnoe reshenie i ocenka dokazatel'stv po ugovolnomu delu. M., 2013; Zubarev A.A. Institut priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi v ugovolnom processe i pravovye posledstviya ego primeneniya. M., 2014.

² См. подр.: Ljutynskij A.M. Dokazyvanie na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: nekotorye problemy i resheniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 2 (22). S. 49–51.

³ Pomimo ukazannyh statej i st. 75 UPK RF k chislu norm instituta nedopustimosti dokazatel'stv v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve odnosjatsja st. 88 (o principah ocenki dokazatel'stv), st. 271 (o prave storon na zajavlenie hodatajstva ob iskljuchenii dokazatel'stv v sudebnom razbiratel'stve) UPK RF.

⁴ Vasjaev A.A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v hode sudebnogo sledstvija v sude pervoj instancii v rossijskom ugovolnom processe: Monogr. M., 2010. S. 43.

⁵ Nadeemsja, chto pojavlenie v ugovolnom processe figury sledstvennogo sud'i pomozhet ispravit' sushhestvujushuju problemu. См. подр.: URL: http://www.rg.ru/2015/01/13/sud.html?fb_action_ids=974943889201410&fb_action_types=og.recommends (data obrashhenija: 19.01.2015).

⁶ Naskol'ko opravdano sozdanie dannogo osnovanija – vopros, zasuzhivajushhij ot del'nogo rassmotrenija.

⁷ См., напр.: Informacionnoe pis'mo Lipeckogo oblastnogo suda «O porjadke razresheniya hodatajstv ob iskljuchenii dokazatel'stv» (utv. Prezidiumom Lipeckogo oblastnogo suda 21.12.2005 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://oblsud.lpk.sudrf.ru>

⁸ См.: Vasjaev A.A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v hode sudebnogo sledstvija v sude pervoj instancii v rossijskom ugovolnom processe. S. 45.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Berezina E.S. Problemnye voprosy iskljuchenija nedopustimyh dokazatel'stv v dosudebnom proizvodstve // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 5. S. 8.

УДК 351.74

Эффективность государственной правоохранительной службы и ее влияние на состояние правоохранительной деятельности государства

Р.В. НАГОРНЫХ – директор Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Н.В. СОФИЙЧУК – заместитель директора по научной работе Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена анализу состояния государственной правоохранительной службы в Российской Федерации с точки зрения ее эффективности. Будучи убежденными, что эффективность государственной правоохранительной службы определяет качественное состояние правоохранительной деятельности государства, на основании проведенного социологического исследования и статистического наблюдения авторы приходят к выводу о неудовлетворительном состоянии государственной правоохранительной службы в Российской Федерации, рассуждают о ее целесообразности и предлагают возможные пути ее качественного совершенствования.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; правоохранительная служба; эффективность государственной правоохранительной службы; правоохранительная система государства.

The effectiveness of public enforcement service and its impact on the state law enforcement

R.V. NAGORNYKH – Director of the Northwest O.E. Kutafin Institute (branch) University, PhD. in Law, Associate Professor;

N.V. SOFIYCHUK – Deputy Director for Science of the Northwest O.E. Kutafin Institute (branch) University, PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the state of the public law enforcement service in the Russian Federation in terms of its effectiveness. The authors are convinced that the effectiveness of state law enforcement officers determines the qualitative state of the state of law enforcement on the basis of the sociological study and statistical survey. They come to a conclusion about unsatisfactory state law enforcement officers in the Russian Federation, talk about its feasibility and suggest possible ways to improve the quality.

Key words: law enforcement; law-enforcement service; effectiveness of state law enforcement officers; State law enforcement system.

Уровень защищенности прав и свобод граждан, законности, личной и общественной безопасности и правопорядка в обществе в целом зависит от различных факторов, но прежде всего от эффективности государственной правоохранительной службы, которая представляет собой специфическую разновидность профессиональной деятельности граждан, наде-

ленных установленными законом полномочиями в правоохранительной сфере. Без такой деятельности в принципе невозможно функционирование правоохранительной системы государства. Более того, эффективность государственной правоохранительной службы определяет качественное состояние правоохранительной деятельности в стране.

Сегодня в России сложилась непростая экономическая и социально-политическая ситуация. Вместе с тем затраты на правоохранительную деятельность в нашей стране являются одними из самых высоких в мире: по результатам специальных исследований, в 2011 г. они составили примерно 2,78% ВВП, тогда как среднемировые показатели колеблются в диапазоне от 1,5–2,5%¹ (например, эта цифра для Великобритании и США значительно ниже²). В свою очередь уровень состояния правопорядка в российском государстве оставляет желать лучшего.

В таких условиях важной задачей является повышение качества государственной правоохранительной службы. Поэтому совершенно очевидна актуальность проблемы научного обоснования эффективности исследуемого вида профессиональной деятельности.

В современном обществе, теории права и законодательстве термин «эффективность» (то есть полезность) приобрел популярность при обсуждении проблем организации или реализации той или иной деятельности. Применительно к рассматриваемому вопросу понятие эффективности было впервые использовано в Федеральном законе от 31.07.1995 г. № 119-ФЗ (ред. от 27.05.2003 г.) «Об основах государственной службы Российской Федерации»³, который содержал специальную главу «Обеспечение эффективности государственной службы», где освещался вопрос об организации органов управления государственной службой. Как мы видим, законодатель связывал эффективность службы лишь с организационными моментами.

В современном законодательстве о государственной службе в Российской Федерации подобный раздел отсутствует. Упоминания об эффективности можно обнаружить в Федеральном законе от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 08.06.2015 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴. Так, в п. 2 ч. 1 ст. 14 содержится положение о том, что «гражданский служащий имеет право на ознакомление с... критериями оценки эффективности исполнения должностных обязанностей, показателями результативности профессиональной служебной деятельности и условиями должностного роста». В соответствии с этим содержание эффективности службы составляют отдельные элементы статуса государственного гражданского служащего, которые определяют возможность стимулирования его деятельности.

В ст. 6.1 Закона Вологодской области от 26.04.2005 г. № 1261-ОЗ (ред. от 08.06.2015 г.) «О регулировании некоторых вопросов государственной гражданской службы Вологодской области» также упоминается указанный термин: «За безупречную и эффективную гражданскую службу применяются следующие виды поощрения и награждения»⁵. Содержание при этом представляется несколько размытым, поскольку непонятно, что считать безупречной и эффективной службой.

В научной литературе также сложилось неоднозначное отношение к содержанию понятия «эффективность государственной службы». Точка зрения большинства исследователей сводится к ее определению сквозь призму реализации кадровой функции, а точнее через функции отбора, расстановки, выдвижения, перемещения и увольнения кадров в системе государственной службы⁶. Эти ученые считают, что при наличии государственных служащих, которые действительно находятся на службе обществу, можно говорить об эффективности государственной службы. При этом одно из наиболее ранних исследований, в котором утверждается данный факт, определяет, что нравственное, политическое, правовое сознание индивидов является ядром эффективности⁷.

Ряд авторов отмечают, что государственную службу можно признать эффективной только лишь в том случае, если она успешно решает проблему защиты интересов человека, общества или отдельно взятой социальной группы населения, то есть связывают эффективность с достижением цели службы, со «своевременным и полным решением назревших национальных проблем при оптимальном использовании общественных ресурсов». В этом отношении государство представляет собой главный инструмент реализации всеобщей воли и интересов общества⁸. Так, Л.Л. Попов дает общее определение эффективности через степень достижения какой-либо цели (задачи)⁹. Еще ряд исследователей предлагают рассматривать эффективность как адекватность положений закона потребностям жизни, соотношение между намеченными и достигнутыми результатами¹⁰.

В.В. Лазарев также признает достижение цели в качестве необходимого условия эффективности, однако, по его мнению, этого недостаточно. Он отмечает: «Без средств цели нереальны, неосуществимы, равно как и при отсутствии целей действительные

средства не приводят ни к какому результату»¹¹. Таким образом, прослеживаются некое диалектическое единство и взаимосвязь двух критериев – «достижение цели» и «средства достижения».

Некоторые ученые подчеркивают невозможность создания эффективной системы государственной службы без разработки и применения научно обоснованных и выверенных на практике концепций и кодификации законодательства о государственной службе, способных устранить системные противоречия в правовой регламентации государственной службы¹².

Полагаем, что нет смысла противопоставлять приведенные точки зрения, поскольку все они, на наш взгляд, отражают разные подходы к оценке эффективности государственной службы. Каждая из них при рассмотрении в отрыве друг от друга будет иметь некие недостатки или погрешность. Вместе с тем в своей совокупности они позволяют составить более объективное представление о предмете.

По нашему мнению, эффективность государственной службы в целом и ее отраслевых разновидностей следует рассматривать как соотношение затраченных ресурсов и достигнутых результатов. Применительно к государственной правоохранительной службе эффективность нужно понимать как соотношение затрат государства (финансовых, материально-технических, информационных, кадровых и иных) и степени достижения внешних целей правоохранительной деятельности в области обеспечения необходимого уровня правопорядка в обществе (максимальное состояние защищенности прав и свобод граждан от противоправных посягательств, борьба с преступностью, охрана общественного порядка, обеспечение личной и общественной безопасности, исполнение решений о привлечении к юридической ответственности, ресоциализация лиц, отбывших наказание, и решение иных сопутствующих социальных вопросов).

Позволим себе сформировать общее представление о современном состоянии эффективности государственной правоохранительной службы в Российской Федерации и охарактеризуем ее посредством ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений.

Во-первых, следует признать, что нормативное правопонимание государственной правоохранительной службы сегодня не соответствует интересам ни науки, ни прак-

тики, ни рядовых граждан. Качество закона в российском законодательстве не имеет определения¹³. Не установлены критерии качества, актуальности, логичности и применимости правовой нормы. Вместе с тем установление эффективности вообще и эффективности правового механизма государственной правоохранительной службы предполагает процесс сравнения с критериальными значениями. Как справедливо отмечает В.В. Лазарев, «всегда важно знать, какие методы, средства, условия, факторы дают ощутимые результаты, а какие действуют с меньшей отдачей»¹⁴.

Например, как оценить эффективность конституционных норм, в которых отражены ключевые позиции, определяющие сущность государственной правоохранительной службы? Некоторые исследователи анализируют конституционно-правовой механизм реализации рассматриваемой нами деятельности через принципы, закрепленные конституционно-правовыми нормами и обеспеченные юридическими гарантиями, которые «позволяют многонациональному народу Российской Федерации претворять свою суверенную волю в жизнь»¹⁵. Б.С. Эбзеев определяет эффективность конституционных норм через правомерное осуществление гражданами конституционных прав и свобод; добросовестное исполнение ими своих конституционных обязанностей; справедливое распределение в пользование членов общества накопленных социальных благ и т.д.¹⁶ Однако граждане не всегда признают бытовую социальную ценность конституционных предписаний, не говоря уже об их разумности и оптимальности¹⁷.

Таким образом, предположительно о качестве закона может говорить стабильность и неизменность правовой нормы и доверие населения к ней. Как представляется, эффективность применения правовых норм, их должное толкование во многом зависят от общественного мнения, существующих в обществе ментальных установок. Это проявляется, например, в следующем: большинство опрошенных (79%) знакомы с институтом государственной правоохранительной службы, еще 11% что-либо слышали о нем, вместе с тем более 35% граждан в силу своей инертности и пассивности предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, более 31% относится к ним с опасением¹⁸.

Сегодня в законодательстве о государственной правоохранительной службе существует большая «прореха». Ни в теории

административного права, ни в законе четко не определены правовая сущность и содержание самого понятия государственной правоохранительной службы. Не выработано единого подхода и к определению органов и учреждений, в рамках которых может быть реализована эта служба. Не установлены критерии отнесения государственных органов к числу правоохранительных. В этой связи очень сложно говорить о действенных методах и формах реализации правоохранительной деятельности и, в частности, эффективности государственной правоохранительной службы.

Вместе с тем факт законодательного закрепления тех или иных положений еще не говорит об их качестве – оно познается в процессе реализации, применения норм права. Можно сказать, закон – это статическое начало механизма реализации государственной правоохранительной службы. Динамика данного механизма в жизни сопряжена с организационной работой органов государственной власти и активностью населения и неотделима от правовой культуры должностных лиц.

Во-вторых, характеризуя динамическую составляющую исследуемого нами института, следует отметить неудовлетворительное состояние правопорядка в российском обществе. Уровень преступности демонстрирует высокие показатели. Очевидна несостоятельность сдерживающих механизмов, которые использует государство. Так, криминальная активность населения за пять лет реформ возросла вдвое¹⁹. Отличительной чертой преступности в России в современный период является ее высокая латентность. Особенно это характерно для экономических и должностных преступлений: о них сообщают в правоохранительные органы менее 30% потерпевших лиц²⁰. Как справедливо отмечено в работе И.Г. Смирновой, мониторинг латентной преступности позволяет констатировать, что фактическая преступность более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной преступности²¹.

Количество преступлений, совершенных лицами, занимающими должности в правоохранительных органах Российской Федерации, стабильно достаточно велико: в 2011 г. – 1292; 2012 г. – 1077; 2013 г. – 1291; 2014 г. – 1260²².

О состоянии правопорядка в обществе можно судить и по соотношению количества совершенных/раскрытых преступлений и численности кадрового аппарата сотрудников, осуществляющих предвари-

тельное расследование. До 1 января 2013 г. предельная штатная численность органов внутренних дел Российской Федерации составляла 1 106 472 чел.²³ В настоящее время она насчитывает (без персонала по охране и обслуживанию зданий) 914 525 чел.²⁴ Если учесть, что население Российской Федерации на 1 января 2015 г. составило 146 млн чел.²⁵, то показатель численности сотрудников органов внутренних дел на каждые 1000 чел. населения составил 6 чел. (это не считая сотрудников других правоохранительных органов). По оценкам зарубежных исследователей, в развитых странах на 1000 чел. населения приходится в среднем 3 сотрудника правоохранительных органов, даже в Израиле этот показатель достигает лишь 3,5²⁶. Получается, что в России данное значение только по одной категории государственных служащих в 2 раза превышает значения, присущие развитым странам. Надо полагать, при подсчете всех сотрудников правоохранительных органов в Российской Федерации на 1000 населения придется минимум 9–10 сотрудников государственной правоохранительной службы. Это при том, что количество зарегистрированных преступлений сохраняется в целом на одном уровне.

Оценивая современное состояние дел в правоохранительной системе государства, виднейший отечественный криминолог В.В. Лунеев справедливо отмечает, что «одной из причин недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов является неспособность системы уголовной юстиции “переварить” хотя бы треть реальной преступности. Если будут, как положено, регистрироваться все преступления, то данная система рухнет под тяжестью 6–7 млн дел»²⁷. При этом, по его мнению, решение проблемы противодействия преступности путем количественного увеличения штатной численности правоохранительных органов заведомо обречено на провал.

Примечателен в этом плане приводимый В.В. Луневым сравнительный анализ штатной численности правоохранительных органов России и ряда зарубежных стран, который также свидетельствует о недостаточной эффективности функционирования отечественной системы обеспечения правопорядка. Так, например, «в Швеции число полицейских на 100 тыс. населения в 4,5 раза меньше, чем в России», а они «обслуживали в 6,5 раз больше учтенных преступлений, чем в России (в Швеции регистрировалось 12 тыс. преступлений на 100 тыс.

населения, а в России – только 1,8 тыс.)»²⁸. Таким образом, решение вопросов повышения эффективности государственной правоохранительной службы путем простого арифметического увеличения штатов правоохранительных органов представляет собой экстенсивный путь развития и не может обеспечить в полной мере решение задач противодействия преступности.

Отсутствие единых общегосударственных подходов к формированию и реализации кадровой политики приводит к ухудшению качественного состояния кадрового корпуса правоохранительных органов. Прежде всего, это проявляется в существенном отставании уровня профессионализма и компетентности кадров от динамично развивающихся потребностей общества и государства. Этот уровень не адекватен стоящим перед правоохранительной системой государства задачам.

Недостаточная эффективность государственной правоохранительной службы проявляется и в слабой подконтрольности правоохранительных органов законодательной власти и институтам гражданского общества.

В-третьих, критической отметки достигло снижение доверия населения к правоохранительным органам.

Проблема доверия является одной из самых актуальных на сегодняшний день и обсуждается специалистами из разных отраслей – политологами, экономистами, социологами, юристами: есть доверие населения – работает система, нет доверия – система дает сбой. Как показывает многолетний исторический опыт, уровень доверия населения к служащим государственной правоохранительной службы в наибольшей степени обуславливает социальную стабильность общества и готовность к серьезным реформам²⁹.

Проведенное нами исследование выявило тесную связь между проблемами общества и обусловленными ими сложностями в реализации государственной правоохранительной службы. Интересно отметить, что на вопрос о ценности государственной правоохранительной службы почти половина граждан (более 47% опрошенных) ответили, что та состоит в обеспечении порядка в обществе, в то время как для сотрудников наиболее характерны оказались три варианта: «в личной безопасности», «в обеспечении порядка в обществе», «в гармоничном сочетании частных, общественных и государственных интересов» (в среднем по 30% опрошенных).

В целом результаты проведенного анкетирования стали достаточным подтверждением тому, насколько сильно эффективность применения правовых норм зависит от общественного мнения, существующих в обществе ментальных установок. Это проявляется, например, в следующем: с одной стороны, служба в правоохранительных органах считается престижной, с другой – результатами их работы не удовлетворены не только граждане, но и сами сотрудники.

Интересно, что сотрудники достаточно высоко оценивают значимость своей службы для обеспечения безопасности общества и защиты личности. Так, например, 99% опрошенных судей заявили о большой значимости своего труда. Аналогичным образом 27,8% следователей и дознавателей поставили высокую отметку собственной деятельности с точки зрения защиты общества и личности. Мнение прокуроров по этому вопросу еще более показательно – 100%.

Однако отношение общества к правоохранительным структурам оказывается несколько иным. Следует обратить внимание, что, несмотря на позитивную оценку результатов работы органов (в этом ключе высказался 51% опрошенных граждан), 57% респондентов отметили, что при обращении в правоохранительные органы их интересы были защищены лишь наполовину, и 53% выразили мнение о необходимости более тщательного отбора сотрудников этой сферы. 51% граждан доверяет правоохранительным органам, более 31% – относятся к ним с опасением, и еще 11% в доверии им отказали. Конечно, по сравнению с 2012 г. можно отметить значительный рост доверия граждан к правоохранительным структурам (с 31% до 51%), тем не менее в целом этот уровень все еще низок, особенно если учесть материальные вложения в развитие государственной правоохранительной службы. Даже в ЮАР и Нигерии уровень доверия к полиции выше (около 58%). Очень высокий уровень доверия к своей полиции отмечается в Грузии (более 88%)³⁰.

Оценивая престиж службы в той или иной структуре, опрошенные нами граждане (40%) и сотрудники правоохранительных органов (72%) выделили среди прочих Министерство внутренних дел. В числе престижных структур для прохождения службы были также названы Федеральная таможенная служба (15% и 9% соответственно), Федеральная пограничная служба, МЧС (12% и 7%), Федеральная служба безопасности (10% и 7%), Федеральная служба судебных

приставов (8% и 3%) и Федеральная служба исполнения наказаний (3% и 1%).

Небезынтересно отметить, что недоверие между населением и компетентными должностными лицами носит взаимный характер. Граждане отмечают, что отрицательный образ сотрудника правоохранительных органов сформировался в обществе ввиду отрицательных личных качеств служащих (28%), коррумпированности правоохранительных органов (22%), неэффективной работы правоохранительных органов (16%). Это при том, что у 71% граждан сотрудник правоохранительных органов ассоциируется с сотрудником полиции, у 17% – с сотрудником прокуратуры, у 10% – с участковым и у 1,9% – с сотрудниками других служб. В то же время сотрудники правоохранительных органов, отвечая на данный вопрос, упомянули правовую неграмотность населения (29%), несовершенство закона (41%) и лишь 3% из них усмотрели причину в личных качествах сотрудников правоохранительных органов, 6% – в коррумпированности правоохранительных органов. Становится очевидным, что в условиях повышенной конфликтности сторон, низкой правовой культуры, наблюдающейся в обществе, правовые нормы, не подкрепленные нормами этическими, остаются лишь благим пожеланием законодателя.

Другим важнейшим фактором, влияющим в том числе и на уровень доверия населения, является качественный состав правоохранительных органов. В условиях реформирования системы к служащим предъявляются новые и более высокие, нежели ранее, требования. Как и за рубежом, образованию и повышению культурного уровня сотрудников придается большое значение в деле обеспечения развития государственной правоохранительной службы³¹. Так, более 75% опрошенных сотрудников правоохранительных органов, суда и прокуратуры отметили возросший за последние десять лет уровень требований к ним. 39% сочли, что работать при этом стало легче, тогда как 44% – что, наоборот, сложнее. Вместе с тем ни один из опрошенных сотрудников не собирается в ближайшее время увольняться со службы и не видит для этого причин.

По результатам опроса граждан, суды и криминальные структуры почти в равной степени обеспечивают эффективную защиту и восстановление нарушенных прав (соответственно 15% и 12%). Больше доверие в этой части вызывают международные правозащитные организации (29%) и про-

куратура (31%). Это свидетельствует о возрастающей популярности цивилизованных механизмов урегулирования отношений в обществе. Наверное, сказывается еще тот факт, что Европейский суд по правам человека является радикальным и действенным механизмом защиты прав человека и гражданина. На национальном же уровне предпочтению, которое граждане отдают прокуратуре, а не судам, по нашему мнению, можно объяснить тем, что скорость реагирования прокуратуры на нарушение закона более высокая.

Важно отметить, что данная тенденция характерна не только для российского общества. Так, по данным социологического опроса, проведенного во Франции, у 66% респондентов сложилось отрицательное отношение к юстиции, а у 18% – крайне негативное³².

В целом же уровень образования и правовой культуры современных сотрудников правоохранительных органов достаточно высок. Он позволяет им грамотно вести расследование преступлений, выявлять и надлежащим образом защищать нарушенные права и свободы отдельных лиц, общества и государства. Однако граждане при этом не чувствуют себя защищенными. Это говорит о том, что не количество раскрытых преступлений заслуживает доверие общества, а недопущение противоправных деяний. Следовательно, необходимо совершенствовать и развивать систему профилактики.

Сложившееся отношение общества к правоохранительной службе является важным индикатором дальнейшего развития правоприменительной практики, поскольку может обеспечить более действенную защиту общественных и личных интересов.

Подводя итог сказанному, отметим, что достижение эффективности государственной правоохранительной службы может быть сведено к выполнению следующих условий:

- поставленные цели достигнуты, достижение целей оправдано затрачиваемыми на это средствами, о чем может свидетельствовать состояние правопорядка;
- получены удовлетворенность или доверие общества, населения;
- выстроена организационно-правовая регламентация службы, которая опосредует удовлетворенность, чувство гарантированности и контроль населения над реализуемой деятельностью;
- имеет место качественный кадровый состав.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Исследования института проблем правоприменения. СПб., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/183523065> (дата обращения: 31.07.2015).

² См.: Козенко А., Боcharова С. Сравнительная результативность и эффективность полиции в разных странах [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/11/06/pravo> (дата обращения: 31.07.2015).

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

⁴ См.: Там же. 2004. № 31. Ст. 3215

⁵ См.: Красный Север. 2005. 30 апр.

⁶ См. подр.: Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы. М., 2002; Антошина Н.М. Административно-правовые основы формирования кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

⁷ См.: Мордовец А.С. Проблема эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина // Правоведение. 1996. № 4. С. 4–10.

⁸ См., напр.: Спатарь А.В. Эффективность государственной службы и критерии эффективности // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 595–598; Государственная служба: Учеб. / Под ред. проф. В.Г. Игнатова. М., 2004. С. 252; Коврижных И.В. Анализ и оценка эффективности государственного управления: теоретический аспект: Сб. науч. докладов междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2008. Ч. 1. С. 72.

⁹ См.: Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций. М., 1976. С. 85.

¹⁰ См.: Самощенко Н.С., Никитинский В.Н. О понятии эффективности правовых норм. М., 1969. С. 17–18.

¹¹ Лазарев В.В. Эффективность правоохранительных актов. Казань, 1975. С. 97.

¹² См., напр.: Турисбек Айнур Заутбеккызы. Государственная служба в Республике Казахстан (проблемы теории и практики): Авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 18–20.

¹³ См.: Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28.

¹⁴ Лазарев В.В. Эффективность правоохранительных актов. С. 91.

¹⁵ Кулагин Д.А. Эффективность конституционно-правового механизма осуществления публичной власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 9.

¹⁶ См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Моногр. М., 2005. С. 236.

¹⁷ См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 170; Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011. С. 17.

¹⁸ Данные являются результатом осуществленного авторами анализа анкетирования сотрудников правоохранительных органов, суда и адвокатуры. Так, в течение 2014–2015 гг. на территории Архангельской, Вологодской, Московской, Омской, Свердловской областей, г. Москвы, Санкт-Петербурга был проведен опрос 74 судей, 184 прокуроров, 362 следователей и дознавателей, 130 адвокатов, а также 800 граждан. При анализе общественного мнения была предпринята попытка соблюсти баланс интересов и мнений различных групп респондентов. Такой подход позволил выявить не только организационные, но и социальные противоречия, взглянуть на проблему глубже, как изнутри, так и со стороны. Кроме того, объективность полученных результатов отчасти обусловлена попыткой сохранить баланс респондентов по гендерному признаку: примерно пополам опрошенных мужчин (57%) и женщин (43%). Около половины опрошенных (52%) – люди в возрасте от 31 года до 36 лет. Полагаем, именно эта группа населения, с одной стороны, очень активна и открыта для внедрения новшеств, а с другой – не так категорично настроена, как молодежь или люди старшего поколения. Наконец, для получения более полного представления об общественном мнении были опрошены граждане различного социального статуса – от руководителей до домохозяйек и безработных.

¹ См.: Исследования института проблем правоприменения. СПб., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/183523065> (дата обращения: 31.07.2015).

² См.: Козенко А., Боcharова С. Сравнительная результативность и эффективность полиции в разных странах [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/11/06/pravo> (дата обращения: 31.07.2015).

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

⁴ См.: Там же. 2004. № 31. Ст. 3215

⁵ См.: Красный Север. 2005. 30 апр.

⁶ См. подр.: Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы. М., 2002; Антошина Н.М. Административно-правовые основы формирования кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

⁷ См.: Мордовец А.С. Проблема эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина // Правоведение. 1996. № 4. С. 4–10.

⁸ См., напр.: Спатарь А.В. Эффективность государственной службы и критерии эффективности // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 595–598; Государственная служба: Учеб. / Под ред. проф. В.Г. Игнатова. М., 2004. С. 252; Коврижных И.В. Анализ и оценка эффективности государственного управления: теоретический аспект: Сб. науч. докладов междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2008. Ч. 1. С. 72.

⁹ См.: Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций. М., 1976. С. 85.

¹⁰ См.: Самощенко Н.С., Никитинский В.Н. О понятии эффективности правовых норм. М., 1969. С. 17–18.

¹¹ Лазарев В.В. Эффективность правоохранительных актов. Казань, 1975. С. 97.

¹² См., напр.: Турисбек Айнур Заутбеккызы. Государственная служба в Республике Казахстан (проблемы теории и практики): Авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 18–20.

¹³ См.: Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28.

¹⁴ Лазарев В.В. Эффективность правоохранительных актов. С. 91.

¹⁵ Кулагин Д.А. Эффективность конституционно-правового механизма осуществления публичной власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 9.

¹⁶ См.: Jebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii: Monogr. M., 2005. S. 236.

¹⁷ См.: Zor'kin V.D. Rossiya i Konstitucija v XXI veke. M., 2008. S. 170; Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Pod red. V.D. Zor'kina. M., 2011. S. 17.

¹⁸ Данные являлись результатом осуществления авторами анализа анкетирования сотрудников правоохранительных органов, суда и адвокатуры. Так, в течение 2014–2015 гг. на территории Архангельской, Вологодской, Московской, Омской, Свердловской областей, г. Москвы, Санкт-Петербурга был проведен опрос 74 судей, 184 прокуроров, 362 следователей и дознавателей, 130 адвокатов, а также 800 граждан. При анализе общественного мнения была предпринята попытка соблюсти баланс интересов и мнений различных групп респондентов. Такой подход позволил выявить не только организационные, но и социальные противоречия, взглянуть на проблему глубже, как изнутри, так и со стороны. Кроме того, объективность полученных результатов отчасти обусловлена попыткой сохранить баланс респондентов по гендерному признаку: примерно пополам опрошенных мужчин (57%) и женщин (43%). Около половины опрошенных (52%) – люди в возрасте от 31 года до 36 лет. Полагаем, именно эта группа населения, с одной стороны, очень активна и открыта для внедрения новшеств, а с другой – не так категорично настроена, как молодежь или люди старшего поколения. Наконец, для получения более полного представления об общественном мнении были опрошены граждане различного социального статуса – от руководителей до домохозяйек и безработных.

¹⁹ См.: Prestupnost', organizovannaja prestupnost' i problemy bezopasnosti / Pod red. A.I. Dolgovoj. M., 2010. S. 155.

¹⁹ См.: Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / Под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 155.

²⁰ См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / Под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С. 65.

²¹ См.: Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. С. 5.

²² См.: Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <http://fedstat.ru> (дата обращения: 14.07.2015).

²³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2011 г. № 252 «О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 10. Ст. 1338 (утратил силу).

²⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 05.05.2014 г. № 300 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Там же. 2014. № 19. Ст. 2396.

²⁵ См.: Численность населения. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 16.07.2015).

²⁶ См.: Lumb R. Standards of Professionalization: Do the American Police measure up? // Police studies. 1994. Vol. XVII. № 2–3; Колонтаевская И.Ф., Цепков Г.Н. Подготовка сотрудников правоохранительных органов в США // Деятельность правоохранительных органов зарубежных стран. Вып. 1. М., 2000. С. 149.

²⁷ Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминально-уголовного цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 40.

²⁸ Там же. С. 41.

²⁹ См., напр.: Мерсиянова И.В., Якимец В.Н., Пахомова Е.И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 99; Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. С. 570, 578; Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М., 2011. С. 64, 76.

³⁰ По оценкам зарубежных исследователей института общественного мнения Гэллупа (Gallup World Poll). См.: URL: <http://www.gallup.com> (дата обращения: 31.07.2015).

³¹ См., напр.: Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка комплекса мер по формированию высококвалифицированного кадрового состава правоохранительной службы». Воронеж, 2009. С. 29.

³² См. подр.: Moatti D. La communication par la violence // Communication et langages. 2000. № 123. P. 95.

²⁰ См.: Sostojanie i tendencii prestupnosti v Rossijskoj Federacii: Kriminologicheskij i ugovolno-pravovoj spravocnik / Pod obshh. red. A.Ja. Suhareva, S.I. Gir'ko. M., 2007. S. 65.

²¹ См.: Smirnova I.G. Social'naja cennost' ugovolnogo sudoproizvodstva: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Tomsk, 2012. S. 5.

²² См.: Edinaja mezhdvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fedstat.ru> (data obrashhenija: 14.07.2015).

²³ См.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.03.2011 g. № 252 «O predel'noj shtatnoj chislennosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2011. № 10. St. 1338 (utratil silu).

²⁴ См.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.05.2014 g. № 300 (red. ot 16.05.2014) «O nekotoryh voprosah Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // Tam zhe. 2014. № 19. St. 2396.

²⁵ См.: Chislennost' naselenija. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashhenija: 16.07.2015).

²⁶ См.: Lumb R. Standards of Professionalization: Do the American Police measure up? // Police studies. 1994. Vol. XVII. № 2–3; Kolontaevskaja I.F., Cepkov G.N. Podgotovka sotrudnikov pravooxranitel'nyh organov v SShA // Dejatel'nost' pravooxranitel'nyh organov zarubezhnyh stran. Vyp. 1. M., 2000. S. 149.

²⁷ Luneev V.V. Problemy juridicheskikh nauk kriminal'nogo cikla // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 5. S. 40.

²⁸ Там же. С. 41.

²⁹ См., напр.: Mersijanova I.V., Jakimec V.N., Pahomova E.I. Doverie grazhdan k dejatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashchih // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2012. № 4. S. 99; Dolgova A.I. Kriminologicheskie ocenki organizovannoj prestupnosti i korrupcii, pravovye batalii i nacional'naja bezopasnost'. M., 2011. S. 570, 578; Jeminov V.E. Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskij i social'no-psihologicheskij analiz. M., 2011. S. 64, 76.

³⁰ По оценкам зарубежных исследователей института обшhestvennogo mnenija Gjellapa (Gallup World Poll). См.: URL: <http://www.gallup.com> (data obrashhenija: 31.07.2015).

³¹ См., напр.: Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Razrabotka kompleksa mer po formirovaniju vysokokvalificirovannogo kadrovogo sostava pravooxranitel'noj sluzhby». Voronezh, 2009. S. 29.

³² См. подр.: Moatti D. La communication par la violence // Communication et langages. 2000. № 123. R. 95.

УДК 368.1:343.85

О возмещении материального ущерба потерпевшему от действий мошеннического характера с использованием средств сотовой связи, совершенных несовершеннолетними осужденными в местах лишения свободы

Ф.Д. СИВИРКИН – научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Самарского юридического института ФСИН России

В статье рассматриваются проблемы возмещения материального ущерба потерпевшему, пострадавшему от действий мошеннического характера с использо-

ванием средств сотовой связи со стороны несовершеннолетнего осужденного, содержащегося в воспитательном учреждении уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: потерпевший; материальный ущерб; мошенничество; несовершеннолетний осужденный; лишение свободы.

For pecuniary damage to the victim of the actions fraudulent nature with the use of mobile communication, committed by juveniles in prison

F.D. SIVIRKIN – Researcher of the Organizational Research and Publishing Department of the Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the problem of pecuniary damage to the victim, the victim of the fraudulent nature of the action with the use of cellular communications by juvenile convicts held in the educational institutions of the penal system of the Russian Federation, and suggests possible solutions.

Key words: victim; material damage; fraud; juvenile offenders; imprisonment.

С учетом стремительного развития мобильных технологий, увеличения скорости связи и доступности персональной информации о человеке все более актуальным становится вопрос противодействия лицам, предпринимаям попытки использования технического прогресса в преступных целях, и защиты граждан, ставших жертвами подобного рода посягательств.

По данным МВД России, в 2014 г. только на территории Самарской области было зарегистрировано 3904 преступления, которые предусмотрены ст. 159 УК РФ и совершены с использованием сотового телефона (в 2013 г. – 3169), что свидетельствует об их росте на 20%¹.

Одной из причин увеличения числа данных нарушений закона является доступность аппаратов сотовой связи лицам, содержащимся в местах лишения свободы. Криминогенной ситуации, сложившейся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, способствует ряд факторов: отсутствие должного режима и надзора за осужденными, наличие сотрудников, вступающих в неслужебные связи с ними, и др.

Злоумышленник путем мобильной и беспроводной интернет-связи может решать вопросы неформального характера между членами преступного сообщества, организовывать каналы поставки запрещенных предметов и наркотических средств на территорию исправительных учреждений, осуществлять теневые финансовые операции. Применяя различные варианты мошенниче-

ских схем, преступники регулярно наносят значительный ущерб потерпевшим, используя в качестве цели преступного посягательства наиболее незащищенные категории граждан, такие как лица пенсионного возраста и дети. Но если в случае совершения преступления осужденным, достигшим совершеннолетия и, следовательно, самостоятельно отвечающим за свои противоправные действия, процедура взыскания с них материального ущерба в пользу потерпевших уголовным законом определена, то при совершении аналогичного нарушения закона на лицом, содержащимся в воспитательном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей, необходимо дополнительно рассматривать вопрос об определении виновного лица и способов возмещения им ущерба.

Дадим характеристику субъекта квалифицированного мошенничества с использованием средств сотовой связи в местах лишения свободы. Это лицо, достигшее 16-летнего возраста, осужденное к лишению свободы, находящееся на территории исправительного учреждения, не вставшее на путь исправления, придерживающееся так называемых воровских традиций и, как следствие, утратившее социальные связи с обществом. Указанные признаки объясняются следующим: лицо, допускающее хранение и применение таких запрещенных к использованию в местах лишения свободы предметов, как сотовый телефон и комплектующие к нему, уже является злостным на-

рушителем установленного порядка отбывания наказания².

Анализируя поведение указанной категории осужденных за несколько последних лет, можно сделать следующий вывод: свою противоправную деятельность они осуществляют с согласия осужденных отрицательной направленности и под их покровительством, что обеспечивает им более надежную защиту от раскрытия преступлений и физической расправы со стороны других осужденных. В результате общения с отрицательно настроенной частью осужденных происходит деформация личности злоумышленника, теряются социальные контакты, имевшиеся у него ранее, и т.д.

Субъектом мошенничества может являться лицо, достигшее 16-летнего возраста. В воспитательных колониях содержатся несовершеннолетние, в том числе от 14 до 16 лет, и, следовательно, не достигшие возраста уголовной ответственности. В связи с этим возникает ситуация, когда субъект преступления, а с ним и сам состав преступления, отсутствуют. По данным ФСИН России за 2014 г., в воспитательных колониях содержатся 818 несовершеннолетних подростков, осужденных за преступления против собственности, в том числе 100 чел. в возрасте от 14 до 15 лет³.

При всем разнообразии мошеннических схем, применяемых в настоящее время, в руках несовершеннолетнего злоумышленника телефон может стать по-настоящему грозным орудием совершения преступления. Услышав в трубке детский голос, плачущий о том, что его похитили и требуют определенную сумму денег, большинство родителей будут следовать указаниям малолетнего преступника, что приведет к материальному ущербу без права требования его возмещения.

Согласно ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В случае, если они не имеют доходов или иного имущества, достаточных для возмещения ущерба, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части их родителями (усыновителями) или попечителями, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

Обратимся к характеристике лиц, содержащихся в воспитательных колониях. Личность будущего преступника в первую очередь формируется в неблагополучной семье, где отрицательный и преступный

опыт родителей передается младшему поколению. В 30–40% случаев преступлений несовершеннолетних установлено отрицательное влияние со стороны родителей и других старших членов семьи (злоупотребление алкоголем, грубость и жестокость, образ жизни, заведомо не соответствующий легальным доходам, и бравирование своей «ловкостью», безнаказанностью и т.д.)⁴. В связи с этим возникает сложность в взыскании потерпевшим нанесенного ему ущерба с лиц, которые либо не в состоянии возместить этот ущерб ввиду асоциального образа жизни и утраты связей с обществом, либо лишены родительских прав более трех лет, в связи с чем не несут ответственности за вред, причиненный их ребенком (ст. 1075 «Ответственность родителей, лишенных родительских прав, за вред, причиненный несовершеннолетними»), либо имеют возможность обжаловать данное решение суда, обрекая потерпевшего на дополнительную трату времени и судебные издержки.

Рассмотрим два варианта возмещения ущерба потерпевшему. В первом случае согласно ст. 20, 21 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2015 г.) «Об исполнительном производстве»⁵, установленный судебным приставом-исполнителем срок может быть продлен по заявлению лица, участвующего в исполнительном производстве, либо исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу. По истечении указанного срока лицо, содержащееся в воспитательной колонии, достигнет возраста, с которого самостоятельно несет ответственность за мошенничество, тем самым возмещение материального иска потерпевшему станет его законной обязанностью.

Однако подходя к данному решению с позиции потерпевшего, отметим, что поскольку взыскать ущерб с родителей несовершеннолетнего преступника не представилось возможным в силу их неплатежеспособности и нежелания погасить иск, то отсутствуют и гарантии того, что сам осужденный, воспитанный в отсутствии общепризнанных социальных ценностей и ориентиров, по наступлении 16 лет начнет компенсировать причиненный им вред. При этом следует учесть и тот факт, что по достижении совершеннолетия он может выйти на свободу или будет переведен в исправительное учреждение для взрослого спецконтингента, где социальная деформация личности усилится.

При существующем механизме решение о продлении срока исполнительного производства либо отказе в этом принимает суд по своему внутреннему усмотрению, что может привести к противоречивой правоприменительной практике. Избежать этого позволит внесение изменений в ст. 39 «Приостановление исполнительного производства судом» рассматриваемого закона в виде дополнения ч. 2 «Исполнительное производство может быть приостановлено судом в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации и настоящим Федеральным законом, полностью или частично в случаях» пунктом «когда должник не достиг 16-летнего возраста и невозможно исполнение судебного решения законными представителями несовершеннолетнего», что позволит взыскивать ущерб с осужденного по наступлении ему 16 лет. Вместе с тем во избежание юридической неопределенности Верховному Суду Российской Федерации следует дать разъяснения по применению ст. 20, 39 данного закона, в частности указать на основания для отказа от продления либо приостановления сроков исполнительного производства.

Учитывая сложности, возникающие в вышеописанной процедуре, рассмотрим второй способ возмещения ущерба. Статьей 1074 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет» не предусмотрен порядок возмещения ущерба несовершеннолетними гражданами, находящимися под надзором Федеральной службы исполнения наказания в воспитательных колониях ввиду осуществления исправительными учреждениями функций не опеки и надзора, а исполнения приговора суда. Следовательно, несовершеннолетнее лицо в период совершения преступления находится под надзором органа исполнительной власти. Статья 1069 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» гласит: «Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) госу-

дарственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов... подлежит возмещению за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования».

Как любая форма гражданско-правовой ответственности, возмещение убытков является результатом правонарушения и имеет место только тогда, когда поведение должника носит противоправный характер. При этом юридическое значение имеет только прямая (непосредственная) причинная связь между противоправным поведением должника и убытками потерпевшего. Таким образом, лицо, требующее возмещения убытков, должно доказать факт противоправного деяния государственного органа, наличие причинной связи, а также размер этих убытков.

Следовательно, в случае установления факта, что преступление было допущено в связи с ненадлежащим осуществлением персоналом воспитательной колонии своих функций по режиму и надзору, в соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶, причинителем вреда потерпевшему признается Федеральная служба исполнения наказаний и ответственность за противоправные действия лица как ответчик должна нести Российская Федерация в лице Управления Федерального казначейства по региону, где допущено преступление.

Таким образом, на наш взгляд, используя рассмотренную схему компенсации нанесенного ущерба, гражданин, подвергшийся мошенническому посягательству со стороны несовершеннолетних осужденных, может возместить нанесенный ему вред, предоставив государству право самостоятельно регулировать вопросы финансового характера и контролировать процесс погашения преступниками предъявленных им материальных исков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аналитический обзор о состоянии преступности ГУ МВД России по Самарской области за 2013, 2014 гг.

² См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2012.

³ См.: URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 07.05.2015).

⁴ См.: Варчук Т.В. Криминология: Учеб. пособие. М., 2002. С. 163.

⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Там же.

¹ См.: Аналитический обзор о состоянии преступности ГУ МВД России по Самарской области за 2013, 2014 гг.

² См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2012.

³ См.: URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 07.05.2015).

⁴ См.: Варчук Т.В. Криминология: Учеб. пособие. М., 2002. С. 163.

⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Там же.

Проблемы нормативного закрепления основных прав и обязанностей сотрудника уголовно-исполнительной системы как элементов его правового статуса

А.А. ПОПОВ – адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются вопросы, связанные с нормативным закреплением основных прав и обязанностей сотрудника уголовно-исполнительной системы, раскрываются проблемы теоретического и практического характера, требующие последовательного решения с целью надлежащего исполнения служащим своих обязанностей и реализации закрепленных прав.

Ключевые слова: правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы; права; обязанности; нормативное закрепление.

Problems of regulatory consolidation of fundamental rights and responsibilities of the penal staff as elements of its legal status

A.A. POPOV – Adjunct of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the federal Penal Service of Russia

The article discusses issues related to legal regulation of basic rights and responsibilities of the penal staff, it reveals the problems of theoretical and practical nature, requires a consistent solution for the proper performance of their duties to employees and implementation of the fixed rights.

Key words: legal status of an employee of the penal system; rights; duties; standard fastening.

Многочисленные связи, возникающие между государством, обществом и человеком, фиксируются законодателем в юридически значимой форме – в форме закрепленных в законодательстве Российской Федерации прав, свобод, обязанностей, гарантий и мер ответственности, образующих в совокупности правовой статус человека и гражданина, а также любого государственного служащего, в том числе и сотрудника уголовно-исполнительной системы¹.

Служба в уголовно-исполнительной системе в современных условиях несколько ограничивает правовой статус сотрудников, которые, обладая широким кругом полномочий в области исполнения наказаний, не имеют права заниматься предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью, связанной с извлечением доходов, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, зачастую

сами оставаясь социально незащищенными².

Для того чтобы понять, каким образом учреждения и органы уголовно-исполнительной системы реализуют меры по социальной защите своих сотрудников, необходимо определить такие элементы правового статуса сотрудника, как права и обязанности, рассмотреть их законодательное закрепление на различных уровнях.

Как справедливо отмечает С.А. Комаров, «те интересы личности, которые возникают в соответствии с фактическими жизненными обстоятельствами, подпадают под категорию законных интересов, подлежат правовой охране и защите со стороны государства, но в содержание правового статуса не входят до тех пор, пока не будут опосредованы правом и не станут правовыми нормами, выражающими конкретные права, свободы и обязанности»³.

Отсутствие четкой системы нормативных правовых актов федерального и ведомственного уровней, регламентирующих порядок и условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе, негативно отражается на реализации закрепленных прав и исполнении возложенных обязанностей самими сотрудниками. Данное обстоятельство объясняется тем, что ранее, когда система исполнения наказаний входила в структуру органов внутренних дел, они имели правовой статус, права и обязанности служащего указанного ведомства.

Согласимся с авторской позицией А.В. Каляшина, который указывает, что обязанности сотрудника уголовно-исполнительной системы представляют собой нормативно закрепленную систему мер должного поведения, включающую служебные обязанности, подразделяющиеся на общеслужебные и специальные, делящиеся, в свою очередь, на профессиональные и должностные. Под правами же понимается комплекс взаимосвязанных правовых возможностей, состоящих из личных и служебных прав⁴.

Само нахождение определенного баланса между правами и обязанностями составляет одну из важнейших теоретических и практических проблем, имеющих существенное значение при регулировании и реализации правового статуса сотрудника. Целостность прав и обязанностей определяется положением о взаимной ответственности управомоченного субъекта, который, совершая определенные действия, должен в то же время нести за них ответственность.

Необходимо отметить, что стержневым элементом правового статуса человека являются именно обязанности, то есть возложенный на него круг действий, безусловных для последующей реализации. Права всего лишь прямо или косвенно создают условия для надлежащего выполнения обязанностей, гарантируют стабильность правового статуса и правовую регламентацию служебной деятельности сотрудника⁵.

Обязанности характеризуют суть служебной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, так как государство принимает его на службу в целях возложения на него соответствующих должностных обязанностей при наличии установленных законодательством прав. Неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей, а также нарушение установленных административных процедур являются основанием возникновения конфликтов с руководством и другими сотрудниками.

Проведенный анализ действующих нормативных правовых актов показывает, что практически ни в одном документе нет исчерпывающего подробного перечня основных прав и обязанностей сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, пределы должностных обязанностей сотрудников частично установлены различными нормативными правовыми актами, такими как Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁶, УИК РФ, УПК РФ, Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2014 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»⁷, приказы Минюста России от 25.01.1999 г. № 20 «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации»⁸, от 23.06.2005 г. № 95 «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний»⁹, от 03.11.2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»¹⁰ и т.д.

Если обратиться к закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», то в нем имеется гл. IV, посвященная правам и обязанностям работников уголовно-исполнительной системы, однако на самом деле им отведена только ст. 26, которая также не раскрывает их в полной мере.

В частности, в данной статье говорится, что сотрудники уголовно-исполнительной системы исполняют свои обязанности и пользуются в пределах их компетенции правами, предоставленными учреждениям либо органам, исполняющим уголовные наказания в виде лишения свободы, названным законом и другими законодательными актами Российской Федерации. Получается, что данная норма права носит бланкетный характер, то есть ссылается на нормы, закрепленные в иных статьях указанного документа, Присяге, контракте о службе в уголовно-исполнительной системе, не позволяет определить конкретный либо типовой перечень прав и обязанностей сотрудника уголовно-исполнительной системы в рамках одного закона и касается лишь ограниченной категории служащих, осуществляющих трудовую деятельность в сфере реализации наказаний в виде лишения свободы.

Аналогичные отсылочные нормы содержатся и в ст. 4 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Предполагается, что данное обстоятельство может быть обусловлено спецификой занимаемых сотрудниками должностей, наличием различных прав и обязанностей, закрепленных в должностных инструкциях. Подобное положение дел не способствует четкому осознанию работниками своих прав и обязанностей, что отражается на эффективности их служебной деятельности.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 21.07.1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы»¹¹ с учетом изменений в законодательстве и специфики службы в уголовно-исполнительной системе была разработана Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы¹².

Она должна была в некоторой мере упорядочить основные моменты, касающиеся прохождения службы именно в уголовно-исполнительной системе. Однако, если обратиться к ст. 2 «Служебные обязанности и права сотрудников», мы увидим, что данная статья посвящена порядку выдачи служебных удостоверений, жетонов, условиям их хранения и ни в коей мере не закрепляет права и обязанности. Иными словами, сотрудники обязаны лишь обеспечить сохранность служебных удостоверений и жетонов. В п. 2.3 сказано, что граждане, принимаемые на службу в уголовно-исполнительную систему, а также сотрудники при перемещении по службе знакомятся под расписку со служебными обязанностями по должности, на которую они назначаются, а сотрудники, состоящие в должностях, – с вносимыми в служебные обязанности изменениями. Обязанность по своевременному и полному доведению до сотрудников их прав и обязанностей возлагается на непосредственных начальников.

Таким образом, в ст. 2 инструкции права и обязанности сотрудников уголовно-исполнительной системы не закреплены, что затрудняет изучение и анализ специфики правового статуса данной категории работников.

С правовой точки зрения интересной представляется позиция законодателя относительно ознакомления граждан, принимаемых на службу, а также действующих

сотрудников под расписку со своими служебными обязанностями, вносимыми изменениями и возложения обязанности на непосредственных начальников по своевременному и полному доведению до сотрудников их прав и обязанностей в условиях их должного нормативного закрепления на федеральном уровне.

В целях упорядочения работы по кадровому обеспечению деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, установления единства в определении должностных обязанностей работников и предъявляемых к ним квалификационных требований Приказом ФСИН России от 05.06.2008 г. № 379 «Об утверждении Порядка подготовки должностной инструкции работника уголовно-исполнительной системы»¹³ были утверждены требования к должностной инструкции.

Так, должностная инструкция сотрудника уголовно-исполнительной системы в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации определяет организационно-правовую основу его деятельности, права, обязанности и ответственность, при этом разрабатывается для каждого сотрудника индивидуально, исходя из задач и функций, возложенных на него в соответствии с замещаемой должностью.

Например, раздел «Права» должен содержать перечень прав, которыми в пределах своей компетенции обладает работник уголовно-исполнительной системы при реализации возложенных на него служебных обязанностей. Помимо этого, согласно п. 6 в должностной инструкции должен приводиться перечень прав сотрудника, предусмотренных законом «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, который данными нормативными правовыми актами не закреплен и в них отсутствует. Аналогичные требования касаются и раздела «Обязанности» должностной инструкции.

Таким образом, проанализировав основные законодательные акты, призванные регламентировать обязанности и права сотрудника уголовно-исполнительной системы, можно сделать следующий вывод: ни в одном нормативном правовом акте (как федерального, так и ведомственного зна-

чения) нет четкого перечня основных прав и обязанностей, которые в своей совокупности определяли бы общий правовой статус сотрудника, его положение в системе правоохранительной службы. Данные нормы носят бланкетный характер. Выход из

сложившейся ситуации видится в принятии подготовленного Минюстом России проекта федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», призванного урегулировать указанные пробелы в законодательстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Закон Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

² См.: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23.12.1992 г. № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» // Там же. № 2. Ст. 70.

³ Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1997. С. 154.

⁴ См.: Каляшин А.В. Административно-правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 210.

⁵ См.: Он же. Права как элемент административно-правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы // Черные дыры в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 258.

⁶ См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁷ См.: Там же. 2004. № 42. Ст. 4109.

⁸ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 10.

⁹ См.: Там же. 2005. № 30.

¹⁰ См.: Там же. № 47.

¹¹ См.: Российская газета. 1998. 29 июля.

¹² См.: Приказ Минюста России от 06.06.2005 г. № 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 27.

¹³ См.: Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 9.

¹ См., напр.: Закон Rossijskoj Federacii ot 21.07.1993 g. № 5473-1 «Ob uchrezhdenijah i organah, ispolnjajushhih ugovolnye nakazanija v vide lishenija svobody» // Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 33. St. 1316.

² См.: Postanovlenie Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 23.12.1992 g. № 4202-1 «Ob utverzhenii Polozhenija o sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i teksta Prisjagi sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // Tam zhe. № 2. St. 70.

³ Komarov S.A. Obshhaja teorija gosudarstva i prava. M., 1997. S. 154.

⁴ См.: Kaljashin A.V. Administrativno-pravovoj status sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. S. 210.

⁵ См.: Он же. Prava kak jelement administrativno-pravovogo statusa sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Chernye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. 2007. № 1. S. 258.

⁶ См.: SZ RF. 1995. № 29. St. 2759.

⁷ См.: Там же. 2004. № 42. St. 4109.

⁸ См.: Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 1999. № 10.

⁹ См.: Там же. 2005. № 30.

¹⁰ См.: Там же. № 47.

¹¹ См.: Rossijskaja gazeta. 1998. 29 ijulja.

¹² См.: Prikaz Minjusta Rossii ot 06.06.2005 g. № 76 «Ob utverzhenii Instrukcii o porjadke primeneniya Polozhenija o sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii v uchrezhdenijah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy» // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2005. № 27.

¹³ См.: Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2008. № 9.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УДК 364.42/.44

Педагогическая поддержка детей из неблагополучных семей

Э.В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

А.В. МАЛЬЦЕВА – заведующая отделением медико-социальной помощи Вологодской областной детской клинической больницы

В статье педагогическая поддержка ребенка из неблагополучной семьи рассматривается как важнейший компонент в деятельности специалиста, анализируются понятия «неблагополучная семья», «педагогическая поддержка», раскрываются особенности детей из неблагополучных семей и описываются формы работы с ними.

Ключевые слова: педагогическая поддержка; особенности детей из неблагополучных семей; формы, методы и условия педагогической работы.

Pedagogical support for children from disadvantaged families

E.V. ZAUTOVA – Professor of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Associate Professor;

A.V. MALTSEVA – Head of the Department of Health and Social Care of the Vologda children's clinical hospital

Pedagogical support of the child from a dysfunctional family is a critical component in the activities of a specialist in the implementation process which minors can be helped to overcome difficulties of socialization, identity crises and other difficult situations. The article analyzes the concept of «dysfunctional family», «pedagogical support»; considered particularly children from disadvantaged families and forms of work with them.

Key words: pedagogical support; particularly children from disadvantaged families; forms, methods and conditions of pedagogical work.

Явление семейного неблагополучия и связанные с ним проблемы в современной действительности не являются чем-то новым. В условиях нестабильной социально-экономической обстановки, инфляции, безработицы, снижения жизненного уровня населения, смены ценностных ориентиров в современной России количество неблагополучных семей остается значительным. Несмотря на то что в настоящее время государство изменило свой взгляд на оказание

различных видов помощи неблагополучным семьям, сказать, что мы имеем устойчивую тенденцию к снижению их количества, пока невозможно. По данным Департамента образования Вологодской области на 1 января 2015 г., число семей, находящихся в социально опасном положении, то есть там, где члены семьи ведут аморальный образ жизни, имеются выраженные материальные трудности и другие насущные проблемы, возросло¹.

Понятие «неблагополучная семья» широко используется в средствах массовой информации, теоретических исследованиях, законодательных актах и включает в себя семьи из группы социального риска, асоциальные и деструктивные семьи, семьи, находящиеся в социально опасном положении, и т.п. Вопрос об определении той или иной семьи как неблагополучной дискусионен. Принято считать, что нормально функционирующая семья – это семья, которая выполняет свои функции ответственно и осознанно, где потребности каждого ее члена удовлетворены в большей степени, есть целостное восприятие целей и предназначения.

В законодательной практике используются следующие термины:

– «семья, находящаяся в трудной жизненной ситуации» (опекунские семьи с детьми-сиротами или детьми, оставшимися без попечения родителей, дети-сироты (родители умерли), дети, оставшиеся без попечения родителей (родители лишены родительских прав); семьи с детьми-инвалидами, дети с физическими недостатками, в семье имеются тяжелобольные люди; семьи, в которых родители являются безработными; многодетные семьи (трое и более детей); неполные семьи (одинокое отцы и матери));

– «семья в социально опасном положении» (родители не исполняют обязанности по содержанию, воспитанию и обучению; злоупотребляют алкоголем, наркотиками; отрицательно влияют на детей, вовлекают их в противоправные действия; состоят на учете в ОВД, КДН и ЗП; семьи, где отмечены факты жестокого обращения в отношении взрослых, детей).

В последней редакции Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»², вступившего в силу 1 января 2015 г., понятие «гражданин в трудной жизненной ситуации» заменено на «гражданин, нуждающийся в социальном обслуживании», а также введены новые основания для признания гражданина нуждающимся в таком обслуживании (семьи с детьми, испытывающими трудности в социализации, переживающими внутрисемейный конфликт; семьи, где есть лица с наркотической или алкогольной зависимостью, пристрастием к азартным играм, страдающие психическими расстройствами, склонные к проявлению насилия).

По мнению Л.Я. Олиференко, «неблагополучная семья – это такая семья, в которой

ребенок переживает дискомфорт, стрессовые ситуации, жестокость, насилие, пренебрежение, голод, то есть неблагополучие. Под неблагополучием понимаются его разные проявления: психическое (угрозы, подавление личности, навязывание асоциального образа жизни и др.), физическое (жестокое наказание, побои, насилие, принуждение к заработку денег разными способами, отсутствие пищи), социальное (выживание из дома, отбирание документов, шантаж и др.)»³.

Изучением проблем неблагополучных семей занимались Т.А. Басилова, М.И. Буянова, А.Я. Варга, М.А. Галагузова, И.Ф. Дементьева, Л.М. Шипицына, В.М. Целуйко и др. По мнению большинства исследователей в этой области, характерными особенностями такой семьи на современном этапе являются: низкий социальный статус ее членов; выраженные материальные, жилищные проблемы; наличие в семье членов с алкогольной (наркотической) зависимостью, склонных к проявлению различных видов насилия; нарушение детско-родительских и супружеских отношений.

В психолого-педагогической литературе представлены различные классификации неблагополучных семей. Так, Л.С. Алексеева выделяет следующие их виды:

– привычно-конфликтные семьи, где, как правило, отсутствуют конструктивные способы взаимоотношений между членами семьи;

– педагогически несостоятельные семьи, не обладающие в достаточной степени знаниями о развитии и воспитании ребенка;

– аморальные семьи, в которых не соблюдаются нормы и правила, принятые в обществе, поощряется безнравственное поведение;

– асоциальные семьи, где наряду с неудовлетворением базовых потребностей ребенка часто наличествуют неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, тунеядство, социальная изоляция, внутрисемейные конфликты⁴.

Именно этой классификации мы будем придерживаться, говоря о неблагополучных семьях.

С целью изучения особенностей неблагополучных семей нами был разработан модифицированный опросник для детей в возрасте от 7 до 10 лет и от 10 до 14 лет, включающий группу вопросов, объединенных в подгруппы критериев (здоровьесберегающий, эмоционально-волевой и познавательно-деятельностный). Анализ результатов показал, что

контингент детей из неблагополучных семей отличается определенной спецификой: высокий уровень тревожности; проявления агрессии, враждебности, негативизма и чувства вины; внутренние переживания, конфликты, трудности в учебе, в том числе связанные с неблагополучием в семье; неблагоприятная наследственность и т.п.

Травматические ситуации, насилие со стороны близких людей разрушительно воздействуют на детскую психику. В этой ситуации ребенок чувствует себя беспомощным и никому не нужным, не может самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации в силу возрастных или личностных особенностей. Для возвращения к полноценной жизни таким детям должна оказываться комплексная помощь педагогов, психологов, врачей и других специалистов в области охраны детства.

Воспитательно-педагогическая работа должна опираться на возрастные закономерности нервно-психического развития детей, учитывать их особенности (высокий темп и неравномерность развития; низкая сопротивляемость организма детей, зависимость между физическим и нервно-психическим развитием; потребность в новых впечатлениях, двигательной активности, положительных эмоциях, общении со взрослыми и др.). В первые годы жизни ребенка формируется определенный тип социального поведения, отражающий требования микросоциальной среды, в которой он растет и развивается. Если происходит изменение среды, то меняется и поведение, что в раннем возрасте представляет сложную задачу и часто влечет за собой развитие так называемого «адаптационного синдрома», неблагоприятно сказывающегося на состоянии здоровья ребенка.

В связи с этим особую актуальность приобретает педагогическая поддержка детей из неблагополучных семей. Исследователи предлагают различные термины для обозначения оказания поддержки людям в трудной жизненной ситуации: «содействие» (К. Гуревич, И. Дубровина)⁵, «со-бытие» (В. Слободчиков)⁶, «психологическое или социально-психологическое сопровождение» (М. Битянова, В.С. Мухина, Ю.В. Слюсарев)⁷, социально-педагогическое сопровождение (И.Ф. Дементьева, Ф.И. Кевля, М.И. Рожков)⁸.

Под педагогической поддержкой, опираясь на определение О.С. Газмана, мы понимаем превентивную и оперативную помощь детям в решении их индивидуальных проблем, связанных с физическим и пси-

хическим здоровьем, социальным и экономическим положением, успешным продвижением в обучении, самоопределении. При этом в качестве основных характеристик педагогической поддержки выделяются любовь и безусловное принятие ребенка как личности, проявление эмпатии и милосердия, отзывчивости и терпения; субъект-субъектные диалоговые взаимоотношения; индивидуальный подход и уважение достоинства ребенка; создание ситуации успеха, содействие, отказ от субъективных оценок; признание права ребенка на волеизъявление, свободу и право выбора; равноправие в отношениях с ребенком; способность к самоанализу и самоконтролю⁹.

По мнению ученого, механизм педагогической поддержки состоит из нескольких этапов: диагностического (фиксация и признание наличия проблемы, установление первичного контакта с ребенком, совместная оценка и вербализация сути запроса); поискового (поиск причин возникновения проблемы); договорного (установление договорных взаимоотношений и заключение договора); деятельностного (действия специалистов, стимулирование инициативы, координирование в процессе взаимодействия); рефлексивного (подведение итогов, обсуждение разрешения проблемы, корректировка и планирование дальнейших шагов)¹⁰.

Педагогическая поддержка представляет собой систему средств, обеспечивающих помощь детям в самостоятельном индивидуальном выборе – нравственном, гражданском, профессиональном, экзистенциальном самоопределении, а также в определении препятствий (трудностей, проблем) самореализации в учебной, коммуникативной, трудовой и творческой деятельности. Наиболее эффективными М.И. Рожков считает приемы открытой (поощрительные высказывания; заслуженная похвала и одобрение; стимулирование к деятельности с помощью просьб, авансирования, доверительного отношения; отсутствие акцента на ошибки; проявление эмоциональных реакций; эмпатия; ожидание лучшего; вовлечение в деятельность, представляющую интерес) и скрытой педагогической поддержки (напоминание об ошибках без перехода на личность; уместное безразличие; переключение внимания с одного вида деятельности на другой; помощь при выполнении наиболее сложных заданий; безадресный намек или предположение; вариативность поручаемых дел; анализ и рефлексия жизненных

ситуаций; стимулирование состязательного духа)¹¹.

Для осуществления педагогической поддержки детей из неблагополучных семей нами была разработана социально-педагогическая карта личности ребенка, включающая: 1) сведения о ребенке: а) Ф. И. О., возраст, домашний адрес, место обучения или воспитания, дата поступления в стационар; б) сведения о здоровье (группа здоровья, инвалидность, имеющиеся отклонения, диагноз при поступлении и т.п.); в) успеваемость в школе; г) взаимоотношения с родителями, сверстниками, учителями; д) потребности ребенка; е) трудности и проблемы ребенка; 2) сведения о семье: а) сведения о родителях (Ф. И. О., возраст, домашний адрес, телефон, место работы, инвалидность, судимость, асоциальное поведение и т.п.); б) состав семьи (полная, неполная, сведения о родителях, наличие братьев, сестер, близких родственников); в) жилищно-бытовые условия проживания, условия жизни ребенка; г) материальное положение семьи; 3) дополнительная информация, другие сведения; 4) заключение.

Основными формами и методами педагогической работы с детьми данной категории являются наблюдение, индивидуальное психолого-педагогическое консультирование, тренинговые занятия, методика «недописанный тезис», игротерапия, преодоление затруднительных психологических ситуаций, арт-терапия, социальная паспортизация семей и др.

В ходе исследования был также выявлен комплекс условий, обеспечивающих эффективность педагогической поддержки детей из неблагополучных семей в детском учреждении:

- организация воспитательно-образовательного процесса, предполагающего развитие когнитивных, эмоционально-волевых и коммуникативных навыков с учетом образовательных потребностей и личностных интересов ребенка;

- создание развивающей среды и благоприятного психологического климата;

- реализация индивидуального и дифференцированного подхода к ребенку с учетом состояния здоровья, медицинских показаний, а также возрастных, психологических закономерностей развития;

- активизация субъектной позиции ребенка в процессе его педагогической поддержки.

Самым главным в процессе педагогической поддержки является единая профессиональная деятельность специалистов, объединенная общей целью и направленная на удовлетворение возрастных, личностных, образовательных потребностей ребенка.

В этой связи представляется важной профилактика семейного неблагополучия, которая подразделяется на три уровня: 1) первичная (вовлечение различных служб, доступных для всего населения; включает следующие мероприятия: поддержка семьи, медицинский патронаж, программы по общественному здравоохранению, пропаганда ненасилия через школьные мероприятия и т.д.); 2) вторичная (вовлечение специальных медицинских и социальных служб, которые определяют группу высокого риска и меры по профилактике неблагополучия (определение на дородовом уровне социально неблагополучных семей, информирование социальных служб и учреждений здравоохранения)); 3) третичная (создание специальных медицинских и социальных служб, которые занимаются социально неблагополучными семьями, где отсутствует должный уход за детьми или известны факты насилия (ранняя диагностика и идентификация, межведомственное сотрудничество, включая консультирование, медицинскую, социальную помощь и педагогическую поддержку)).

Таким образом, важно вовремя выявить неблагополучную семью и оказать ей необходимую поддержку, чтобы избежать в дальнейшем трудностей в социализации, личностных кризисов и других сложных жизненных ситуаций у ее членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://vologda-oblast.ru/main.asp?V=543edu@edu35.ru>

² См.: СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

³ Олиференко Л.Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: Учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4707236>

⁴ См.: Алексеева Л.С. Институционализация социального патронажа семей в условиях современной России: Автореф. дис. ... д-ра социолог. наук. М., 2007.

⁵ См.: Гуревич К.М. Дифференциальная психология и психодиагностика. СПб., 2008; Дубровина И.В. Психолого-педа-

¹ См.: URL: <http://vologda-oblast.ru/main.asp?V=543edu@edu35.ru>

² См.: СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

³ Олиференко Л.Я. Social'no-pedagogicheskaja podderzhka detej gruppy riska: Ucheb. posobie [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4707236>

⁴ См.: Алексеева Л.С. Institucionalizacija social'nogo patronata semej v uslovijah sovremennoj Rossii: Avtoref. dis. ... d-ra sociolog. nauk. M., 2007.

⁵ См.: Гуревич К.М. Differencial'naja psihologija i psihodiagnostika. SPb., 2008; Dubrovina I.V. Psihologo-

гогический консилиум // Школьная психологическая служба: вопросы теории и практики. М., 1991.

⁶ См.: Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности: Учеб. пособие. М., 2000.

⁷ См.: Битянова М.Р. Психолог в школе: содержание и организация работы. М., 1998; Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учеб. М., 2004; Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности. СПб., 1992.

⁸ См.: Дементьева И.Ф., Олиференко Л.Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: Учеб. пособие. М., 2008; Кевля Ф.И. Социально-педагогическая поддержка семей и детей «группы риска» // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 1998. № 1. С. 24–28; Рожков М.И. Стратегии и модели воспитания // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: Сб. науч. тр. Волгоград, 2004.

⁹ См.: Газман О.С. Воспитание и педагогическая поддержка детей // Народное образование. 1998. № 26. С. 36–37.

¹⁰ См.: Он же. Неклассическое воспитание. От авторитетной педагогики к педагогике свободы. М., 2003.

¹¹ См.: Рожков М.И. Юногика. Педагогическое обеспечение работы с молодежью: Учеб.-метод. пособие. Ярославль, 2007.

pedagogicheskij konsilium // Shkol'naja psihologicheskaja sluzhba: voprosy teorii i praktiki. M., 1991.

⁶ Sm.: Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Osnovy psihologicheskoy antropologii. Psihologija cheloveka: vvedenie v psihologiju sub#ektivnosti: Ucheb. posobie. M., 2000.

⁷ Sm.: Bitjanova M.R. Psiholog v shkole: sodержanie i organizacija raboty. M., 1998; Muhina B.C. Vozrastnaja psihologija: fenomenologija razvitija, detstvo, otrochestvo: Ucheb. M., 2004; Sljusarev Ju.V. Psihologicheskoe soprovozhdenie kak faktor aktivizacii samorazvitija lichnosti. SPb., 1992.

⁸ Sm.: Dement'eva I.F., Olfiferenko L.Ja. Social'no-pedagogicheskaja podderzhka detej gruppy riska: Ucheb. posobie. M., 2008; Kevlja F.I. Social'no-pedagogicheskaja podderzhka semej i detej «gruppy riska» // Vestnik psihosocial'noj i korrekcionno-reabilitacionnoj raboty. 1998. № 1. S. 24–28; Rozhkov M.I. Strategii i modeli vospitaniya // Teoretiko-metodologicheskie problemy sovremennogo vospitaniya: Sb. nauch. tr. Volgograd, 2004.

⁹ Sm.: Gazman O.S. Vospitanie i pedagogicheskaja podderzhka detej // Narodnoe obrazovanie. 1998. № 26. S. 36–37.

¹⁰ Sm.: On zhe. Neklassicheskoe vospitanie. Ot avtoritetnoj pedagogiki k pedagogike svobody. M., 2003.

¹¹ Sm.: Rozhkov M.I. Junogogika. Pedagogicheskoe obespechenie raboty s molodezh'ju: Ucheb.-metod. posobie. Jaroslavl', 2007.

УДК 343.95

Методические рекомендации по оптимизации переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы

В.Г. РОГАЧ – адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России;

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье представлены методические рекомендации по оптимизации переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы, разработанные с учетом результатов эмпирического и экспериментального исследований.

Ключевые слова: осужденные к длительным срокам лишения свободы; астенические переживания; психотравматизация личности; кризис «середины жизни».

Methodical recommendations for optimization experiences among male prisoners serving long prison terms

V.G. ROGACH – Adjunct of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

V.M. POZDNYAKOV – Dsc. in Psychology, Professor, Professor of the Department of Juridical Psychology and Pedagogic of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article presents methodical recommendations for optimization experiences among prisoners male serving long prison terms. Recommendations are based on the results of empirical and experimental studies of the experiences of prisoners.

Key words: prisoners to long prison terms; asthenic experiences; psychotraumatic identity; crisis «mid-life».

В целях выявления динамики, психологических особенностей и поиска возможностей оптимизации переживаний осужденных к длительным срокам лишения свободы нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 196 осужденных в возрасте от 25 до 45 лет, содержащихся в исправительных колониях строгого режима УФСИН России по Вологодской, Мурманской областям и Республике Удмуртии, отбывших более пяти лет лишения свободы.

В исследовании был применен следующий методический инструментарий: опрос (экспертный, анкетный), анализ документов, психодиагностические методики («16-факторный личностный опросник» (форма «С») (Р. Кеттел), «Смысло-жизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев), «Рефлексия лиминальных состояний» (Е.Е. Сапогова), «Диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности» (С.М. Петрова), «Метод цветовых выборов» (М. Люшер), «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, в адаптации Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д. Эндлер, Д. Джеймс, в адаптации Т.А. Крюковой)).

Методические средства подбирались на основе комплексной стратегии изучения переживаний осужденных, что позволило рассмотреть такие характеристики, как направленность, содержание (ценностно-смысловой, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты) и процесс (психологическая защита и совладание). Обработка результатов и интерпретация данных осуществлялись в компьютеризированной программе «Psychometric Expert 8».

В целом эмпирическое исследование свидетельствует о слабой развитости рассматриваемых компонентов переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы. В ценностно-смысловом компоненте переживаний выявлено общее снижение осмысленности жизни, а именно таких ее составляющих, как цели ($p \leq 0,01$) и процесс ($p \leq 0,05$) жизни, а также наличие затруднений в построении целевого пространства ближайшего будущего и пересмотре индивидуального прошлого в свете возникновения новых интенций ($p \leq 0,05$).

Кроме того, большинство респондентов характеризуются негативным переживанием лиминальной (переходной, кризисной) фазы своего личностного развития.

В когнитивном компоненте переживаний осужденных наблюдается возрастание гедонистической ($p \leq 0,05$) и пугнистической тенденций «Я-концепции» личности, а также снижение нормативной, трудовой ($p \leq 0,01$) и альтруистической ($p \leq 0,05$). Как показали индивидуальные беседы с осужденными, мотивации их поведения в колонии обычно присуща эгоцентрическая направленность: важным значением наделяется деятельность, связанная с удовлетворением личных потребностей (прежде всего с улучшением материального положения), они стараются обратить на себя внимание окружающих с целью получения определенных благ и привилегий, избегают любых осложнений межличностных взаимоотношений и возможного наказания.

Исследование эмоционального компонента переживаний показало, что для осужденных в большей степени характерны негативные, астенические чувства и эмоции, такие как неудовлетворенность жизнью ($p \leq 0,05$), разочарованность в сложившемся жизненном пути, тревога и опасения за свое будущее, раздражение и напряженность от экстремального внешнего воздействия, а также, со слов осужденных, подавленное, депрессивное настроение, невыносимая тоска от ограниченности тюремной жизни.

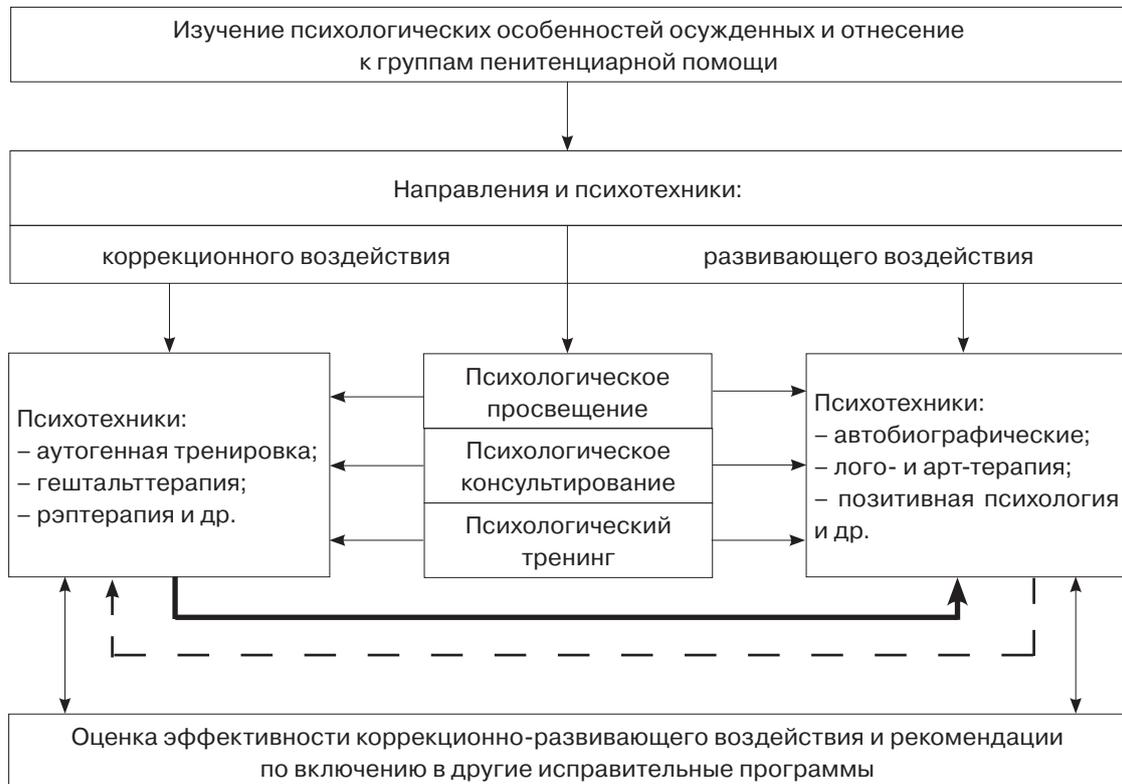
Изучение поведенческого компонента переживаний осужденных свидетельствует об ослаблении тенденции на решение задач ($p \leq 0,01$) и усилении тенденции на совладание с эмоциями при нахождении в стрессовой ситуации. Для совладания с трудными жизненными ситуациями в условиях исправительного учреждения осужденные к длительным срокам лишения свободы реализуют преимущественно неадаптивные психологические защиты (отрицание, регрессия, проекция, замещение).

В период длительного отбывания наказания интенсивность благоприятных стенических переживаний осужденных снижается, а неблагоприятных, наоборот, повышается. Значительное возрастание астенических

переживаний наблюдается у осужденных после 10–15 лет пребывания в местах лишения свободы. Этот период может совпадать с кризисом «середины жизни», сопровождающимся негативными астеническими эмоциями и неконструктивными психологи-

ческими защитами. Анализ дисциплинарной практики рассматриваемой категории респондентов свидетельствует о том, что осужденные, отбывшие 10–15 лет лишения свободы, демонстрируют наиболее неустойчивую нормативность поведения.

Модель оптимизации переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы

На основе анализа психологических подходов, а также результатов эмпирического исследования была научно обоснована модель (схема) и экспериментально апробирована психотехнология оптимизации переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы. Апробация психотехнологии осуществлялась на осужденных, отбывших 10–15 лет лишения свободы и характеризующихся наибольшей интенсивностью психотравмирующих астенических переживаний.

С данной категорией респондентов был проведен тренинг. В рамках индивидуальных, групповых и самостоятельных форм коррекционно-развивающей работы осуществлялось целенаправленное психологическое воздействие на переживания осужденных астенического типа для просоциального изменения их ценностно-смыслового и поведенческого компонентов. Оценка эффективности психотехнологии

проводилась на основе данных первичной и отсроченной психодиагностики, результатов самоотчетов и индивидуальных бесед с осужденными, а также экспертной оценки сотрудников колонии.

В экспериментальной группе были выявлены статистически значимые различия по рассматриваемым характеристикам компонентов переживаний личности. В наибольшей мере у осужденных повысилась осмысленность жизни ($p \leq 0,05$) и рефлексия жизненного пути. Получены значимые различия у осужденных экспериментальной группы при отсроченном наблюдении нормативности поведения, что выразилось в снижении количества нарушений порядка отбывания наказания (см. табл.) и иных просоциальных проявлениях. Так, сотрудники исправительного учреждения, выступившие в качестве экспертов, отметили такие позитивные тенденции в поведении осужденных, как стремление трудоустроиться и повысить уровень образования.

Показатели дисциплинарной практики осужденных

Тип группы	Количество нарушений порядка отбывания наказания		Количество водворений в штрафной изолятор	
	до эксперимента (за 6 месяцев)	после эксперимента (за 6 месяцев)	до эксперимента (за 6 месяцев)	после эксперимента (за 6 месяцев)
Экспериментальная	9	1	2	–
Контрольная	11	12	3	4

По результатам эмпирического и экспериментального исследований нами были подготовлены рекомендации, включающие в себя предложения организационно-правового, содержательного и методического характера.

На современном этапе развития психологической службы в уголовно-исполнительной системе психологическое сопровождение большинства осужденных реализуется преимущественно в рамках базовых типовых психокоррекционных программ адаптации к условиям мест лишения свободы (по прибытию осужденного в исправительное учреждение для отбывания наказания) и подготовки к освобождению (за полгода до освобождения). В основной период отбывания наказания большинство осужденных практически не привлекаются к психокоррекционным мероприятиям.

С целью повышения эффективности психологического сопровождения осужденных к длительным срокам лишения свободы требуется внести некоторые дополнения в правовой блок. На федеральном уровне следует принять ведомственный нормативно-правовой акт, утверждающий регламент оказания обязательного систематического коррекционно-развивающего воздействия на осужденных в конкретные периоды отбывания наказания, и предусмотреть необходимые для его реализации дополнительные штатные единицы. Соответствующие изменения нужно также внести в нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность сотрудников психологической службы уголовно-исполнительной системы по психологическому сопровождению осужденных.

В качестве оптимизации переживаний осужденных, связанных с неудачной адаптацией к местам лишения свободы и тюремному социуму, могут выступать следующие мероприятия:

– приобщение к трудовой деятельности и работе в коллективе (на постоянной основе), повышение привлекательности предоставляемой работы;

– повышение образовательного уровня и профессиональной квалификации, проведение просветительских профориентационных мероприятий;

– создание устойчивых каналов коммуникации между обществом и осужденными через активное привлечение к сотрудничеству общественных и религиозных организаций, а также родственников осужденного;

– пополнение библиотечных фондов исправительных учреждений литературой духовно-нравственного содержания и ее популяризация среди осужденных и др.

В целом сотрудники исправительного учреждения должны способствовать формированию просоциального поведения осужденных, создавая необходимые для этого условия и соразмерно применяя меры поощрения и взыскания.

Психологическое воздействие на осужденных следует оказывать с учетом анализа актуального состояния их переживаний, проведенного по итогам психодиагностики и применения методов статистической обработки данных. Оценка психотравматизации личности должна осуществляться уже на этапе содержания в карантине и быть направлена на выявление лиц астеничного типа. В связи с этим необходимо применять психодиагностический комплекс, использованный в настоящем исследовании, что позволит выявить ограниченность совидающего потенциала личности осужденных к длительным срокам наказания и своевременно корректировать психологическое воздействие. При анализе данных первичной психодиагностики следует обращать внимание на такие особенности осужденного, способствующие возникновению психотравмирующих переживаний, как тревожность, напряженность, низкие самоконтроль и осмысленность жизни, наличие преимущественно негативных чувств и эмоций, доминирование эгоистических и гедонистических тенденций в «Я-концепции». Осужденных с таким симптомокомплексом нужно включать в психокоррекционные группы.

Обязательному психодиагностическому обследованию необходимо также подвергать осужденных, отбывших 10–15 лет лишения свободы, так как указанный период является кризисным. Большинство осужденных в возрасте 30–35 лет начинают подводить итоги прожитой жизни, в результате чего возникают переживания кризиса «середины жизни»¹, возрастают тревожные переживания, снижается доверие к окружающим и общительность. В жизненных смыслах начинает доминировать ориентация на прошлое, наблюдаются нарушения в рефлексии самочувствия и настроения.

Использование автоматизированной диагностической системы «Psychometric Expert», которая включает большинство примененных в работе методик, позволит уменьшить временные затраты на проведение и статистическую обработку результатов обследования. Кроме того, при анализе результатов тестирования следует учитывать наличие соматических заболеваний и такие характеристики поведения осужденных, как дисциплина и просоциальная активность (трудовая, учебная, творческая и др.).

На наш взгляд, оказание психологической помощи осужденным к длительным срокам лишения свободы целесообразно осуществлять в соответствии с апробированной в рамках исследования психотехнологии по оптимизации переживаний. Она предполагает психологическое воздействие на ценностно-смысловой, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты переживаний с целью снятия негативных эмоциональных состояний, актуализации переживаний высших ценностей, активации и развития копинг-ресурсов личности, формирования наиболее аутентичного образа «Я».

Коррекционно-развивающее воздействие должно учитывать динамику переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы. В рамках исследования были выделены следующие эмпирически обоснованные временные периоды нахождения в исправительном учреждении: 5–10 лет, 10–15 лет, более 15 лет.

Через 5–10 лет лишения свободы психологическое сопровождение осужденных должно быть направлено на повышение жизнестойкости и личностного потенциала. Оптимизация переживаний достигается путем более глубокого осознания себя и своих психологических проблем (причин совершения преступления и деструктивного поведения в колонии) с ориентацией на формиро-

вание позитивного образа «Я», в том числе в условиях мест лишения свободы. При этом мы разделяем мнение А.Ф. Адыгезалова о необходимости развития в процессе отбывания наказания у осужденных личностного неприятия криминального способа удовлетворения своих потребностей, то есть «антикриминальной устойчивости личности»². Для этого целесообразно проводить групповые и индивидуальные занятия с использованием упражнений и психотехник из тренингов личностного роста и ассертивного поведения, тренинга «Жизнестойкость» (С. Мадди и Д. Хошаба, 2004).

Мероприятия по оказанию психологической помощи осужденным, отбывшим 10–15 лет лишения свободы, должны включать упражнения на развитие психической саморегуляции и преодоление психологических барьеров и защит. Указанные направления работы могут быть реализованы при проведении занятий с использованием элементов тренинга «Оптимизации саморегуляции психических состояний» (Т.О. Славнова), техник рационально-эмоциональной терапии (А. Эллис). Развитие у осужденных экзистенциальных переживаний достигается с помощью упражнений из «Психотехники переживания» (Ф.Е. Василюк) и арт-терапии (музыкотерапия и кинотренинг).

После 15 лет пребывания в исправительном учреждении у осужденных зачастую возникают различные психические и поведенческие деструкции, в связи с чем до начала и в процессе проведения тренинга целесообразно реализовывать дополнительную индивидуальную коррекционно-развивающую программу по формированию коммуникативных навыков, а также осуществлять мониторинг психических и поведенческих изменений для предотвращения «выпадения» из тренинговой группы и нарушения процессов групповой динамики.

При отборе участников тренинговых групп особое внимание должно быть уделено изучению их жизненного пути, включая такие узловые события, как детско-родительские отношения, совершение преступления и т.д. Уточняются дополнительная информация об осужденном у сотрудников различных отделов и служб (оперативная, профессионально-трудова, медицинская и т.д.), его эмоциональное состояние и испытываемые трудности. Все это в полной мере позволит реализовать индивидуальный подход в коррекционно-развивающей работе психолога.

Структура занятия должна содержать следующие блоки:

1. Экспресс-коррекция психоэмоционального состояния осужденных (5–10 мин.). Нормализация психофизиологического тона осужденных в начале каждого занятия необходима для настроя на работу в тренинговой группе, абстрагирования от психотравмирующих факторов мест лишения свободы, раскрепощения участников тренинга.

2. Выполнение конкретных упражнений. В рамках каждой групповой встречи необходимо следовать регламенту занятия, концентрировать внимание осужденных на основной проблеме и мотивировать каждого к активному включению в работу, создавать

условия для оптимизации групповой динамики.

3. Подведение итогов (5–10 мин.). После получения обратной связи от участников тренинговой группы обговариваются уровень реализации поставленных целей и задач и планы на дальнейшую работу.

В рамках тренинга важно организовать взаимодействие с осужденными с «соучаствующей»³ позицией, акцентировать внимание на необходимости самореализации в условиях исправительного учреждения, установления связей с обществом, аргументировать неизбежность принятия их обществом после освобождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослых. М., 2013. С. 362–366.

² См.: Адыгезалов А.Ф. Использование переживания наказания у несовершеннолетних осужденных в исправительной психологической коррекции // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 62.

³ См.: Поздныков В.М. Психология оптимизации взаимоотношений сотрудников и осужденных в исправительных учреждениях // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2005. С. 173.

¹ См.: Sapogova E.E. Jekzistencial'naja psihologija vzroslosti. M., 2013. S. 362–366.

² См.: Adygezalov A.F. Ispol'zovanie perezhivaniya nakazaniya u nesovershennoletnih osuzhdennykh v ispravitel'noj psihologicheskoy korrekcii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 2. S. 62.

³ См.: Pozdnjakov V.M. Psihologija optimizacii vzaimootnoshenij sotrudnikov i osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdenijah // Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: teorija i praktika: Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vologda, 2005. S. 173.

УДК 159.9.07

Теоретико-методологические подходы к изучению психологии правосознания

Е.Л. СУЧКОВА – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются теоретические подходы к определению содержания и структурных составляющих психологии правосознания, концептуальные основания проводимых эмпирических исследований, освещаются современные тенденции психолого-правовых исследований правосознания.

Ключевые слова: правосознание; психология правосознания; правовая психология; социальные представления.

Theoretical and methodological approaches to the research of the legal consciousness psychology

E.L. SUCHKOVA – Associate Professor Department of Organization of Psychological Service in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

The article discusses theoretical approaches to the determination of content and structural components of the legal consciousness psychology, the conceptual basis of conducted empirical studies, it highlights current trends in the development of psycho-legal researches of the legal consciousness psychology.

Key words: legal consciousness; legal consciousness psychology; legal psychology; social notions.

Приоритетной задачей российского государства на современном этапе является повышение уровня правосознания и правовой культуры общества. Для ее решения Президентом Российской Федерации утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан¹. Государственная политика направлена на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства. Недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм соотечественников являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права, что актуализирует необходимость поиска новых теоретико-методологических подходов к изучению содержания психологической составляющей правосознания россиян.

Глубокие системные исследования правовой психологии и вопросов психологии правопонимания и правосознания отнесены к перспективным направлениям в юридической психологии. Демократическое прагматическое общество, которое так или иначе формируется в нашей стране, нуждается в постоянном анализе реалий, складывающихся тенденций и закономерностей, то есть в получении новых знаний о нем². Несмотря на очевидную востребованность исследований в области изучения психологии правосознания, научных работ такого рода сравнительно немного. Анализируя сложившуюся ситуацию, А.М. Столяренко отмечает, что о психологии права вспоминают как об ушедшем в историю событии, что уже можно расценивать как ослабление внимания к психологическим аспектам правотворчества и правоисполнения. Констатируется, что рассмотрение указанных вопросов далеко от современных данных научной психологии³.

Существующие трудности в области изучения психологии правосознания обусловлены междисциплинарным статусом, многомерностью изучаемых феноменов, что влечет за собой сложности концептуального определения содержания и структурных составляющих предметного поля и, как следствие, выбора исследовательских подходов.

С целью анализа теоретико-методологических подходов к изучению психологии правосознания выделим ключевые моменты в становлении указанной проблемы в отечественной науке. Одним из первых к рассмотрению психологической стороны правосознания обратился И.Е. Фарбер⁴, опираясь на марксистскую философскую литературу, в которой доминировали представления о том, что дифференцированность общественной психики на общественные идеологию и психологию проявляется во всех видах общественного сознания, в том числе и в правовом.

В качестве основных структурных элементов правосознания ученый выделил правовую психологию и правовую идеологию. Правовая идеология рассматривалась как система правовых идей, отражающих общественное бытие с точки зрения необходимости и путей государственного регулирования социальных отношений в интересах того или иного класса или общества в целом. К правовой психологии были отнесены идеи, понятия, представления, чувства, убеждения, привычки, мотивы юридически значимых волевых действий, отражающие в общественном сознании различные юридические явления⁵.

Позиция И.Е. Фарбера по выделению правовой психологии из общей системы социальной психологии не сразу нашла понимание среди отечественных ученых⁶. Впоследствии такая постановка вопроса была признана очень плодотворной и своевременной. Социально-правовая психология рассматривалась как одна из форм социальной психологии, возникающая в результате взаимодействия людей в группах, коллективах, обществе, приводящая к образованию определенных более или менее устойчивых настроений, чувств, привычек,

традиций, вытекающих из правового осознания действительности. Именно такое понимание правовой психологии характерно для большинства исследований 70–80-х гг. прошлого века.

В структуре правового сознания с точки зрения глубины отражения И.Е. Фарбером были выделены два уровня: обыденное и теоретическое правосознание. Правовая психология проявляется главным образом в обыденном сознании, а правовая идеология – в теоретическом⁷. Одни ученые также отождествляли социально-психологическую сторону правосознания с уровнем обыденного правосознания, а идеологическую – с уровнем теоретического⁸. Другие указывали, что понятие «обыденное правовое сознание» объемнее, чем общественная правовая психология, и включает в себя элементы не только правовой психологии, но и обыденной правовой идеологии⁹. Отмечалось, что нельзя также и правовую психологию ограничивать сферой обыденного сознания, ибо это обедняет ее роль в правотворчестве, правовом регулировании общественных отношений¹⁰.

Несмотря на указанные различия во взглядах на содержание отдельных элементов структуры правосознания, все исследователи были единодушны в том, что рассмотрение правового сознания через расчленение его на определенные составные элементы носит условный характер. В целом проведенный анализ советской научной литературы, посвященной рассмотрению вопросов психологии правосознания, позволяет говорить о том, что теоретические исследования в данной предметной области существенно превалировали над эмпирическими. Основная сложность изучения психологической составляющей правосознания (социально-правовой психологии) заключалась в том, что в тот период в отечественной социальной психологии отсутствовали теоретико-методологические подходы, адекватные задачам эмпирического изучения реального содержания психологии больших социальных групп.

На решение данной проблемы были направлены многолетние широкомасштабные исследования сотрудников сектора правовой психологии ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой¹¹. Анализ содержания и соотношения друг с другом понятий «правосознание» и «правовая психология» позволил ученым прийти к выводу, что правовая действительность отражается в сознании

людей в виде, во-первых, различных продуктов ее познания и, во-вторых, различных отношений к этой действительности. В зависимости от способа отражения правовых явлений в правосознании выделяют познавательную сферу (знания, идеи), которую можно назвать правовоззрением, и социально-психологическую (переживания, установки и др.), или правовую психологию. Социально-правовая психология обязательно включает идеологические и иные правовоззренческие компоненты, но не в форме концепций, теорий, идей, а в виде убеждений, верований, идеалов, установок, привычек, традиций, отношений, переживаний. Такая трактовка, как отмечают А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова, меняет подход к исследованию и оценке элементов правовой психологии¹².

Познавая действительность, люди не остаются равнодушными к полученным знаниям. Они соотносят их с прошлым опытом, потребностями, интересами, целями деятельности. Возникает новое, на этот раз уже интеллектуально-эмоциональное образование – психическое отношение к объектам познания и практической деятельности. Познаваемые субъектом разные стороны и явления правовой жизни, профильтрованные через личный опыт и правовую практику, точно так же вызывают к себе определенные отношения и, будучи значимыми для личности, приобретают известный смысл, квалифицируются как ценности. В структуру психологии правосознания входят четыре основных типа оценочных отношений: 1) к праву (его принципам, институтам и нормам); 2) правовому поведению людей; 3) правоохранительным органам и их деятельности; 4) собственному правовому поведению (правовая самооценка)¹³.

Результатом описанного цикла исследований стала разработка одного из разделов юридической психологии – «Психология нормативно-правовой регуляции человеческого поведения, теория правосознания и правовая психология»¹⁴ – как частнонаучной теории юридической психологии¹⁵.

Коренные изменения, произошедшие в общественном устройстве страны в конце XX в., повлекли за собой отмену идеологических догм и тем самым способствовали появлению новых для российской науки подходов к изучению психологии правосознания. Отечественные социальные психологи, обратившись к анализу психологических аспектов правосознания, в качестве концептуальных оснований проводимых

исследований привлекли зарубежные теоретические подходы, что достаточно закономерно, так как в западной науке феномены, относящиеся к области правосознания, часто рассматриваются в рамках традиционных социально-психологических теорий. Так, например, представления о правах человека рассматриваются в рамках концепции социальных представлений, а исследование влияния этнической принадлежности преступника на предполагаемое ему наказание – теории социальной идентичности¹⁶.

Успешный опыт применения теоретических схем концепции социальных представлений для изучения психологии правосознания способствовал росту интереса к зарубежным подходам и исследованиям в данной области. При этом российские ученые отмечают, что существуют определенные сложности в связи с тем, что раздробленность изучения правосознания (в рамках различных теоретических подходов) приводит к игнорированию его целостности и, как следствие, отсутствию интереса западных ученых к теоретическому осмыслению данного феномена¹⁷.

В целях преодоления указанных трудностей в отечественной социальной психологии и с учетом традиций изучения правосознания в нашей стране оно рассматривается, с одной стороны, как целостное явление (как форма общественного сознания), а с другой – как комплекс социальных представлений, что позволяет в качестве его составляющих изучать различные социально-психологические феномены: attitudes, социальные представления, мифы. Правомерность восприятия правосознания как совокупности социальных представлений в правовой сфере обосновывается тем, что большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания, кроме науки, образованы совокупностью соответствующих представлений¹⁸.

Привлечение теории социальных представлений в качестве методологической основы изучения психологии правосознания позволяет изучать его содержание с учетом культурного контекста, исторической и политической специфики российского менталитета. Указанный подход не противоречит и рассмотренным ранее взглядам отечественных ученых на содержание социально-правовой психологии. Предложенный А.Р. Ратиновым и Г.Х. Ефремовой подход к определению психологии правосознания

как «сплава» оценочных отношений к разнообразным явлениям правовой действительности по содержанию очень близок к понятийным схемам теории социальных представлений.

Многие психолого-правовые проблемы имеют социально-психологический аспект, что актуализирует необходимость ориентации на междисциплинарный дискурс при изучении указанных вопросов¹⁹. Так, теория деформации социальных отношений А.Н. Сухова позволяет изучать восприятие и отношение различных социальных групп к отклонениям от общепринятых правовых и нравственных норм, регулирующих отношения в сфере государства и общества²⁰. Интеграция традиционного для юридической психологии ракурса исследований правосознания с современными теоретико-методологическими подходами к рассмотрению психологии больших социальных групп позволяет в полной мере реализовать социально-психологический подход в юридической психологии. Концептуальная проработанность такой интеграции открывает новые перспективы в области социально-пенитенциарной психологии, являющейся самостоятельной подотраслью пенитенциарной психологии²¹.

К данной предметной области относятся работы по изучению психологии группового правосознания осужденных, рассматриваемые в качестве актуальных проблем юридической психологии²². Восприятие группового правосознания осужденных как совокупности социальных представлений в правовой сфере позволяет не только раскрыть их содержание с учетом социокультурного и исторического контекстов, но и проследить влияние социальных особенностей данной группы на специфику процесса репрезентации социальных представлений²³. Именно социальные правовые представления, сконструированные в ходе дискурса и в контексте норм и правил тюремной субкультуры, выполняющие мировоззренческие функции, негативно воздействуют на правовое сознание тех осужденных, которые еще не разделяют представления о мире, присущие данной общности.

Для полноценного развития юридической психологии как науки необходимы интеграция возможностей социальной и юридической психологии, разработка соответствующего теоретического и методического обеспечения исследований, посвященных изучению психологии правосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.
- ² См.: Лунеев В.В. Проблемы науки в борьбе с преступностью // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 17.
- ³ См.: Столяренко А.М. Психология права // Прикладная юридическая психология. М., 2001. С. 46.
- ⁴ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1973. С. 145.
- ⁵ См.: Там же. С. 70.
- ⁶ См.: Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 145.
- ⁷ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. С. 66.
- ⁸ См., напр.: Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность; Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения (философско-методологический очерк). Киев, 1976.
- ⁹ См.: Щегорцов В.А. Социология правосознания. М., 1981. С. 155.
- ¹⁰ См.: Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М., 1982. С. 143.
- ¹¹ См.: Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988; Они же. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. М., 1988.
- ¹² См.: Они же. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. С. 76–78.
- ¹³ См.: Там же. С. 87.
- ¹⁴ См.: Актуальные проблемы правосознания в современной России: Сб. науч. тр. М., 2005. Ч. 1. С. 21.
- ¹⁵ См.: Ефремова Г.Х. Правосознание как частнонаучная теория юридической психологии // Прикладная юридическая психология / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001. С. 52–58.
- ¹⁶ См.: Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: Аналитический обзор. М., 2003.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 22–23.
- ¹⁸ См.: Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. М., 2002. С. 96–97.
- ¹⁹ См.: Столяренко А.М. Психология права // Прикладная юридическая психология. М., 2001. С. 45–52; Сухов А.Н. Социальная психология преступности: Учеб. пособие. М., 2007.
- ²⁰ См.: Сухов А.Н. и др. Социальная психология: Учеб. пособие. М., 2001. С. 105.
- ²¹ См.: Сухов А.Н. Социально-пенитенциарная психология: теоретические и прикладные аспекты // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2 (53). С. 74.
- ²² См.: Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного института управления. 2015. № 1–2 (131–132). С. 27.
- ²³ См. подр.: Сучкова Е.Л. Теоретические традиции и эмпирические исследования группового правосознания осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 90.
- ¹ Sm.: Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznanija grazhdan (utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii 28.04.2011 g. № Pr-1168) // Rossijskaja gazeta. 2011. 14 ijulja.
- ² Sm.: Luneev V.V. Problemy nauki v bor'be s prestupnost'ju // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2008. № 2. S. 17.
- ³ Sm.: Stoljarenko A.M. Psihologija prava // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. M., 2001. S. 46.
- ⁴ Sm.: Farber I.E. Pravosoznanie kak forma obshhestvennogo soznaniya. M., 1973. S. 145.
- ⁵ Sm.: Tam zhe. S. 70.
- ⁶ Sm.: Lukasheva E.A. Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'. M., 1973. S. 145.
- ⁷ Sm.: Farber I.E. Pravosoznanie kak forma obshhestvennogo soznaniya. S. 66.
- ⁸ Sm., napr.: Lukasheva E.A. Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'; Chefranov V.A. Pravovoe soznanie kak raznovidnost' social'nogo otrazhenija (filosofsko-metodologicheskij ocherk). Kiev, 1976.
- ⁹ Sm.: Shhegorcov V.A. Sociologija pravosoznanija. M., 1981. S. 155.
- ¹⁰ Sm.: Bel'skij K.T. Formirovanie i razvitie socialisticheskogo pravosoznanija. M., 1982. S. 143.
- ¹¹ Sm.: Efremova G.X., Ratinov A.R. Pravovaja psihologija i prestupnoe povedenie. Krasnojarsk, 1988; Oni zhe. Izuchenie pravosoznanija i obshhestvennogo mneniya o prestupnosti i dejatel'nosti pravoohranitel'nyh organov. M., 1988.
- ¹² Sm.: Oni zhe. Izuchenie pravosoznanija i obshhestvennogo mneniya o prestupnosti i dejatel'nosti pravoohranitel'nyh organov. S. 76–78.
- ¹³ Sm.: Tam zhe. S. 87.
- ¹⁴ Sm.: Aktual'nye problemy pravosoznanija v sovremennoj Rossii: Sb. nauch. tr. M., 2005. Ch. 1. S. 21.
- ¹⁵ Sm.: Efremova G.H. Pravosoznanie kak chastnonauchnaja teorija juridicheskoi psihologii // Prikladnaja juridicheskaja psihologija / Pod red. prof. A.M. Stoljarenko. M., 2001. S. 52–58.
- ¹⁶ Sm.: Gulevich O.A., Golynchik E.O. Pravosoznanie i pravovaja socializacija: Analiticheskij obzor. M., 2003.
- ¹⁷ Sm.: Tam zhe. S. 22–23.
- ¹⁸ Sm.: Abul'hanova K.A. Social'noe myshlenie lichnosti // Sovremennaja psihologija: sostojanie i perspektivy issledovanij. M., 2002. S. 96–97.
- ¹⁹ Sm.: Stoljarenko A.M. Psihologija prava // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. M., 2001. S. 45–52; Suhov A.N. Social'naja psihologija prestupnosti: Ucheb. posobie. M., 2007.
- ²⁰ Sm.: Suhov A.N. i dr. Social'naja psihologija: Ucheb. posobie. M., 2001. S. 105.
- ²¹ Sm.: Suhov A.N. Social'no-penitencijarnaja psihologija: teoreticheskie i prikladnye aspekty // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2013. № 2 (53). S. 74.
- ²² Sm.: Belous V.G., Golodov P.V., Spasennikov B.A. Aktual'nye problemy juridicheskoi psihologii // Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravlenija. 2015. № 1–2 (131–132). S. 27.
- ²³ Sm. podr.: Suchkova E.L. Teoreticheskie tradicii i jempiricheskie issledovanija gruppovogo pravosoznanija osuzhdennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 90.

Психодинамика личности сотрудников ФСИН России в процессе профессиональной адаптации к службе

К.В. КРЯКЛИН – адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России

В статье представлены результаты эмпирического исследования сотрудников ФСИН России и предложена психодинамическая типология личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : психодинамика личности; психодинамическая типология; факторный анализ; кластерный анализ; профессиональная адаптация; дезадаптация.

Psychodynamics of the staff personality of the Federal Penal Service of Russia at various stages of adapting to the professional service

K.V. KRYAKLIN – Adjunct of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia.

The article presents the results of empirical research of employees of the Federal Penal Service of Russia and offered psychodynamic personality typology of employees in the process of adapting to the professional service.

Key words: psychodynamics of personality; psychodynamic typology; factor analysis; cluster analysis; professional adaptation; disadaptation.

В свете реформирования системы учреждений, исполняющих уголовные наказания, и совершенствования их организационной структуры профессиональная деятельность сотрудников ФСИН России сопряжена с определенными сложностями как организационного, так и психологического характера¹. Изменение условий жизнедеятельности под влиянием организационных факторов приводит к личностным изменениям². С целью диагностики таких трансформаций нами было проведено исследование с использованием следующего методического инструментария: опросник межличностных отношений В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишникова (FIRO); опросник LSI («Индекс жизненного стиля») Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конта (адаптированный межрегиональной психологической лабораторией, г. Ярославль); методика исследования самооотношения (МИС) (С.Р. Пантिलеев). Выборка составила 212 респондентов из Кировского, Удмуртского и Вологодского управлений ФСИН России. Наше представление о процессуальной

составляющей адаптации к условиям службы основывается на взглядах И.А. Латковой, согласно которым профессиональная адаптация включает в себя три этапа³.

В исследовании сотрудники на различных этапах обозначались следующим образом:

- группа 1 – сотрудники, находящиеся на первом этапе профессиональной адаптации (до 6 месяцев, 54 респондента);
- группа 2 – сотрудники, находящиеся на втором этапе профессиональной адаптации (от 6 до 12 месяцев, 58 респондентов);
- группа 3 – сотрудники, находящиеся на третьем этапе профессиональной адаптации (от 12 до 24 месяцев, 60 респондентов);
- группа 4 – сотрудники, состоящие в группе риска (40 респондентов).

Обратимся к интрапсихической, личностной психодинамике сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе, сопряженной с периодами первичной адаптации и реадаптации к новым условиям жизнедеятельности. Для этого был проведен дескриптивный и многомерный статистиче-

ский анализ результатов тестирования. Для большей наглядности представим данные по каждому фактору методики исследования самооотношения⁴.

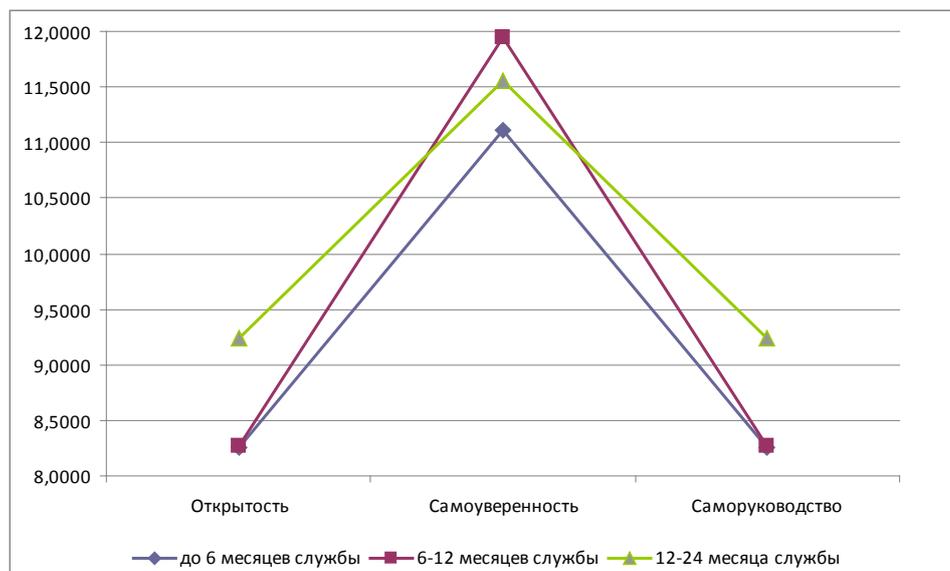

Рис. 1. Средние показатели по шкалам первого фактора («самоуважение», по С.Р. Пантелееву) теста МИС в разных группах испытуемых

По первому фактору у сотрудников второго года службы (рис. 1) существенно снижаются показатели по шкале «Открытость» (шкала обратная, высокие оценки означают малую открытость) и повышаются по шкале «Саморуководство» ($p \leq 0,0051$). Повышение уровня управления собой, несомненно, является следствием первичной адаптации к службе. Снижение же открытости говорит, скорее, о кризисе реадaptации второго года службы.

У сотрудников второго года службы (рис. 2) показатели по шкале «Самоценность» ниже ($p \leq 0,0336$), при этом существенно выше показатели по шкалам «Самопринятие» ($p \leq 0,0000$) и «Самопривязанность» ($p \leq 0,0665$ – со второй группой и $p \leq 0,0006$ – с первой). Это, на наш взгляд, свидетельствует о личностном психодинамическом механизме кризиса реадaptации второго года службы («Пусть я не слишком ценен, но я принимаю себя именно таким и я привязан именно к себе такому»).

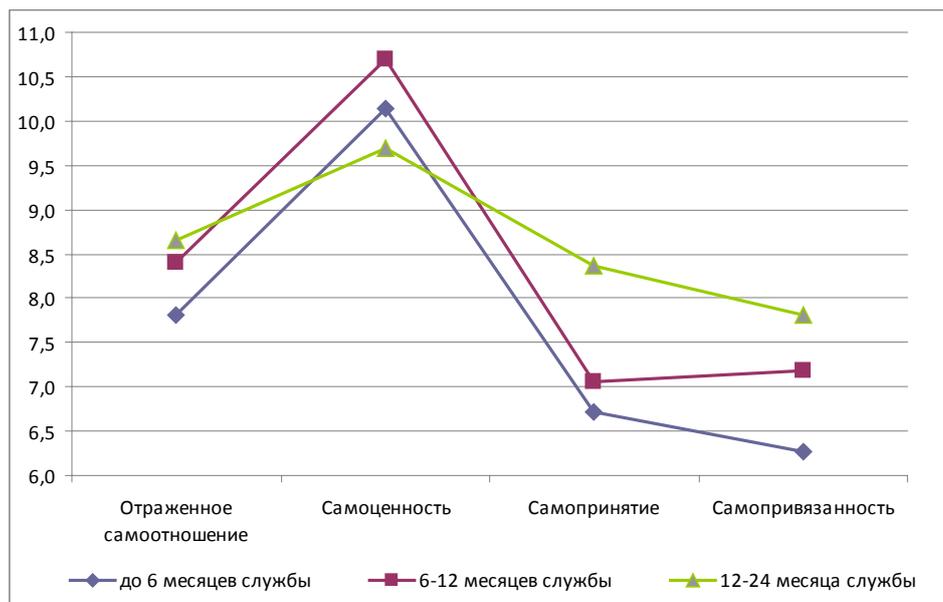

Рис. 2. Средние показатели по шкалам второго фактора («аутосимпатия», по С.Р. Пантелееву) теста МИС в разных группах испытуемых

Снижение показателей самооценности может быть прямым следствием стагнации личностного и карьерного роста, а повышение уровня самопринятия и самопривязанности в этом случае носит защитный характер.

Картину кризиса реадaptации на втором году службы дополняют также самые вы-

сокие значения «внутреннего конфликта» ($p \leq 0,0401$) и «самообвинения» ($p \leq 0,00001$).

Показатели самообвинения (по внутреннему конфликту различий не выявлено) значительно ниже в группе 2 (рис. 3), причем даже ниже, чем у респондентов первой группы ($p \leq 0,0158$).

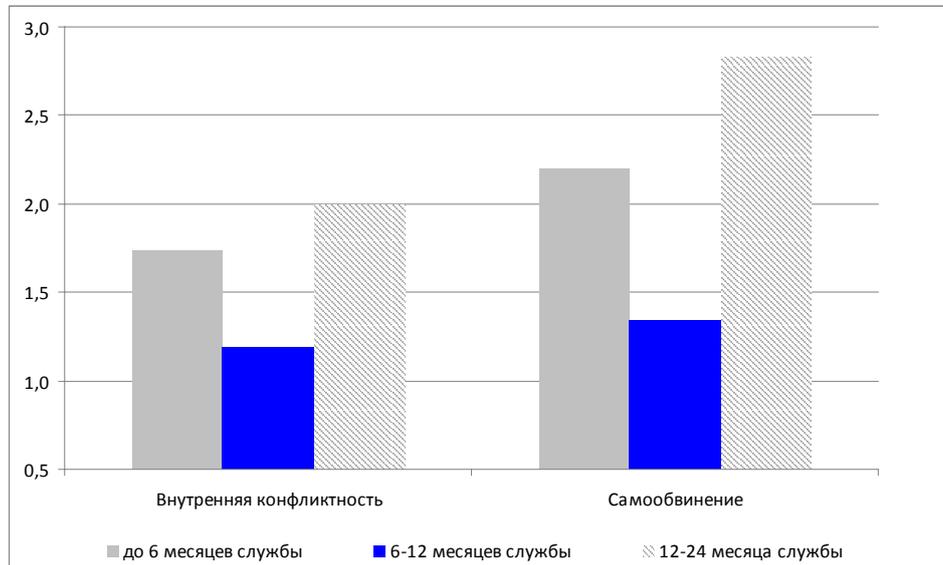

Рис. 3. Средние показатели по шкалам третьего фактора («внутренний конфликт», по С.Р. Пантелееву) теста МИС в разных группах испытуемых

Это свидетельствует о том, что после короткой стабилизации личностной психодинамики в результате первичной адаптации уже на втором году службы начинается кризис реадaptации, который носит более глубокий личностный характер перестройки детерминирующих отношений личности к службе и жизненному пути.

В процессе реадaptации на втором году службы происходят изменения в защитной сфере личности и межличностных отношениях. Если психодинамика самоотношения может выступать как глубинная ядерная подструктура личности, то психологические защиты и характер общения являются проявлением в большей мере поведенческой психодинамики.

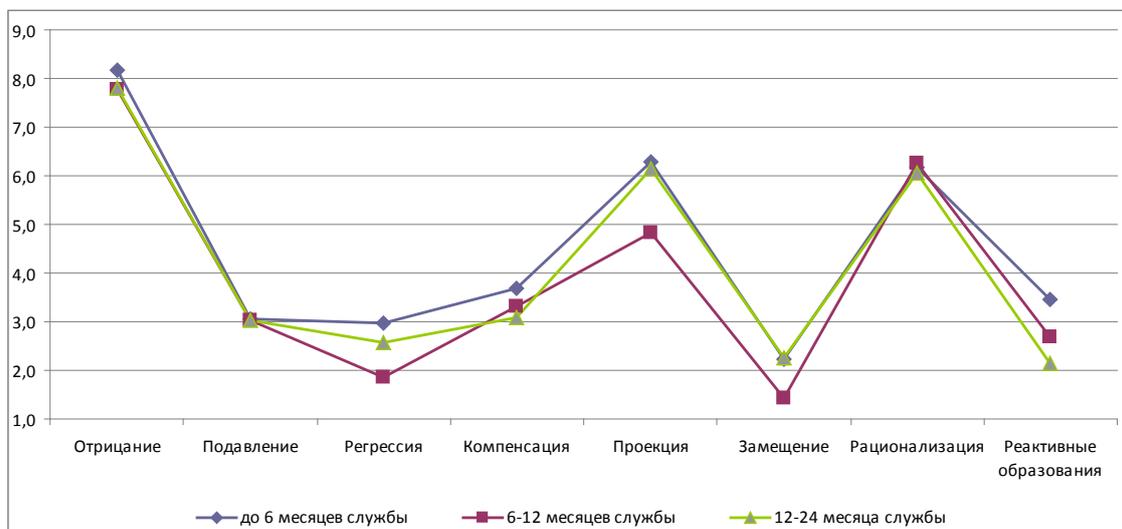

Рис. 4. Средние показатели по шкалам теста LSI (психологические защиты) в разных группах испытуемых

На рис. 4 приведены средние показатели различных психологических защит по методике Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конта. Первое, что обращает на себя внимание, это более высокий уровень такой примитивной защиты, как регрессия, у сотрудников второго года службы ($p \leq 0,0108$). Следует отметить, что регрессия может вести к негативным отклонениям поведения, например злоупотреблению алкоголем, уходу в иллюзорный мир и др. Характерно и то, что снижение регрессии происходит во втором полугодии службы, а на втором году опять повышается. Аналогичная картина складывается и с такими защитами, как замещение (перенос) ($p \leq 0,0078$) и проекция ($p \leq 0,0165$). Сотрудник второго года службы больше проецирует свои проблемы на обстоятельства и других, переносит негативные переживания на других людей (подчиненных). Еще раз отметим, что все изменения психодинамики глубинных личностных структур происходят в весьма краткие сроки (от 9 до 15 месяцев службы).

Относительно структуры межличностного общения сотрудников ФСИН России в процессе профессиональной адаптации (рис. 5) следует отметить, что количество выявленных статистически значимых различий не велико. Так, отсутствуют какие бы то ни было различия показателей включения в общение, стремления контроля над собой в общении (Cw) и стремления вызвать аффективную реакцию у партнеров по общению (Aw). Существенные изменения касаются лишь уровня желания самому контролировать ситуацию общения (Ce) и аффективно вовлекаться в общение (Ae).

К концу первого года службы наблюдается существенно более высокий показатель желания самому контролировать ситуацию общения (Ce) ($p \leq 0,0056$). Однако на втором году службы этот показатель становится ниже. Аналогичная картина наблюдается и в отношении показателя собственной аффективности общения (Ae). Создается впечатление, что сотрудники второго года службы несколько охлаждаются к межличностному общению в коллективе.

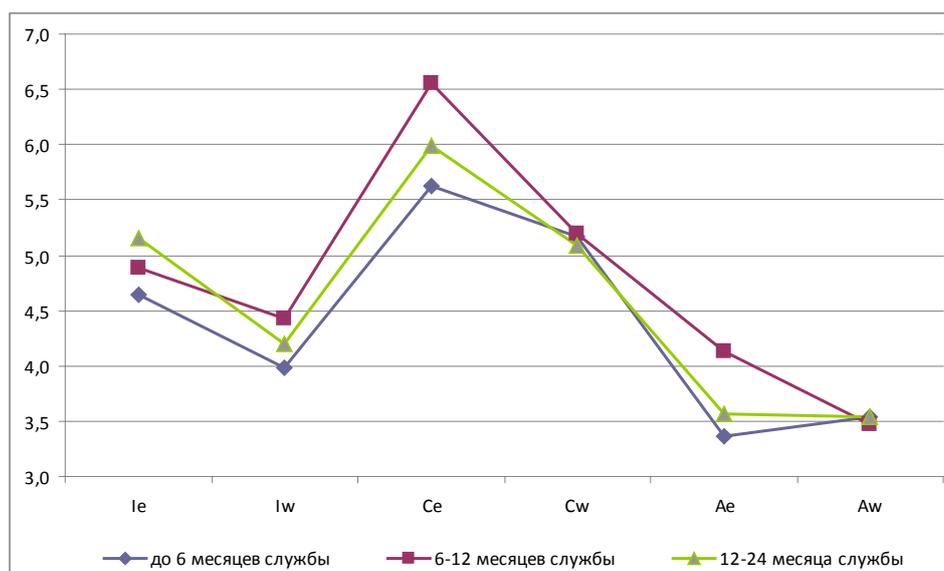

Рис. 5. Средние показатели по шкалам теста ОМО (метод исследования межличностных отношений Шутца в адаптации Рукавишниковой) в разных группах испытуемых

Таким образом, в процессе профессиональной адаптации к службе в учреждениях сотрудники ФСИН России проходят два главных этапа: 1) первичную (от 0 до 6 месяцев) и 2) вторичную адаптацию (от 12 до 24 месяцев службы). Эмпирические данные подтверждают существенное различие личностных и поведенческих показателей и их психодинамического взаимодействия. Первичная адаптация, которая заканчивается на 9–10 месяце службы, отличается пози-

тивным увеличением большинства показателей, связанных с личностным и карьерным ростом сотрудника.

В табл. 1 представлен факторный анализ всей выборки сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе. Защитно-устойчивый фактор аналогичен таковому по группе риска и его, видимо, можно считать общим для сотрудников в процессе адаптации. Это говорит о том, что защитная сфера играет существен-

ную роль на обоих этапах, однако степень ее влияния в общей группе по другим факторам гораздо ниже, чем в группе риска. Важным моментом также является то, что

в этот фактор с положительными весами входят такие показатели самоотношения, как внутренняя конфликтность и самообвинение.

Таблица 1

Факторная структура личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации

	Защитно-устойчивый	Самоуважение	Аффективность	Конформность	Манипулятивный
Отрицание	-0,241128	0,498579	0,042070	<i>0,478181</i>	-0,008278
Подавление	0,115181	-0,123921	-0,029416	0,027213	0,585215
Регрессия	0,709720	-0,135299	0,113378	0,326110	-0,021661
Компенсация	0,434208	0,423030	0,189200	0,295738	0,054814
Проекция	0,511327	0,341305	-0,309187	0,066262	0,115587
Замещение	0,654836	-0,357183	0,091583	0,085992	0,093240
Рационализация	0,092657	0,499085	0,020309	-0,002302	0,278833
Реактивные образования	0,207764	0,206957	-0,100039	0,675657	-0,051816
Открытость	-0,086789	0,844808	0,072962	-0,044496	-0,192834
Самоуверенность	-0,296469	0,682890	0,005986	0,066565	-0,111812
Саморуководство	-0,086789	0,844808	0,072962	-0,044496	-0,192834
Отраженное самоотношение	-0,342712	<i>0,414485</i>	0,173857	0,073150	-0,274647
Самоценность	-0,283412	0,680510	0,032565	0,330738	-0,036628
Самопринятие	0,203827	0,643340	-0,081239	-0,085827	0,011730
Самопривязанность	-0,156553	0,672222	0,128339	-0,102046	0,084966
Внутренняя конфликтность	0,795896	-0,156987	0,099322	0,021162	0,113215
Самообвинение	0,691043	0,038716	0,066704	0,020921	0,030509
Шкала достоверности	-0,493440	-0,157251	0,250229	0,263889	0,218830
Нервно-психическая устойчивость	-0,642288	0,480762	-0,121536	-0,039317	-0,422222
Морально-нравственная нормативность	-0,218782	-0,154017	0,195953	0,519678	-0,611904
Коммуникативный потенциал	-0,624302	0,251979	-0,012567	0,202402	-0,445538
Личностный потенциал социально-психологической адаптации	-0,664811	0,368346	-0,044557	0,142740	-0,549280
ВКЛЮЧЕНИЕ (выраженное поведение)	0,322203	0,037002	0,671951	0,130838	0,049654
ВКЛЮЧЕНИЕ (требуемое поведение)	0,016218	0,199510	0,714681	0,069767	0,220388
КОНТРОЛЬ (выраженное поведение)	-0,031117	0,110490	0,319415	0,152983	0,583627
КОНТРОЛЬ (требуемое поведение)	0,080796	-0,189033	-0,005386	0,614762	0,077028
АФФЕКТ (выраженное поведение)	-0,053490	-0,005784	0,716860	-0,024715	0,028421
АФФЕКТ (требуемое поведение)	0,061415	0,054550	0,703893	-0,304885	-0,328360

Примечание: полужирным курсивом выделены показатели, статистически значимо нагружающие фактор.

Второй фактор (самоуважение) включает в себя с высокими нагрузками такие свойства, как открытость, самоуверенность, саморуководство, самоценность, самопринятие, самопривязанность. С меньшей значимостью к этому фактору тяготеет отраженное самоотношение.

Третий фактор (аффективность) отражает характеристики включения в общение и аффективность общения. Более общей характеристикой здесь является аффективность.

Четвертый фактор (конформность) включает такие свойства, как психологическая

защита, реактивные образования и требуемый контроль, то есть желание сотрудника, чтобы его общение контролировали. Несколько менее значимы психологическая защита и отрицание. Такие сотрудники хотят, чтобы их контролировали, их реактивное образование очень простое – «приказы не обсуждаются, а выполняются», а в случае сложных ситуаций срабатывает отрицание – «это не я сделал».

Наконец, пятый фактор содержит в себе с высокими нагрузками такие свойства, как психологическая защита, подавление

и желание самому контролировать общение (со знаком «+»), а также морально-нравственная нормативность и личностный потенциал (со знаком «-»). Также с более низкими весами примыкают (со знаком «-») нервно-психическая устойчивость и ком-

муникативный потенциал. Этот фактор мы назвали манипулятивным по его положительному полюсу. Противоположностью манипулятивности по этому фактору выступает морально-нравственная устойчивость и коммуникативный потенциал.

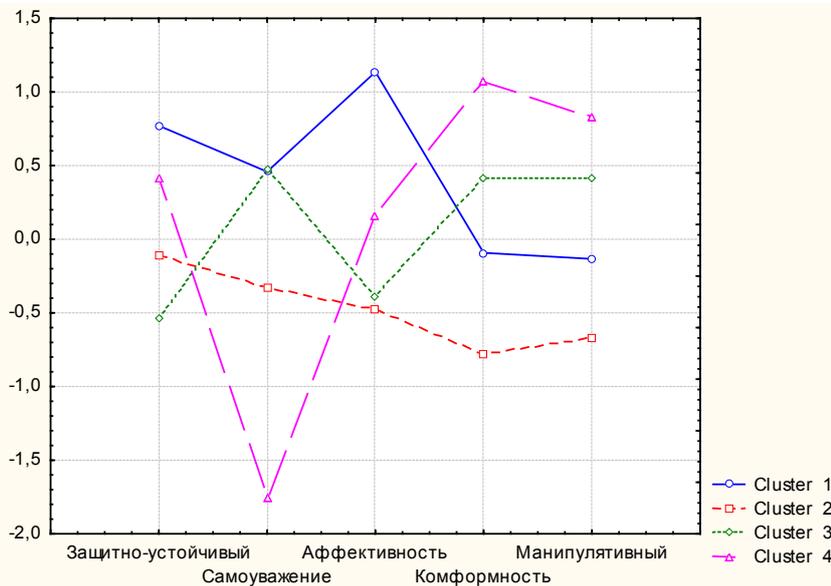

Рис. 6. Кластерная психодинамическая типология личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации

Обратимся к построению психодинамической типологии испытуемых сотрудников в процессе профессиональной адаптации.

Посредством кластеризации факторного решения, представленного в табл. 1, было определено четыре кластера (рис. 6).

Первый кластер показывает высокие оценки по первому фактору, что говорит о преобладании у сотрудников защитного поведения и наличии связанного с ним внутреннего конфликта. Нервно-психическая устойчивость, коммуникативный и личностный потенциал находятся на низком уровне. Также характерны высокая аффективность и несколько сниженные конформность и манипулятивность. Психодинамический тип, соответствующий этому кластеру, мы определили как защитно-аффективный.

Второй кластер по первому фактору уже лежит в зоне нервно-психической устойчивости и личностного потенциала. У сотрудников отмечаются сниженное самоуважение, низкая аффективность, конформность

и манипулятивность. Это отстраненный психодинамический тип.

Представители третьего кластера отличаются высокой нервно-психической устойчивостью, личностным потенциалом, а также низкой аффективностью, высокими конформностью (подчиненностью) и манипулятивностью. Это карьерно-ориентированный психодинамический тип, который мы определили как подчиненный.

Наконец, четвертый кластер объединяет сотрудников скорее защитного, чем устойчивого поведения, с заниженным самоуважением, средней аффективностью и высокими показателями конформности (подчиненности) и манипулятивности. Это тоже карьерно-ориентированный тип (манипулятор, приспособленец).

В табл. 2 представлено процентное соотношение респондентов в разных кластерах. Более 60% вновь поступивших на службу находятся в кластерах «отстраненный» и «подчиненный». Можно предположить, что это две основные стратегии адаптации к службе в первые полгода.

Процентные соотношения по группам испытуемых в разных кластерах

Срок службы	Кластер			
	Защитно-аффективный	Отстраненный	Подчиненный	Приспособленец
0–6 месяцев	21%	30%	31%	18%
6–12 месяцев	19%	24%	43%	14%
12–24 месяца	27%	38%	27%	8%
Группа риска	27%	28%	45%	0%

К концу первого года службы тех, кто стремится подчиняться и, вероятно, делать карьеру, становится больше (43%). Однако на втором году службы вновь растет процент «отстраненных», что согласуется с нашей концепцией второго периода реадаптации, сопряженной с глубинным личностным кризисом.

Большинство сотрудников группы риска также стремятся к подчинению (и карьерному росту). Характерно, что в данной группе полностью отсутствуют представители психодинамического типа «приспособленец».

Таким образом, психодинамическая типология сотрудников в процессе профессиональной адаптации включает четыре типа: защитно-аффективный, отстраненный, подчиненный (конформный) и приспособленец

(манипулятор), которые можно рассматривать как относительно долговременную психодинамическую стратегию приспособления сотрудника к условиям службы. Также следует отметить, что вторичная адаптация сотрудника относится ко второму году службы и носит глубинный характер перестройки всей личностной психодинамики как основного адаптивного механизма поведения личности к условиям жизнедеятельности. В этот период большинство показателей, которые можно было бы связать с личностно-карьерным ростом сотрудника, снижаются до уровня первых месяцев поступления на службу, а иногда и ниже. Однако самым важным является изменение всей структуры самоотношения, что свидетельствует именно о личностных трансформациях на этом этапе службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См. подр.: Кряклин К.В. К вопросу об актуальности изучения психодинамики личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе в УИС // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 76–79.

³ См. подр.: Он же. Отношение сотрудников ФСИН России к служебной деятельности на различных этапах профессиональной адаптации // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 54–65.

⁴ См.: Пантелеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М., 1993.

¹ См.: Распоряжение Правитель'sтва Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O koncepcii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² См. подр.: Krjaklin K.V. K voprosu ob aktual'nosti izuchenija psihodinamiki lichnosti sotrudnikov v processe professional'noj adaptacii k sluzhbe v UIS // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2012. № 4. S. 76–79.

³ См. подр.: On zhe. Otnoshenie sotrudnikov FSIN Rossii k sluzhebnoj dejatel'nosti na razlichnyh jetapah professional'noj adaptacii // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 2. S. 54–65.

⁴ См.: Panteleev S.R. Metodika issledovanija samootnoshenija. M., 1993.

УДК 159.9:343.8

Проблемы формирования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы

С.В. ГОРНОСТАЕВ – докторант Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматривается служебная лояльность как отношение к служебному долгу, системе обязательств, связанных со служебным статусом, описываются ключевые проблемы и возможные направления ее целенаправленного формирования у сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: служебная лояльность; служебный долг; служебный статус; государственные служащие; сотрудники правоохранительных органов.

The problems of formation of official loyalty of penal staff officers

S.V. GORNOSTAEV – Doctoral student of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor

The article gives an approach to understanding of the phenomenon of official loyalty as characteristics of the person and behaviour of federal employees. There are described the key problems and the possible directions of purposeful formation of official loyalty of penal staff officers. Official loyalty is considered as the attitude to an official duty, as to system of the obligations connected with the official status

Key words: official loyalty; official duty; official status; federal employees; penal staff officers.

Одним из направлений подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы является формирование у них служебной лояльности.

Несмотря на попытки ряда авторов (А.В. Оболонский¹, М.В. Педыч², В.Е. Чиркин³) использовать термин «служебная лояльность» в контексте требований к государственным служащим, теоретическая неразработанность этого понятия долго не позволяла ставить и решать прикладные задачи в сфере государственной службы.

Тем не менее с учетом опыта рассмотрения более широкой проблемы лояльности государственных служащих (В.Е. Гимпельсон, Н.М. Казанцев, В.С. Магун, В.П. Мельников, Г.А. Монусова, В.А. Сологуб, В.В. Черепанов, Al Jarradi Kh., S. Ansari, P. Bowal, A. Breton, T.D. Brierton, C. Campbell, Ch. Chung-Min, G. de Graaf, M.C. de Lemos, D.M. Emerson, M.M. Golden, W. Gould, T.I. Helfeld, L.A. Johnagin, M. Kasi ski, N. Landuyt, S. Maynard-Moody, A.M. Mentzelopoulos, D.P. Moynihan, M. Musheno, Jr. H.W. Perry, T.C. Sherman, M. Szerer, P. Urbanitsch, J. Wa-

terford, S.H. Wellisz, R. Wintrobe и др.) задачи формирования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы могут быть в перспективе решены.

Под служебной лояльностью нами понимается: 1) характеристика служебного поведения, отражающая фактическое исполнение служащим правовых и моральных обязательств, связанных с его статусом (госслужащий, сотрудник правоохранительных органов, сотрудник ФСИН России, лицо, занимающее конкретную должность), то есть исполнение служебного долга; 2) комплексная личностная характеристика, детерминирующая исполнение этих обязательств, включающая знание и понимание содержания служебного долга и способов его исполнения, а также эмоциональное отношение к служебному долгу в целом и отдельным обязательствам в частности и мотивационно-волевою готовность к их практической реализации.

Одной из причин низкой служебной лояльности является ее неразвитость как личностной характеристики. Речь идет о

недостаточной сформированности или деформации каких-либо личностных компонентов служебной лояльности. Например, служащий может быть слабо осведомлен обо всех своих обязанностях, связанных со служебным статусом (включающим в себя правовой статус государственного служащего, сотрудника правоохранительных органов, сотрудника уголовно-исполнительной системы и должностного лица), иметь о своих служебных обязательствах искаженное представление, не владеть оптимальными и законными методами реализации отдельных обязательств; в связи с негативным жизненным опытом, личностными установками или, например, эмоциональным выгоранием негативно относиться к необходимости исполнения служебного долга в целом или к отдельным обязательствам. Также в структуре мотивации служащего могут доминировать мотивы и ценности, не совместимые с качественным исполнением служебного долга. Или же мотивация недостаточна для того, чтобы в ситуации столкновения с объективными или субъективными препятствиями на пути выполнения служебного долга сотрудник продолжал стремиться к его выполнению за счет подключения волевых усилий.

Как отмечает Н.В. Антонова⁴, лояльное поведение зависит не только от лояльного отношения, но и ситуационных факторов. Даже при достаточно развитой служебной лояльности как личностной характеристике государственного служащего организационно-правовая ситуация, в которой он вынужден действовать, способна снижать проявление лояльности в служебном поведении, приводить к нарушению законности, несправедливым, необоснованным и нецелесообразным служебным действиям, влияющим на эффективность деятельности государственных органов и их авторитет у населения. Необходимость противодействия неблагоприятным ситуационным факторам повышает значимость целенаправленного формирования личностных предпосылок служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Исходя из изложенного выше понимания служебной лояльности, ее формирование у сотрудников уголовно-исполнительной системы включает:

1) усвоение знаний о служебном статусе и правовом положении, а также системе обязательств, которые сотрудник должен принять к исполнению, вступая в должность, иерархическом соотношении и способах

реализации этих обязательств в конкретных ситуациях, соотношении служебных и иных социальных и личных обязательств служащего и их приоритетности в различных ситуациях;

2) осознание необходимости и целесообразности исполнения служебных обязательств, внутреннее согласие с ними, позитивное отношение к исполнению отдельных обязательств и служебного долга в целом;

3) выработку умений и навыков практического исполнения служебного долга, правильно оценивать ситуацию и принимать решение, соответствующее требованиям служебного долга, преодолевать психологическое давление и противодействие, мотивировать себя к исполнению служебного долга, несмотря на возможные риски и текущие неудачи.

Основные сложности в формировании служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы связаны прежде всего с отсутствием в документах, регламентирующих статус и деятельность государственных служащих, системного, четкого и однозначного описания содержания служебного долга, соотношения его отдельных компонентов, форм и условий выполнения в противоречивых ситуациях практической деятельности. Моральные ориентиры зачастую расплывчаты, их выполнение не носит обязательного характера. Поэтому вопрос формирования служебной лояльности – это не просто вопрос изучения основных обязанностей, присущих сотруднику как госслужащему, как сотруднику правоохранительных органов, как сотруднику конкретного ведомства и как лицу, занимающему конкретную должность, но и вопрос о соотношении этих обязанностей между собой, их приоритетности, условиях и формах их реализации и границах индивидуального усмотрения при исполнении. Без наполнения этих вопросов конкретным содержанием формирование системного представления о служебном долге невозможно.

Важно учитывать объективные недостатки в нормативном и организационном регулировании деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, не игнорируя их, а напротив, включая в систему воспитания сотрудников, предлагая реалистичные способы принятия решений в неоднозначных ситуациях практической деятельности.

Задачу формирования представлений о служебном долге осложняет также малоиз-

ученный вопрос соотношения служебных обязанностей с иными, выполняемыми сотрудником в связи с наличием у него других социальных ролей, личных убеждений и социальных установок групп, представителем которых он является (социально-демографических, религиозных и т.д.).

Значительной проблемой при формировании служебной лояльности в ходе профессиональной подготовки является сложность ее диагностики в связи с отсутствием четких критериев оценки, так как служебная лояльность, понимаемая как отношение, включает в себя скрытые для непосредственного наблюдения личностные компоненты, которые не имеют прямой связи со служебным поведением.

Законное и этическое служебное поведение может быть вызвано не знанием обязанностей и позитивным отношением к выполнению служебного долга, а простым подражанием коллегам под угрозой наказания или эмоционального давления. И напротив, служебное поведение, кажущееся незаконным или нецелесообразным, может быть обусловлено глубоким знанием особенностей служебной ситуации и нормативной регламентации ее разрешения, стремлением выполнить служебные обязанности наилучшим образом.

К сложностям формирования служебной лояльности можно отнести и невозможность учета всего разнообразия жизненных ситуаций и полной алгоритмизации служебных решений и действий. Поэтому служебную лояльность нельзя сформировать только в ходе профессиональной подготовки. Можно лишь заложить ее основы и личностные предпосылки, которые могут в какой-то мере реализоваться на практике. В окончательном виде служебная лояльность формируется лишь опытным путем – путем разрешения субъективно неоднозначных ситуаций, многократного получения обратной связи о результате своих действий и формирования на этой основе индивидуальных прагматических суждений, способствующих принятию решений в противоречивых ситуациях служебной деятельности.

Распространенной проблемой на эмпирическом этапе формирования служебной лояльности является несоответствие личного потенциала (аналитические и прогностические способности, эмоционально-волевые характеристики личности) сотрудника уровню сложности задач и ситуаций, с которыми приходится сталкиваться в оперативно-служебной деятельности. Таким образом, успешное формирование служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы требует и учета их индивидуальных особенностей.

Важно понимать, что служебная лояльность на различных уровнях ее развития может быть сформирована на основе различных механизмов. Как следует из теории побочных интересов (side bet) Говарда Бекера⁵, служебную лояльность в поведении на уровне соблюдения внешних требований, коими являются требования закона, можно создать, используя существующие у сотрудника ценности и мотивы, увязывая их с различными ситуациями служебной деятельности. Формирование же служебного поведения, соответствующего не только правовым, но и моральным нормам, исходя из положений теории лояльности Джозайи Ройса⁶, невозможно без наличия у служащих соответствующих базовых личных ценностей, в рамках которых интегрировались бы морально-этические и правовые требования к служебной деятельности.

Различия в механизмах, описанных выше, указывают на возможность поэтапного формирования служебной лояльности, начиная с правомерного (не противоречащего требованиям законодательства) служебного поведения, постепенно переходя к должному (не только правомерному, но и целесообразному, обоснованному, справедливому) служебному поведению.

Однако, по нашему мнению, формирование должного поведения возможно лишь при достижении определенного уровня личностного развития сотрудника, в то время как формирование правомерного служебного поведения является целью, достижимой в отношении практически каждого сотрудника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Оболюнский А.В. Реформа российской государственной службы: концепция и стратегия // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 5–15.

² См.: Педыч М.В. Корпоративная культура современной бюрократии и служебная лояльность // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 5 (43). С. 234–240.

⁵ См.: Obolonskij A.V. Reforma rossijskoj gosudarstvennoj sluzhby: koncepcija i strategija // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. 1998. № 3. S. 5–15.

⁶ См.: Pedych M.V. Korporativnaja kul'tura sovremennoj bjurokratii i sluzhebnaia lojal'nost' // Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2011. № 5 (43). S. 234–240.

³ См.: Чиркин В.Е. Конституционное право: курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М., 2013.

⁴ См.: Антонова Н.В. Внутренний имидж организации и лояльность сотрудников // Психология общения и доверия: теория и практика: Сб. материалов междунар. конф. (МГУ, 6–7 ноября 2014 г.) / Под ред. Т.П. Скрипкиной. М., 2014. С. 502–506.

⁵ См.: Becker H.S. Notes on the Concept of Commitment // American Journal of Sociology. 1960. № 66. P. 32–40.

⁶ См.: Royce J. The Philosophy of Loyalty. N.-Y., 1914.

³ Sm.: Chirkin V.E. Konstitucionnoe pravo: kurs dlja prepodavatelej, aspirantov i magistrantov. M., 2013.

⁴ Sm.: Antonova N.V. Vnutrennij imidzh organizacii i lojal'nost' sotrudnikov // Psihologija obshhenija i doverija: teorija i praktika: Sb. materialov mezhdunar. konf. (MGU, 6–7 nojabrja 2014 g.) / Pod red. T.P. Skripkinoj. M., 2014. S. 502–506.

⁵ Sm.: Becker H.S. Notes on the Concept of Commitment // American Journal of Sociology. 1960. № 66. P. 32–40.

⁶ Sm.: Royce J. The Philosophy of Loyalty. N.-Y., 1914.

УДК 343.95:343.8(476)

Психологические особенности правосознания осужденных к пожизненному заключению

В.Г. СТУКАНОВ – докторант Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования психологических особенностей правосознания осужденных к пожизненному заключению, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь.

Ключевые слова: правосознание; социально-правовое поведение; дефекты правосознания.

Psychological features of legal consciousness of Prisoners serving life sentences

V.G. STUKANOV – Doctoral student of the Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus, Ph.D. in Psychology, Associate Professor

The article deals with the results of empirical research of psychological features of legal consciousness of prisoners serving life sentences, serving a sentence in the institutions of penal system of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus.

Key words: legal consciousness; social and legal behavior; defects of justice.

Правосознание – это система психологических свойств личности, реализующаяся в ее когнитивной и чувственно-эмоциональной сфере, детерминирующая субъективное отражение правовой действительности и социально-правовое поведение человека. Важнейшей функцией правосознания выступает детерминация юридически значимого поведения индивида. Основываясь на результатах философских, криминологических и психологических исследований данного феномена, мы выделили следующие базовые структурные компоненты правосознания, существенно влияющие на характеристику социально-правового поведения: отношение к закону, социаль-

но-правовые представления (о законопослушном человеке и преступнике, их образе жизни, отношении к правоохраняемым социальным ценностям, правовая самооценка и т.д.), отношение к правоохранительным органам и их деятельности, социально-правовые ожидания. Мы не включили в данный перечень такой элемент правосознания, как уровень правовой подготовленности, так как исследования А.И. Долговой, А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой, А.М. Столяренко, а также зарубежных авторов свидетельствуют о том, что данный уровень существенно не влияет на направленность социально-правового поведения человека¹.

Процесс исполнения наказания в виде пожизненного заключения отличается определенной спецификой и не предусматривает достижение цели исправления данной категории осужденных. Вместе с тем Уголовный кодекс Республики Беларусь в ч. 4 ст. 58 определяет, что по отбытии 20 лет лицам, осужденным к пожизненному заключению, суд может заменить дальнейшее отбывание наказания лишением свободы на срок не свыше пяти лет. Таким образом, теоретически каждый осужденный к пожизненному заключению может быть досрочно освобожден. Поэтому процесс отбывания данного вида наказания необходимо организовывать так, чтобы реализовывались исправительные задачи по формированию готовности вести правопослушный образ жизни после освобождения. В связи с этим изучение психологических особенностей правосознания данной категории осужденных приобретает особую актуальность.

Эмпирическим исследованием, целью которого стало выявление психологических особенностей правосознания, его дефектов, мы охватили большинство осужденных, отбывающих пожизненное наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь. Использовались следующие методы: изучение личных дел осужденных (100%); опрос посредством авторской анкеты и метод ассоциаций (N – 76 или более 50% осужденных); анализ экспертных оценок; беседа.

Результаты исследования позволили составить психологический портрет осужденных к пожизненному заключению. Средний возраст преступников 34 года, большинство (81%) имеют неполное среднее либо среднее образование, ранее неоднократно судимы (70%), осуждены за умышленные убийства с отягчающими обстоятельствами (разбоем (36%), хищением (25%), изнасилованием (11%), бандитизмом (5%) и др.), склонны к злоупотреблению алкоголем. Осужденные к пожизненному заключению ориентированы прежде всего на получение личной выгоды, отличаются жестокостью, садистскими наклонностями, неспособностью к сопереживанию, эмоциональной холодностью, эгоцентризмом. Так, например, осужденный к пожизненному заключению С., 1965 года рождения, ранее дважды судимый, осужден за убийство родителей с особой жестокостью (находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес матери 55 ударов, а отцу – 45 ударов деревянным сту-

лом и скамейкой, а затем кухонным ножом матери – 2 удара, отцу – 3).

Почти 70% респондентов состоят на профилактическом учете как склонные к побегу, суициду, имеющие психические отклонения и соматические заболевания. Уровень интеллекта ниже среднего. Характерными чертами являются низкий уровень субъективного контроля поведения, стремление избежать ответственности. Все осужденные желают досрочного освобождения, для большинства это единственная жизненная перспектива, в которую они верят. Стремятся поддерживать эмоционально позитивные отношения с близкими родственниками. Около половины (40%) осужденных считают пожизненное заключение менее гуманным наказанием, чем смертная казнь. Условия строгой камерной изоляции, эмоциональная и психофизиологическая депривация обуславливают невротизацию личности, продуцируют состояние внутреннего напряжения и сверхвысокую конфликтность (73%).

Осужденные к пожизненному заключению, в отличие от других категорий осужденных (к лишению, ограничению свободы, аресту), а также правопослушных граждан, стремятся давать на вопросы социально одобряемые ответы, чтобы казаться себе или другим более социально привлекательными. Так, при изучении отношения к закону большинство осужденных указывали, что «закон – это правила, которые нельзя нарушать» (78,9%), «закон равен для всех» (76,3%). При этом подчеркивали, что закон нужно исполнять при любых обстоятельствах, даже если он несправедлив (71,1% полностью либо частично согласен) или за его нарушение ничего не будет (76,3%). Результаты исследования с помощью метода ассоциаций также показали, что большинство реакций (63,3%) на стимульное слово «закон» носят положительный характер (безопасность, Библия, власть, доверие, защита, ответственность и др.), 20% – отрицательный (досада, грусть, отвращение, лицемерие, прокурор Снегирь, слепая баба с весами и др.) и 15,7% – нейтральный (кодекс, УИК, УПК, рамки, запреты и др.).

Установлены существенные отличия в социально-правовых представлениях осужденных к пожизненному заключению в сравнении с другими категориями осужденных и правопослушными гражданами. Так, 67,1% считают, что в обществе совершается много преступлений (56,2% других категорий осужденных и 55,8% правопослушных гражд-

дан). При этом осужденных воспринимают большинство членов общества как правонарушителей, которые достигают успеха в жизни, нарушая закон; 45% считают, что любой человек ради материальной выгоды может совершить преступление.

Вместе с тем социально-правовые представления носят противоречивый характер. Так, воспринимая большинство членов общества как потенциальных преступников, 61,9% осужденных полагают, что человек может быть счастлив только тогда, когда не нарушает закон. Доминирующие представления о способах решения жизненных проблем также носят неоднозначный характер. Так, с одной стороны, у осужденных к пожизненному заключению выявлены представления о преобладании правомерного способа достижения материального благополучия (44,7%), проведения досуга и свободного времени (73,7%), решения проблем, возникающих во взаимоотношениях с другими людьми (48,7%). С другой стороны, две трети осужденных выражают убеждение в существовании больших противоправных возможностей и способов для удовлетворения материальных потребностей (73,7%), для того чтобы «хорошо отдохнуть» (65,8%), «решить проблемы, возникающие в отношениях с другими людьми (оскорбления, невозврат долга, измена, предательство и т.д.)» (74,2%).

В ходе исследования было выявлено, что правовая самооценка осужденных носит неадекватный, искаженный характер. Так, 65,8% сожалеют о совершенном преступлении, раскаиваются, но лишь 26,3% принимают всю вину в совершенном преступлении на себя, более трети либо отрицают вину, либо считают, что во всем виноваты обстоятельства. Дополнительные исследования (с помощью методов беседы, экспертных оценок) показали, что осужденные демонстрируют раскаяние с целью получения сочувствия и снисхождения, возможности перевода в обычные жилые помещения, применения гуманных актов помилования, амнистии, досрочного освобождения и т.д. Признавая личную ответственность за совершенные убийства (57,9%), считают назначенную меру наказания несправедливой, с необоснованно большим сроком наказания (около 40%).

Были изучены представления респондентов о вероятности совершения в будущем преступления и привлечения к уголовной ответственности. Значительная часть осужденных уверена, что в будущем не совершит уголовно наказуемых деяний (40%)

и соответственно никогда не будет наказана. Данное утверждение основывается на представлениях о хорошей личной правовой подготовке, достаточном знании требований законов (более половины), а также убеждении, что по своим личным качествам они могут жить, не нарушая закон (44,7%). Для сравнения – лишь 17,1% осужденных к лишению свободы и 6,1% осужденных к аресту выражают уверенность в беспрепятственном в уголовном отношении будущем.

Социально-правовые ожидания осужденных носят противоречивый характер. С одной стороны, большинство респондентов указывают на отрицательные последствия совершения преступного деяния (52,6%), с другой – выражают уверенность, что «очень много преступников остаются безнаказанными» (63,2% полностью либо частично согласны), считают, что определенные жизненные проблемы невозможно решить, не нарушая закон (72,4%).

Результаты исследования свидетельствуют, что отношение осужденных к правоохранительным органам и их деятельности в целом отрицательное. Однако к милиции более благосклонное и уважительное, чем у других категорий уголовно наказанных и даже законопослушных граждан.

Оценивая личностные качества сотрудников милиции, респонденты, как правило, указывали на их враждебность, грубость, некомпетентность, нечестность. У большинства опрошенных сформирован стереотип о коррумпированности представителей правоохранительных органов. Лишь 18,4% доверяют милиции и 17,1% – суду.

Результаты исследования с помощью метода ассоциаций свидетельствуют, что у осужденных доминируют отрицательные реакции на стимульный материал «милиция» (42,5%) и «суд» (44%), связанные в основном с нарушением законности (беззаконие, беспредел, болят почки, майор Евсюков и т.д.), коррупцией (взяточники, блат, деньги, подкуп и т.д.) и личностными характеристиками представителей власти (бездельники, хамло, некомпетентные и т.д.).

Таким образом, правосознание осужденных к пожизненному заключению характеризуется следующими психологическими особенностями (дефектами):

1. При субъективном отражении правовой действительности стремление казаться себе и другим более социально привлекательными, подчеркивание необходимости соблюдения правовых предписаний при любых обстоятельствах.

2. Противоречивый характер социально-правовых представлений (убежденность в высоком уровне преступности в обществе и восприятие значительной части общества как субъектов преступления).

3. Наличие представлений о правомерных возможностях удовлетворения материальных, досуговых, коммуникативных и прочих потребностей, но при этом высокая субъективная значимость преступных способов (как более быстрых и доступных) их удовлетворения.

4. Неадекватность правовой самооценки. Сожаление о совершенном преступлении,

раскаяние, но при этом объяснение причин своего поведения внешними обстоятельствами. Раскаяние с целью получения сочувствия, снисхождения и личной выгоды.

5. Ориентированность социально-правовых ожиданий на избегание уголовной ответственности. Представления о недопустимости в будущем уголовно наказуемых деяний, убежденность в невысокой вероятности наступления негативных последствий при совершении преступных деяний.

6. Отрицательное отношение к правоохранительным органам и их деятельности в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Долгова А.И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д. Бойкова и др. М., 1974. С. 197–206; Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. М., 1977. С. 201–214; Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступность молодежи. М., 1976. С. 86, 95–97; Столяренко А.М. Правовая психология личности // Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2003. С. 58.

¹ См.: Dolgova A.I. Izuchenie pravovogo soznaniya nesovershennoletnih // Pravovaja kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya / Pod red. A.D. Bojkova i dr. M., 1974. S. 197–206; Ratinov A.R. Struktura pravosoznaniya i nekotorye metody ego issledovanija // Metodologija i metody social'noj psihologii. M., 1977. S. 201–214; Efremova G.H., Ratinov A.R. Pravovaja psihologija i prestupnost' molodezhi. M., 1976. S. 86, 95–97; Stoljarenko A.M. Pravovaja psihologija lichnosti // Jenciklopedija juridicheskoj psihologii / Pod obshh. red. prof. A.M. Stoljarenko. M., 2003. S. 58.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 62-52:343.8

К вопросу о применении автоматизированных (роботизированных) систем охраны и ведения огня в обеспечении охраны учреждений уголовно-исполнительной системы

Е.Е. МАСЛЕННИКОВ – старший научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассмотрены аспекты, касающиеся инженерно-технического оснащения учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях, возможность применения автоматизированной (роботизированной) техники в обеспечении охраны пенитенциарных учреждений. Обозначены основные требования к применению систем охраны и ведения огня в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: инженерно-технические средства охраны и надзора; уголовно-исполнительная система; охраняемые объекты; зарубежный и отечественный опыт; системы охраны и ведения огня.

To the question of the application of automated (robotic) systems of security and firing in the security of the penal system institutions

E.E. MASLENNIKOV – Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law

The article discusses some aspects related to engineering and technical equipment of the institutions of the criminally-executive system in modern conditions. The possibility of the application of automated (robotic) techniques in providing the security of the penal system institutions are examined. The author outlines the main requirements to the application of systems of security and firing in the penal system of Russia.

Key words: engineering and technical means of security and supervision; criminally-executive system; protected objects; foreign and domestic experience; systems of security and firing.

В 2006 г. пользователи Интернета накануне «Прямой линии с Владимиром Путиным» задали Президенту вопрос: собирается ли Россия использовать для обороны своих рубежей боевых человекоподобных роботов?¹ В настоящее время наша страна заняла лидирующие позиции в мире в области новейших вооружений – боевых наземных роботов.

Рынок робототехники в России существует и развивается более 10 лет. Современные

разработки применяются в разных областях – от социально-бытовой до военно-технической как в штатных ситуациях, так и в экстремальных. Робототехническое оборудование используется при проведении аварийно-спасательных работ, в медицине, боевых действиях и антитеррористических операциях, разведке, охране, разминировании, обеспечивая высокую эффективность действий и максимальную безопасность

здоровья и жизни людей². Преимуществами данной техники над человеческими ресурсами являются: 1) неподверженность стрессовым явлениям, обусловленным непосредственной опасностью для жизни, усталостью, недостаточным уровнем обученности, дефицитом времени на принятие решений и исполнение действий; 2) уничтожение робота не способно взволновать общественное мнение.

Обеспечение надежной охраны и изоляции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, принято считать приоритетным направлением деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. Служба охраны, выполняющая эту функцию, обладает достаточно четкой системой управления и динамично развивается. Много положительного было сделано в последние годы – с момента приема учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы от внутренних войск Министерства внутренних дел функций охраны до настоящего времени. Тем не менее основы функционирования службы охраны не в полной мере отвечают современным требованиям, определенными ведомственными нормативными актами³. В частности, предусматриваются повышение надежности охраны пенитенциарных учреждений и их объектов, сокращение количества побегов, модернизация и оптимизация оснащения учреждений комплексами инженерно-технических средств охраны и надзора. Ужесточение требований к обеспечению режима отбывания наказания при ухудшении характеристик лиц, приговоренных к лишению свободы⁴, вызывает необходимость поиска инновационных путей обеспечения порядка и условий отбывания наказаний в виде изоляции от общества⁵, одним из которых может быть применение автоматизированной (роботизированной) техники.

В ходе реализации мероприятий, определенных концептуальными положениями развития охраны учреждений уголовно-исполнительной системы на период до 2020 г., проводятся работы по строительству и реконструкции основных и предупредительных ограждений охраняемых объектов, оборудованию учреждений современными интегрированными системами безопасности и т.п. Несмотря на достигнутые положительные результаты в данной области, в сфере применения инженерно-технических средств охраны и надзора существуют проблемы:

- медленные темпы поставки новых технических средств взамен устаревших, находящихся в эксплуатации;

- низкая эффективность применения технических средств из-за неудовлетворительного состояния инженерных заграждений и их низкой задерживающей способности;

- низкая эффективность применения средств видеонаблюдения из-за отсутствия научно обоснованной и четко сформулированной тактики;

- нехватка квалифицированных специалистов по эксплуатации и ремонту имеющихся технических средств, а также поступающей современной аппаратуры⁶.

ФСИН России проводится непрерывная работа по совершенствованию системы охраны пенитенциарных учреждений путем рационального использования личного состава подразделений охраны, совершенствования инженерно-технических средств на периметрах объектов. Исследуется зарубежный и отечественный опыт применения автоматизированных (роботизированных) систем охраны и ведения огня для рассмотрения возможности использования их на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы.

К числу зарубежных стран, лидирующих в разработке автоматизированных (роботизированных) систем охраны и ведения огня, необходимо отнести США, Израиль, Южную Корею и Великобританию. Некоторые системы прошли необходимые испытания и применяются в охране различных объектов (государственных границ, транспортных узлов, военных баз и т.д.). В то же время достаточно большое количество технических средств находится на стадии опытных образцов, а открытые данные о применении таких систем в обеспечении охраны пенитенциарных учреждений зарубежных стран отсутствуют.

Научно-исследовательским технологическим институтом «Прогресс» (Ижевск) в интересах вооруженных сил России создан новейший роботизированный комплекс «Платформа-М». Он представляет собой бронированного робота, управляемого дистанционно, который используется для ведения разведки, обнаружения и уничтожения стационарных и подвижных целей, огневой поддержки подразделений, патрулирования и охраны важных объектов. Комплекс может обеспечить ведение боевых действий в ночное время суток без демаскирующих факторов. «Платформа-М» разрабатывалась в

течение четырех лет, прошла необходимые испытания. Первые серийные образцы поступили в подразделения вооруженных сил.

Специалистами МГТУ им. Н.Э. Баумана создана боевая машина-робот МРК-27 – БТ. Она обладает стандартным вооружением. На нее установлены несколько камер, с помощью которых оператор может эффективно управлять огнем, находясь на расстоянии 200–500 м от машины, а также особые гусеницы, дающие хорошее сцепление с поверхностью земли, при этом отдача при стрельбе из пулемета гораздо ниже, чем у зарубежных аналогов⁷.

Компания «СМП Роботикс» (Зеленоград) занимается производством роботов-патрульных «Трал Патруль 3.1». Их автономная мобильная система слежения предназначена для патрулирования и охраны большой по площади территории и выявления посторонних движущихся объектов. Робот в состоянии перемещаться по заранее спланированному маршруту. Для контроля за окружающей обстановкой он оснащен обзорной и купольной камерами высокого разрешения. При обнаружении движущегося объекта он автоматически переключается в режим сопровождения цели и отправляет сигнал тревоги на центральный пост охраны. Когда на охраняемой территории применяются два или более роботов-патрульных, они могут обмениваться информацией о тревоге между собой. В этом случае в цепочку сопровождения подозрительного объекта включаются и другие роботы, находящиеся на траектории его движения⁸.

Вызывают интерес средства, ограничивающие подвижность живой силы и транспортных средств. Комплекс «Коба» – это автоматизированная артиллерийская система, которая стреляет специальными снарядами с сетью-путанкой, компактно уложенной в корпусе и раскрывающейся над целью на определенной высоте. В конструкции сети-путанки имеются самозатягивающиеся петли, которые крепко удерживают нарушителя. Комплекс снабжен встроенными прицельными приспособлениями, лазерным целеуказателем, автономным питанием, системой наведения и другими элементами, обеспечивающими высокоточную стрельбу.

Особый интерес среди средств, ограничивающих подвижность, представляют различные устройства, генерирующие пенно-вяжущие составы. На сегодняшний день имеются специальные средства, которые могут выстреливать лентами или жгутами липкой пены на расстояние до 30 м.

Автоматический заградитель «Гарпун» позволяет перекрыть дорогу перед транспортным средством специальной шипованной лентой, выстреливаемой под действием энергии монтажного патрона. При наезде на нее полые шипы, отделяясь, застревают в шинах, и обеспечивают быстрый выход воздуха из колес⁹.

Оснащение автоматизированной (роботизированной) техникой учреждений уголовно-исполнительной системы требует тщательных оценок. Затраты на роботизацию, обслуживание техники и обучение специалистов велики. Это является ограничением при решении вопроса об оснащении охраняемых объектов пенитенциарных учреждения системами охраны и ведения огня.

При оборудовании наблюдательных вышек автоматизированными (роботизированными) системами охраны и ведения огня необходимо учитывать конфигурацию объектов, так как большое количество учреждений расположены в городской черте, огневую мощность подобных систем, их скорострельность и поражающий фактор, а также вероятность нанесения физического ущерба гражданским лицам. Неправомерное применение данной техники может вызвать большой общественный резонанс. Следует принимать во внимание возможность нанесения ущерба системе и последующие затраты на ее восстановление.

Оснащение пенитенциарных учреждений автоматизированными (роботизированными) системами охраны и ведения огня предполагает внесение изменений в законодательные акты Российской Федерации, корректировку ведомственных нормативных актов, введение дополнительных должностей в группы инженерно-технического обеспечения, связи и вооружения.

Большое количество автоматизированных (роботизированных) систем охраны и ведения огня находится на стадии опытных образцов. Требуется дальнейшая их разработка и апробация. Применение систем ведения огня возможно лишь в пенитенциарных учреждениях с хорошо просматриваемыми подходами к границам постов, отсутствием построек, зданий и сооружений в радиусе действия данного оборудования (расположение вне населенных пунктов). Средства, ограничивающие подвижность живой силы и транспортных средств, результативно могут применяться на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы (например, на контрольно-пропускных пунктах).

В ближайшей перспективе следует ожидать активизации работы в этом направлении и появления новых систем, устройств и механизмов, основанных на разных физических принципах и имеющих разные тактико-технические характеристики. Внедрение современных отечественных разработок в

существующую систему охраны может повысить эффективность защиты охраняемого объекта, противодействия преступному поведению осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность учреждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Роботы на границе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/roboty-na-granice14-07-2010-11-14-00/> (дата обращения: 15.03.2015).

² См.: Военная и специальная робототехника для России [Электронный ресурс]. URL: <http://sa100.ru/robots2/manufacturer/Russia/Obzor/RusMan1.htm> (дата обращения: 15.03.2015).

³ См. подр.: Масленников Е.Е. Совершенствование организационных основ функционирования службы охраны территориального органа уголовно-исполнительной системы в условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 14–16.

⁴ См.: Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Исправление осужденных мужчин в процессе исполнения длительных сроков лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 8. С. 23–25.

⁵ См.: Смирнов А.М., Спасенников Б.А. Влияние длительной изоляции от общества на обеспечение режима отбывания наказания в местах лишения свободы // Там же. 2008. № 4. С. 28–30.

⁶ См.: Хабаров А.В. Организация и правовые основы деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в сфере инженерно-технического обеспечения безопасности осужденных и персонала: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012. С. 23.

⁷ См.: Россия стала лидером в области боевых роботов [Электронный ресурс]. URL: <http://zonatex.ru/blog/bot/1683.html> (дата обращения: 16.03.2015).

⁸ См.: Военная и специальная робототехника для России.

⁹ См.: Обзор технических средств активного противодействия вторжения на объекты различной категории [Электронный ресурс]. URL: <http://mx1.algoritm.org/arcy/?id=38&a=933> (дата обращения: 15.03.2015).

¹ См.: Роботы на границе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/roboty-na-granice14-07-2010-11-14-00/> (дата обращения: 15.03.2015).

² См.: Voennaja i special'naja robototehnika dlja Rossii [Электронный ресурс]. URL: <http://sa100.ru/robots2/manufacturer/Russia/Obzor/RusMan1.htm> (дата обращения: 15.03.2015).

³ См. подр.: Maslennikov E.E. Sovershenstvovanie organizacionnyh osnov funkcionirovanija sluzhby ohrany territorial'nogo organa ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v uslovijah realizacii Konceptii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2012. № 1. S. 14–16.

⁴ См.: Spasennikov B.A., Smirnov A.M. Ispravlenie osuzhdennyh mužhčin v processe ispolnenija dlitel'nyh rokov lishenija svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2009. № 8. S. 23–25.

⁵ См.: Smirnov A.M., Spasennikov B.A. Vlijanie dlitel'noj izoljacii ot obshhestva na obespechenie rezhima otbyvanija nakazanija v mestah lishenija svobody // Tam zhe. 2008. № 4. S. 28–30.

⁶ См.: Habarov A.V. Organizacija i pravovye osnovy dejatel'nosti organov i uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v sfere inzhenerno-tehnicheskogo obespechenija bezopasnosti osuzhdennyh i personala: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Pskov, 2012. S. 23.

⁷ См.: Rossija stala liderom v oblasti boevyh robotov [Электронный ресурс]. URL: <http://zonatex.ru/blog/bot/1683.html> (дата обращения: 16.03.2015).

⁸ См.: Voennaja i special'naja robototehnika dlja Rossii.

⁹ См.: Obzor tehniceskikh sredstv aktivnogo protivodejstvija vtorzhenija na ob#ekty razlichnoj kategorii [Электронный ресурс]. URL: <http://mx1.algoritm.org/arcy/?id=38&a=933> (дата обращения: 15.03.2015).

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК 378

Актуальные вопросы приема на обучение в образовательные организации высшего образования, подведомственные ФСИН России

С.В. ПЕРОВ – заместитель начальника отдела профессиональной подготовки управления кадров ФСИН России – начальник отделения профессионального образования, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются проблемы приема на обучение в образовательные организации высшего образования ФСИН России, анализируются положительные и отрицательные стороны различных подходов в его осуществлении.

Ключевые слова: высшее образование; прием на обучение; образовательные организации высшего образования.

Topical issues of admission to study in educational institutions of higher education of the Federal Penal Service of Russia

S.V. PEROV – Deputy Chief of the Department for professional Training of the Personnel Management Department of the Federal Penal Service of Russia Head of the Department of Vocational Education, PhD. in Law

The article deals with the problem of admission to educational institutions of higher education of the Federal Penal Service of Russia, analyzes the positive and negative aspects of various approaches to its implementation.

Key words: higher education; receive training; educational institutions of higher education.

Одной из актуальных проблем, стоящих сегодня перед системой высшего образования в Федеральной службе исполнения наказаний, является сокращение числа абитуриентов, что характерно не только для ведомственного, но и для всего высшего образования в стране, что подтверждает выступление президента Российского союза ректоров В.А. Садовниченко на пленарном заседании X Съезда Российского союза ректоров¹.

Влияние демографического фактора усиливается и из-за специфики приема на обучение в ведомственные вузы – повышенных

требований к состоянию здоровья кандидатов на обучение, обусловленных большими физическими и психическими нагрузками как во время нахождения в учебном заведении, так и в период службы в исправительных учреждениях после выпуска.

Следующая немаловажная отличительная черта организации приема на обучение в ведомственных вузах заключается в сложной процедуре отбора кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему. Она включает прохождение предварительного и окончательного медицинского освидетельствования, которое зачастую сопряжено с

выездами в удаленные от места жительства медицинские учреждения, сдачу нормативов по физической подготовке, психофизиологическое обследование с использованием полиграфа, специальную проверку на предмет связей с криминальными элементами, а также ряд других затратных по времени процедур.

Влияние демографической ситуации на комплектование ведомственных вузов связано с применяющимся сегодня традиционным подходом к организации приема на обучение. В частности, он основан на распределении целевых приемных мест между территориальными органами ФСИН России, на которые возложены задачи по подбору кандидатов. Удаленность территориальных органов от учебных заведений является существенным фактором, влияющим на количество абитуриентов, желающих поступать в ведомственные вузы.

Следовательно, применение традиционного подхода заслуживает научного анализа и оценки перспектив его развития в современных демографических условиях.

Распределение целевых приемных мест ежегодно закрепляется в плане комплектования кандидатами на обучение в образовательных организациях высшего образования, подведомственных ФСИН России, утверждаемом приказом ФСИН России.

Разработка указанного плана предполагает подготовку среднесрочного (4–5 лет) прогноза развития кадровой ситуации в территориальных органах ФСИН России, который составляется на основе статистических данных, результатов инспекторских и контрольных проверок территориальных органов. Прогнозирование осуществляется с учетом особенностей кадрового обеспечения деятельности не только уголовно-исполнительной системы в целом, но и ее отдельных служб и подразделений (оперативной, режимной, охраны и конвоирования, воспитательной и др.).

Среднестатистические показатели кадрового обеспечения деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы свидетельствуют о том, что количество ежегодно выпускаемых из ведомственных вузов курсантов значительно ниже потребностей практических органов в специалистах с высшим образованием. Так, по данным форм статистической отчетности К-1², в 2014 г. на должности среднего и старшего начальствующего состава было принято на службу 4847 чел., а выпуск из ведомственных вузов по очной форме об-

учения составил 1235 чел. Следовательно, ведомственные высшие учебные заведения обеспечивают лишь 25% кадровых потребностей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В идеале возможности ведомственных вузов должны в равной степени использоваться для решения кадровых проблем всех территориальных органов, а не только тех из них, которые расположены в непосредственной близости от учебных заведений. В связи с этим за основу расчета контрольных цифр приема для отдельно взятого территориального органа следует брать штатную численность должностей среднего и старшего начальствующего состава.

Следует отметить, что традиционный подход к организации приема на обучение в ведомственных высших учебных заведениях применяется уже достаточно давно не только во ФСИН России, но и в МВД России, что связано с рядом преимуществ, заслуживающих отдельного внимания.

Во-первых, к указанным преимуществам относится высокий показатель закрепляемости выпускников, которая во многом зависит от места проживания абитуриента до поступления в вуз. Если оно находится в удобной транспортной доступности от места службы после выпуска, снижается влияние на закрепляемость такого негативного фактора, как отсутствие жилья. Очевидно, существенными факторами оказываются поддержка близких родственников, развитие имеющихся социальных связей.

Во-вторых, к преимуществам традиционного подхода следует отнести то, что профориентационными мероприятиями при подборе кандидатов на обучение охватывается большинство регионов страны, к их проведению привлекаются почти все территориальные органы, что заметно повышает информированность населения о ведомственной системе высшего образования.

К недостаткам традиционного подхода можно отнести риск недостижения прогнозируемых показателей развития кадровой ситуации. Так, например, сложно при прогнозировании учитывать сокращения штатной численности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы через 5 лет, поскольку информация об их проведении в большинстве случаев является закрытой.

Еще одним отрицательным моментом является недостаточно эффективная деятельность территориальных органов ФСИН России по подбору кандидатов на обучение,

отсутствие необходимых внутренних стимулов в указанном направлении работы, что, по нашему мнению, обусловлено недооценкой возможностей ведомственной системы высшего образования и текучестью руководящих кадров. Кроме того, в управлении указанной деятельностью преобладают административные методы, что, несомненно, влияет на ее результаты. В частности, к выполнению планов комплектования кандидатами на обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России применяется формальный подход, что выражается в подборе кандидатов на обучение, имеющих низкую мотивацию к поступлению в ведомственные вузы.

Отмеченные нами отрицательные стороны традиционного подхода к организации приема на обучение в ведомственных вузах требуют поиска альтернативных вариантов. Одним из них выступает организация приема граждан на обучение без распределения приемных мест между территориальными органами ФСИН России.

Указанный подход применялся в 2014 и 2015 гг. в МВД России. Так, в 2014 г. на базе Воронежского института МВД России был проведен эксперимент по организации приема граждан на обучение с заключением с ними контрактов, предполагающих дальнейшее прохождение ими службы в любом территориальном органе МВД России (эксперимент по прямому набору)³. В 2015 г. в соответствии с распоряжением МВД России от 21.04.2015 г. № 1/3089 география проведения эксперимента расширилась и включила еще четыре вуза МВД России⁴.

Во ФСИН России в 2015 г. прямой набор был осуществлен на базе Воронежского института ФСИН России⁵.

Прямой набор с точки зрения технологии организации работы по подбору кандидатов на обучение предполагает выделение приемных мест без привязки их к какому-либо территориальному органу. Соответственно, работу по подбору абитуриентов проводят не территориальные органы, а сама образовательная организация. С абитуриентами заключаются контракты о службе без указания конкретного территориального органа, место службы будет определено в процессе распределения на основании имеющихся вакантных должностей в учреждениях и органах ФСИН России.

Положительные и отрицательные стороны нового подхода могут быть определены достаточно условно, поскольку о конечных

результатах эксперимента можно будет судить лишь по истечении 1 года – 3 лет после выпуска курсантов первого прямого набора. Тогда станут известны показатели их закрепляемости, что, по нашему мнению, является конечным индикатором успешности эксперимента.

Однако анализировать возможные плюсы и минусы прямого набора необходимо уже сейчас с целью определения возможностей его развития.

Положительной стороной нового подхода (по сравнению с традиционным) следует назвать более полное удовлетворение потребностей территориальных органов ФСИН России в выпускниках, поскольку их распределение между территориальными органами осуществляется непосредственно перед окончанием учебы на основе информации о вакантных должностях. Этот показатель, на наш взгляд, является главным преимуществом прямого набора, так как система ведомственного высшего образования более гибко и точно реагирует на кадровые потребности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, плюсом можно назвать агитационную работу, проводимую сотрудниками образовательных организаций, которые владеют наиболее полной информацией о реализуемых в вузах образовательных программах.

Однако указанная черта может рассматриваться и как недостаток, поскольку территориальный охват населения профориентационными мероприятиями значительно сужается, исключается агитационная работа территориальных органов ФСИН России.

К отрицательным моментам прямого набора, на наш взгляд, относится повышение риска снижения показателей закрепляемости выпускников, что связано в первую очередь с отсутствием жилья.

Несмотря на повышение уровня социальных гарантий сотрудникам уголовно-исполнительной системы в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г., с изм. от 15.10.2013 г.) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶, острота проблемы обеспечения сотрудников жильем в настоящее время не снижается. Возможности получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения весьма ограничены ввиду не-

достаточного объема бюджетных средств, ежегодно выделяемых на эти цели. Кроме того, на сегодняшний день в законодательстве не предусмотрено оформление сотруднику уголовно-исполнительной системы регистрации по месту жительства или пребывания по адресу дислокации учреждения или органа ФСИН России, в котором он проходит службу. Вместе с тем отсутствие регистрации значительно осложняет получение им и членами его семьи медицинских, образовательных и других услуг.

В связи с этим положительным является опыт правового закрепления гарантий для военнослужащих и членов их семей: военнослужащие, поступившие на военную службу по контракту, а также офицеры, проходящие военную службу по призыву, и члены их семей до получения жилых помещений регистрируются органами регистра-

ционного учета по месту дислокации воинских частей⁷.

Еще одним недостатком прямого набора можно назвать существенное повышение нагрузки на кадровые аппараты образовательных организаций. С учетом необходимости обеспечения конкурса на приемные места кадровые работники должны оформить большое количество материалов, связанных с приемом на службу абитуриентов.

Таким образом, сложные демографические условия требуют поиска новых подходов к организации приема на обучение в образовательных организациях высшего образования, подведомственных ФСИН России. Их реализация должна осуществляться на основе научно обоснованного прогноза возникновения негативных и позитивных последствий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://www.rsr-online.ru/2015/01.06/20141030-RSR-VAS.pdf>

² См.: Приказ Минюста России от 01.02.2010 г. № 10 «Об утверждении форм статистической отчетности о количестве, движении и составе государственных гражданских служащих и работников учреждений и органов ФСИН России» (документ опубликован не был).

³ См.: URL: http://vimvd.ru/press/news/zasedanie-kruglogo-stola-itogi-eksperimenta-po-pryamomu-naboru/?sphrase_id=5690

⁴ См.: URL: <https://dgs.mvd.ru/folder/3564760>

⁵ Приказ ФСИН России от 23.12.2014 г. № 774 «Об объявлении набора и организации отбора кандидатов на обучение в федеральные казенные образовательные организации высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний в 2015 году» (документ опубликован не был).

⁶ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7608.

⁷ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.

¹ См.: URL: <http://www.rsr-online.ru/2015/01.06/20141030-RSR-VAS.pdf>

² См.: Приказ Минюста России от 01.02.2010 г. № 10 «Об утверждении форм статистической отчетности о количестве, движении и составе государственных гражданских служащих и работников учреждений и органов ФСИН России» (документ опубликован не был).

³ См.: URL: http://vimvd.ru/press/news/zasedanie-kruglogo-stola-itogi-eksperimenta-po-pryamomu-naboru/?sphrase_id=5690

⁴ См.: URL: <https://dgs.mvd.ru/folder/3564760>

⁵ Приказ ФСИН России от 23.12.2014 г. № 774 «Об объявлении набора и организации отбора кандидатов на обучение в федеральные казенные образовательные организации высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний в 2015 году» (документ опубликован не был).

⁶ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7608.

⁷ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.8(73)

Место и роль пенитенциарной системы в государственном механизме Соединенных Штатов Америки

А.В. БЫКОВ – начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Л.Ф. ПЕРТЛИ – начальник отдела НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

М.А. КАЛУЖИНА – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

В статье на основе законодательных актов и материалов официальных сайтов рассматриваются место и роль пенитенциарной системы в государственном механизме США и возможность практического использования пенитенциарного опыта данной страны в деятельности уголовно-исполнительной системы России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пенитенциарная система; государственные органы; органы исполнительной власти; Федеральное бюро тюрем; уголовные наказания.

Place and role of the penal system in the state mechanism of the United States of America

A.V. BYKOV – Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

L.F. PERTLY – Head of the Department of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

M.A. KALUZHINA – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

B.A. SPASENNIKOV – Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor

On the basis of acts and materials of the official sites the place and a role of penal system in state mechanism of the USA and possibility of its practical use in activity of criminal and executive system of Russia are considered.

Key words: the penal system; government bodies; executive authorities; Federal bureau of prisons; criminal penalties.

Актуальность исследования обусловлена тем, что объективные условия и особенности функционирования пенитенциарных учреждений России и США сходны. Для них

характерны как большое количество осужденных (в Америке на каждые 100 тыс. человек приходится 751 заключенный, в России – 627), общие социально-психологические закономерности процессов исполнения и отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, так и многонациональный состав лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Научно-исследовательским институтом Федеральной службы исполнения наказаний проведено исследование правовых и организационных основ деятельности пенитенциарной системы США. Изучение места и роли пенитенциарной системы в государственном механизме, представленное в настоящей статье, явилось началом данного исследования, результаты которого авторы предполагают опубликовать в дальнейшем в виде серии научных статей.

Соединенные Штаты Америки представляют собой федеративное государство, причем это относительно централизованная федерация с республиканской формой правления и разделением властей. Страна состоит из 50 субъектов федерации (штатов) и федерального округа Колумбия. Это крупнейшая мировая держава с развитой демократической государственностью и прочными правовыми традициями¹.

Источником конституционного права на федеральном уровне выступают Конституция², законы и резолюции Конгресса, нормативные правовые акты президента, решения Верховного суда, некоторые обычаи. Аналогичные источники образуют конституционные системы штатов. Государственный строй и правовая система США основаны на идеях демократии и защиты прав человека и оказали большое влияние на конституционное развитие многих стран мира.

Конституция США, принятая в 1787 г., является самой ранней из действующих написанных конституций в мире. Она закрепила форму правления, систему высших органов государственной власти, права и свободы граждан, основы федерализма, служит гарантией свободы для граждан страны. Это одна из самых «жестких конституций в мире»: за двести двадцать лет в нее было внесено 27 поправок, 10 из которых (Билль о правах) вступили в силу в 1791 г. В настоящее время, по мнению американских юристов, существует «живая конституция», то есть Конституция США действует в наши дни с многочисленными дополнениями в виде судебных прецедентов, законов Конгресса (парламента страны) и подзаконных норма-

тивных актов, например, исполнительных приказов президента США³.

В Конституции США закреплено разделение трех ветвей государственной власти – законодательной (в лице Конгресса), исполнительной (в лице президента) и судебной (в лице Верховного суда), при этом каждой из них предоставлена возможность действовать независимо в конституционных рамках⁴. Таким образом, «Конституция не только рассредоточила власть для лучшего обеспечения свободы, но она также предполагает, чтобы на практике рассредоточенная власть была объединена в целое для эффективного управления. Конституция предписывает, чтобы ветви власти были одновременно отделены друг от друга и взаимозависимы, являлись автономными и взаимодействующими друг с другом»⁵.

США – договорная федерация, ее образовали ранее независимые штаты для решения общих дел. Федерация не является способом решения каких-либо национальных проблем (ни один штат не является государственно-национальным образованием), она рассматривается как разумная децентрализация власти и приближение ее к народу.

Правовое государство признается в США в форме «господства права» (rule of law state), что означает приоритет права и обязанность государства во всех своих действиях опираться на закон и другие правовые нормы. Правовое государство в то же время конституционное государство, в котором все, и прежде всего органы власти, обязаны следовать и подчиняться Конституции, соблюдать ее и действовать в соответствии с ней. Часть 3 ст. VI Основного закона США устанавливает, что все должностные лица как на федеральном уровне, так и на уровне штатов обязаны соблюдать данный закон. В этом видится фундамент конституционной законности и правопорядка, главная гарантия против злоупотреблений власти в отношении прав и свобод. Высший надзор за состоянием законности, в том числе и в деятельности государственных органов, осуществляет независимый суд⁶.

Верховный суд США вправе проверять конституционность законов только при рассмотрении конкретного дела (это так называемый конкретный надзор, отличающийся от абстрактного надзора, осуществляемого в ряде стран вне связи с возникновением в суде конкретного спора). Проверка подчинена целям охраны конституционных прав и свобод каждого гражданина, если какое-то

право затрагивается (ограничивается или умалчивается) тем или иным законом. Верховный суд США не дает предварительных заключений на рассматриваемые Конгрессом законопроекты (такой институт, однако, существует в некоторых штатах).

Конгресс США состоит из Сената и Палаты представителей и является органом народного представительства⁷. Граждане избирают обе его палаты на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Конгресс США призван выражать интересы всего американского народа и в то же время интересы штатов, объединенных в федеративное государство.

В соответствии с принципом разделения властей Конгресс США имеет исключительное право издавать законы, исполнение и применение которых обязательно на всей территории страны. В Конгрессе представлены две ведущие политические партии, одна из которых всегда находится в оппозиции к президенту и его администрации, осуществляя критику внутренней и внешней политики. Этот орган не вправе контролировать исполнительную власть, то есть отправлять администрацию в отставку, давать ей обязательные указания и т.д., но он оказывает заметное влияние на практическую деятельность администрации. Конгресс оказывает сдерживающее воздействие на президента, не давая его власти перерасти в абсолютную. Взаимодействие законодательной власти с исполнительной и судебной обеспечивает единство государственной власти.

Система органов исполнительной власти, обычно именуемая администрацией президента США, включает три звена: кабинет и департаменты, исполнительный аппарат президента США, исполнительные (независимые) агентства.

Кабинет президента США состоит из руководителей департаментов, обычно именуемых министрами⁸, формируется и действует в силу обычая, сложившегося еще при Дж. Вашингтоне. В Конституции США о нем не упоминается (только говорится, что глава государства вправе требовать от высших должностных лиц департаментов письменного мнения по любому вопросу). Это совещательный орган, который созывается президентом и обсуждает вопросы по его личному усмотрению. Кабинет не принимает никаких правовых актов и не публикует своих протоколов и все его решения, если они принимаются, оформляются актами

президента США. С уходом президента в отставку прекращает свое существование и кабинет.

В настоящее время в состав кабинета входят 15 руководителей департаментов (министров). Все они назначаются президентом с одобрения Сената, а смещаются его личной властью. Министры – заметные фигуры в государственном механизме исполнительной власти, они тесно связаны с соответствующими комитетами палат Конгресса, находятся в центре внимания средств массовой информации. Деятельность возглавляемых ими департаментов, которые создаются каждый в соответствии со «своим» законом, практически не контролируется Конгрессом, хотя он через комитеты палат находится в курсе дел соответствующих министерств, получая от них запрашиваемую информацию.

В состав кабинета входят:

- глава Государственного департамента – государственный секретарь США;
- глава Департамента сельского хозяйства – министр сельского хозяйства;
- глава Департамента финансов – министр финансов;
- глава Департамента юстиции – министр юстиции США (он же генеральный атторней (Attorney General of the United States)⁹, до настоящего времени юридическую систему США возглавлял Эрик Холдер. В соответствии с англо-американской системой общего права генеральный атторней одновременно является Генеральным прокурором США);
- глава Департамента обороны – министр обороны (ему подчиняются министры армии, флота и военно-воздушных сил, не входящие в состав кабинета);
- глава Департамента внутренних дел – министр внутренних дел;
- глава Департамента труда – министр труда;
- глава Департамента здравоохранения и социальных служб – министр здравоохранения;
- глава Департамента жилищного строительства и городского строительства – министр строительства;
- глава Департамента транспорта – министр транспорта;
- глава Департамента образования – министр образования;
- глава Департамента энергетики – министр энергетики;
- глава Департамента торговли – министр торговли;

– глава Департамента национальной безопасности – министр национальной безопасности;

– глава Департамента по делам ветеранов – министр по делам ветеранов.

Свод законов США (титул 5, гл. 3, § 301) к полномочиям главы департамента относит издание правил об управлении своим департаментом, поведении его служащих, распределении и исполнении дел, а также охране, использовании и хранении протоколов, документов и собственности департамента. Этим параграфом не закреплено право отказывать общественности в предоставлении информации о деятельности департамента или ограничивать доступ общественности к протоколам.

Высший уровень правоохранительной системы США представлен двумя федеральными департаментами (министерствами): Министерством юстиции и Министерством внутренних дел. Несмотря на то, что федеральные правоохранительные органы имеют определенную законодательством структуру, узкая специализация ведомств и служб, множество задач, которые стоят перед федеральными органами и, соответственно, расчлененность правоохранительной системы обуславливают сложную организацию государственных органов. Уникальной чертой правоохранительной системы США является ее децентрализованность¹⁰.

Политический режим в США оказывает определяющее влияние на деятельность всей правоохранительной системы страны, в том числе пенитенциарной системы как одного из ее элементов.

Министерство юстиции – департамент федерального правительства США, предназначенный для обеспечения исполнения законов и отправления правосудия. Возглавляется Генеральным прокурором и состоит из 53 подразделений (например, гражданское, уголовное, национальной безопасности, налоговое и др.), бюро (например, Федеральное бюро расследований, Федеральное бюро тюрем, Бюро табака, алкоголя, оружия и взрывчатых веществ), офисов и других (например, служба пробации, Интерпол).

Пенитенциарная система США осуществляет свою специфическую деятельность как в системе исполнительной ветви власти, так и в структуре органов местного самоуправления. Независимо от уровня власти ее деятельность основывается на строгом соблюдении закона, подчинена цели внутренней безопасности государства и обеспечению эффективного функционирования

органов государственной власти и местного самоуправления.

Пенитенциарная система США двухуровневая, при этом между федеральными органами и структурами штатов, выполняющими аналогичные функции, отсутствует прямая вертикаль подчинения. Наем персонала осуществляется на контрактной основе. Федеральные исправительные учреждения, а также тюрьмы федерального округа Колумбия находятся в ведении Федерального бюро тюрем (Federal Bureau of Prisons – ФБТ), входящего в состав Министерства юстиции США, являющегося федеральным агентством, исполняющим наказания по приговорам федеральных судов.

ФБТ учреждено в 1930 г. в целях обеспечения передовой и гуманной политики в отношении федеральных заключенных, исполнения наказаний на высокопрофессиональном уровне, а также централизованного долгосрочного управления существовавших на тот момент 11 федеральных тюрем США. Бюро возглавляет директор, назначаемый и освобождаемый от должности Генеральным прокурором. Директор курирует подбор и расстановку персонала.

ФБТ ответственно за содержание и безопасность осужденных судами штатов, а также обвиняемых и подозреваемых, в отношении которых избрана мера пресечения – арест. Контроль и координация деятельности ФБТ осуществляется службой маршалов США (United States Marshals Service, USMS) – старейшим федеральным правоохранительным агентством Министерства юстиции США. Маршалы также осуществляют розыск лиц, сбежавших из мест лишения свободы, транспортировку федеральных заключенных, защиту федеральных свидетелей и материальных ценностей, конфискованных по решению суда¹¹.

На договорной основе ФБТ также несет ответственность в отношении условий содержания осужденных округа Колумбия, приговоренных к заключению судами штатов и военными судами.

Отправление правосудия в США – прерогатива штатов и местных органов. Поэтому исполнение наказания в тюрьмах штатов основано прежде всего на уголовном законодательстве штатов. Все осужденные судами штатов отбывают наказания в тюрьмах штатов, которые подчиняются своему руководству и губернатору. Таким образом, правовые и организационные основы деятельности данных тюрем вырабатываются на местном уровне.

На сегодняшний день ФБТ состоит из 119 пенитенциарных учреждений, шести региональных офисов, центрального офиса (штаб-квартиры), расположенного в Вашингтоне, округа Колумбия, центра перспектив развития пенитенциарных учреждений (Designation and Sentence Computation Center), расположенного в Гранд-Прейри в Техасе, двух центров по подготовке кадрового состава и 22 реабилитационных центров (Residential Reentry Management), предоставляющих помощь в трудоустройстве, реабилитации, восстановлении утраченных связей и содействии последующему контролю и надзору за бывшими заключенными в период их адаптации на свободе¹².

Офисы, находящиеся в штатах, а также центральный офис обеспечивают административный контроль и поддержку пенитенциарных учреждений и реабилитационных центров. К компетенции центра перспектив развития пенитенциарных учреждений относится выработка стратегической политики в отношении заключенных, содержащихся в федеральных тюрьмах. Для лиц, нуждающихся в медицинской помощи, существует офис медицинской помощи и транспортировки (Office of Medical Designations and Transportation). Контроль деятельности реабилитационных центров штатов и процедуры домашнего ареста осуществляется центральным офисом в Вашингтоне.

Система федеральных пенитенциарных учреждений является самой большой исправительной системой в США и ежегодно увеличивается приблизительно на 2,6%. По официальным данным ФБТ, большинство преступлений в стране совершается рецидивистами. Около 50–60 тыс. заключенных ежегодно выходят на свободу из федеральных пенитенциарных учреждений и возвращаются в общество, поэтому ресоциализация заключенных является наиболее острым вопросом.

Штат ФБТ в 2013 г. состоял из 38,6 тыс. сотрудников, бюджет финансирования – 6 млрд 919 млн долларов. США – мировой лидер по количеству лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях. В настоящее время количество заключенных составляет более 218 тыс. лиц мужского и женского пола, содержащихся в федеральных и частных тюрьмах. Около 28 тыс. заключенных содержатся в 15 контрактных учреждениях под контролем Управления приватизации ФБТ (Privatization Management Branch)¹³.

По данным демографического еженедельника «Демоскоп Weekle», в тюрьмах США содержатся около 2 млн человек. Это больше, чем в какой-либо иной стране (на полмиллиона больше, чем в Китае, хотя население этой страны в пять раз больше, чем в США)¹⁴.

К ФБТ также относятся федеральная теремная индустрия (торговая марка «UNICOR») и национальный институт исправительных учреждений. UNICOR управляется советом директоров, а директор ФБТ является его исполнительным директором. Торговая марка «UNICOR» была создана Конгрессом США в 1934 г. Находясь в полной собственности государства, корпорация обеспечивает заключенных трудовой занятостью и предоставляет возможность получения специальностей, востребованных на рынке труда. Товары, произведенные на производственных предприятиях UNICOR, продаются государственным агентствам в национальном масштабе. Во многих исправительных учреждениях размещаются производственные предприятия данной торговой марки.

Национальный институт исправительных учреждений (National Institute of Corrections, NIC) был учрежден в 1974 г. в целях обеспечения потребности в обучении, технической помощи, оказания информационных услуг и заключения соглашений о сотрудничестве, научной поддержки государственных исправительных учреждений и местных исправительных агентств. Директор института и 16 членов его консультативного совета назначаются Генеральным прокурором, несут ответственность за избранную стратегию и финансирование института.

В последние несколько лет институт играет важную роль в движении за права заключенных. Он спонсирует исследования, конференции и учебные программы различного плана по институционализации прогрессивных правовых реформ. Например, совместно с Центром юстиции (Center Community Justice) обеспечивает обучение и техническую помощь в разработке и реализации проектов по соблюдению порядка разрешения трудовых споров заключенных. Недавно Национальный институт исправительных учреждений начал проект по подготовке специалистов по мониторингу соблюдения законности вынесенных судебных постановлений¹⁵.

В США нет и никогда не было одного федерального министерства, несущего ответственность за исполнение уголовных на-

казаний в стране. Федеральные тюрьмы и тюрьмы штатов не представляют замкнутой иерархичной системы, они независимы друг от друга. Можно сказать, что пенитенциарная система данной страны как составная часть государственной правоохранительной системы весьма специфична и детерминирована политическими, экономическими, географическими и социокультурными факторами, которые обеспечили особенности ее функционирования – между уровнями отсутствует иерархия и субординационная связь. Пенитенциарная система является силовым гарантом существующей в стране государственности и законности, так как законодательством США ей предоставлено право применения оружия, спецсредств и техники при выполнении поставленных задач.

Пенитенциарные учреждения США дифференцированы по срокам отбывания наказания на учреждения краткосрочного, долгосрочного заключения и с неопределенными сроками. Американская общественность не только видит цель деятельности тюремной системы в изоляции и строгом наказании лиц, совершивших преступления, но и

преследует более значительные, гуманные задачи, определяемые как формирование человека, полезного для общества, способного обеспечить себе достойную жизнь законными средствами¹⁶. Гуманное и доброжелательное отношение к заключенным сочетается со строгим соблюдением требований и правил их содержания, а также с ограничением в использовании их труда в законодательном и экономическом плане. Согласно действующим правилам труд заключенных, содержащихся в федеральных пенитенциарных учреждениях, не может использоваться на частных предприятиях или отдельными предпринимателями, в то же время эти ограничения не относятся к местным тюрьмам и тюрьмам штатов.

Актуальными для пенитенциарной системы США являются вопросы адаптации заключенных в тюрьме, гендерные проблемы отбывания наказания, а также расовое и этническое противостояние в пенитенциарных учреждениях. Аналогичные проблемы, кроме расовых конфликтов, имеют место и в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира. М., 1993. С. 170.

² См.: Архив Правительства США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution.html>

³ См.: Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М., 2004.

⁴ См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира.

⁵ The Living US Constitution. Story. Leading Supreme Court Decisions. Presented with Historical Notes by S.K. Padovef. N-Y., 1983. P. 139.

⁶ См.: Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997.

⁷ См.: URL: <http://www.beta.congress.gov/about>; <http://www.senate.gov>; <http://www.house.gov>

⁸ См.: Кабинет Президента США Барака Обамы. Официальный сайт Белого Дома [Электронный ресурс]. URL: <http://www.whitehouse.gov>.

⁹ См.: URL: <http://www.justice.gov>; Энциклопедия юриста [Электронный ресурс]. URL: <http://eyu.sci-lib.com/article/0000382.html>

¹⁰ См.: Быков А.В., Кикоть-Глухоедова Т.В. Система обеспечения внутренней безопасности США: конституционно-правовой аспект деятельности: Моногр. М., 2012.

¹¹ См.: URL: http://www.bop.gov/resources/pdfs/legal_guide.pdf

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Пелаэс В. Тюремная индустрия в США: большой бизнес или новая форма рабства? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/036/analit04.php>

¹⁵ См.: Официальный сайт Министерства юстиции США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justice.gov/agencies/>

¹⁶ См.: Бояринев В.Г. и др. Исполнение наказаний в зарубежных тюрьмах. М., 2013.

¹ Sm.: Reshetnikov F.M. Pravovye sistemy stran mira. M., 1993. S. 170.

² Sm.: Arhiv Pravitel'stva SSHA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution.html>

³ Sm.: Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran / Pod red. M.V. Baglaja, Ju.I. Lejbo, L.M. Jentina. M., 2004.

⁴ Sm.: Reshetnikov F.M. Pravovye sistemy stran mira.

⁵ The Living US Constitution. Story. Leading Supreme Court Decisions. Presented with Historical Notes by S.K. Padovef. N-Y., 1983. P. 139.

⁶ Sm.: Bobotov S.V., Zhigachev I.Ju. Vvedenie v pravovuju sistemu SSHA. M., 1997.

⁷ Sm.: URL: <http://www.beta.congress.gov/about>; <http://www.senate.gov>; <http://www.house.gov>

⁸ Sm.: Kabinet Prezidenta SSHA Baraka Obamy. Oficial'nyj sajt Belogo Doma [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.whitehouse.gov>.

⁹ Sm.: URL: <http://www.justice.gov>; Jenciklopedija jurista [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://eyu.sci-lib.com/article/0000382.html>

¹⁰ Sm.: Bykov A.V., Kikot'-Gluhoedova T.V. Sistema obespechenija vnutrennej bezopasnosti SSHA: konstitucionno-pravovoj aspekt dejatel'nosti: Monogr. M., 2012.

¹¹ Sm.: URL: http://www.bop.gov/resources/pdfs/legal_guide.pdf

¹² Sm.: Tam zhe.

¹³ Sm.: Tam zhe.

¹⁴ Sm.: Pelajes V. Tjurennaia industrija v SSHA: bol'shoj biznes ili novaja forma rabstva? [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/036/analit04.php>

¹⁵ Sm.: Oficial'nyj sajt Ministerstva justicii SSHA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.justice.gov/agencies/>

¹⁶ Sm.: Bojarinev V.G. i dr. Ispolnenie nakazaniy v zarubezhnyh tjur'mah. M., 2013.

Организация тюрем в Финляндии после реформы 2006 г.

М. КОСКИ – менеджер тюрьмы Хямеэнлинна, Тюремная служба Финляндии;

О.В. ДРУЖИНИНСКАЯ – старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье рассматривается современное состояние уголовно-исполнительной системы Финляндии, сложившееся в результате реформы 2006 г., дается краткая характеристика процесса преобразований в области исполнения наказаний и раскрываются основные особенности организации финских тюрем, приводятся статистические данные и изменения 2015 г. в Законе о тюрьмах Финляндии.

Ключевые слова: реформа; принципы исполнения наказания; лишение свободы; Агентство уголовных санкций; открытая тюрьма; закрытая тюрьма; службы общественных санкций; Закон о тюрьмах.

The Prison Organization in Finland after the reform in 2006.

M. KOSKI – Manager of Prison Hameenlinna, Finland, the Prison Service;

O.V. DRUZHININSKAYA – Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor

The article describes the present situation in the penal system of Finland as a result of reform in 2006. The authors give a short characteristic of changes and reorganization in the field of penal jurisdiction and explain the main features of organization of Finnish prisons with the view of some statistic data and the latest changes of 2015 in the Finnish Act of Imprisonment.

Key words: reform; principles of penal execution; imprisonment; the Criminal Sanctions Agency; open prison; closed prison; community sanctions offices; the Act of Imprisonment.

Финляндия имеет очень низкий уровень преступности – это одна из самых безопасных стран в мире. В США и России, учитывая общее количество населения, число лиц, отбывающих наказание в тюрьме, в десять раз больше, чем в Финляндии. Такая ситуация сложилась благодаря кардинальной реформе финской системы наказаний. Еще в начале XX в. ее называли страной тюрем, а в отношении уголовно-исполнительной политики она была далека от своих скандинавских соседей: система уголовного судопроизводства являлась менее гибкой и в большей степени репрессивной.

Реформа финского тюремного законодательства была осуществлена в несколько этапов (начиная с 1960–1970-х гг.). Первые попытки были направлены на сокращение

числа преступников, отправляемых в заключение, и на уменьшение продолжительности сроков изоляции. Дальнейшие преобразования были обусловлены изменениями в Конституции Финляндии, в результате которых к 2000 г. установили более высокие стандарты в отношении фундаментальных прав. В связи с этим возникла необходимость в новом национальном тюремном законодательстве, вступившем в силу 1 октября 2006 г. Оно включает в себя новый Закон о тюрьмах (Act of Imprisonment), состоящий из 22 глав и 400 параграфов, а также отдельные законодательные акты, содержащие пересмотренные положения в отношении заключения под стражу и принципы задержания полицией.

Общие принципы исполнения наказаний в виде лишения свободы, представленные

в Законе о тюрьмах, могут быть сведены к следующему: 1) тюремное заключение должно состоять только в потере или ограничении свободы; 2) гуманное и справедливое обращение с осужденными; 3) исключение дискриминации. Преследуя общую цель реабилитации осужденных, уголовно-исполнительное законодательство Финляндии устанавливает, что условия жизни в тюрьме должны по мере возможности соответствовать преобладающим в обществе; заключенному¹ должны быть предоставлены возможности поддерживать свое здоровье и функциональные способности; должны быть приложены усилия, чтобы предотвратить вред, наносимый лишением свободы. В Законе о тюрьмах также подчеркивается, что наказание в виде тюремного заключения должно быть приведено в исполнение таким образом, чтобы это было безопасным для общества, персонала исправительного учреждения и заключенных. В отношении несовершеннолетних правонарушителей необходимо учитывать потребности, обусловленные их возрастом и стадией развития².

В целом тюремная реформа 2006 г. была направлена на потребности заключенного с целью подготовить его к жизни без преступлений после освобождения, развить его навыки и приспособленность к жизни в обществе. Одним из ключевых моментов реформы также является отнесение лиц, которые моложе 21 года, к несовершеннолетним правонарушителям, освобождаемым условно-досрочно после отбытия $\frac{1}{3}$ срока. Особо опасные преступники содержатся отдельно по приговору суда и получают условно-досрочное освобождение после $\frac{5}{6}$ срока. После освобождения они в обязательном порядке находятся под наблюдением. В результате реформы 2006 г. был отменен тюремный суд, представлявший собой совет по принятию решений, например, относительно получения статуса несовершеннолетнего правонарушителя, условно-досрочного освобождения или изоляции особо опасного преступника. Заключенные также получили право подавать апелляционные жалобы директору регионального центра уголовных санкций на решения тюремного персонала, кроме того, права сотрудников в отношении наказания осужденных были несколько ограничены.

Изменения затронули и организацию Тюремной службы Финляндии. Причем последнее реформирование в этом направлении произошло в 2011 г., когда вместо пяти

районов (District prisons) было образовано три региона (Criminal sanctions areas).

В Финляндии осуществление уголовных санкций относится к сфере полномочий Министерства юстиции. Вопросы, связанные с организацией управления тюрьмами и досрочным освобождением, находятся в ведении Департамента уголовной политики этого министерства, а практической работой по исполнению наказаний – лишением свободы и так называемыми общественными санкциями (community sanctions) – занимается специальный орган в рамках министерства – Агентство уголовных санкций (the Criminal Sanctions Agency). Главная обязанность агентства – следить за тем, чтобы решения суда (в Финляндии суды действуют по нормам статутного и общего права) приводились в исполнение на законных основаниях. Агентство осуществляет наказания в виде лишения свободы, в том числе вследствие неуплаты штрафа, а также задержание и содержание под стражей, связанные с судебными разбирательствами. В настоящее время одна из основных задач агентства – повысить безопасность общества путем снижения риска повторных правонарушений.

Главное управление Агентства уголовных санкций расположено в Хельсинки. В его состав входят 15 служб общественных санкций, 26 открытых и закрытых тюрем, 2 госпиталя. Все тюрьмы финансируются государством и управляются государственными служащими. В Финляндии нет частных тюрем, а также каких-либо планов развития в этом направлении. Существование частных тюрем противоречит § 124 Конституции Финляндии, согласно которому любая задача, включающая в себя осуществление государственной власти, может быть возложена только на государственные органы³.

В ведении агентства находится отдел здравоохранения, расположенный в городе Хямеэнлинна. Его деятельность направлена на поддержание здоровья осужденных путем предоставления им медицинских и связанных с ними услуг (предупреждение и лечение заболеваний).

Исходя из общего количества населения и количества людей в местах лишения свободы Финляндия разделена на три региона в отношении исполнения уголовных санкций: южная (Хельсинки), западная (Темпера) и северо-восточная Финляндия (Куопио). В региональных центрах сосредоточена главным образом управленческая работа. Каждый регион имеет центр оценки (Assessment

Centre), который занимается подготовкой документации, оценением осужденных и планированием их срока наказания с учетом оценки и размещения осужденных.

Службы общественных санкций реализуют соответствующие меры: общественные работы, ювенальные наказания, надзор над несовершеннолетними правонарушителями, получившими условный срок лишения свободы, и условно-досрочно освобожденными, а с ноября 2011 г. в их обязанности входит надзор за теми, кто отбывает наказание под наблюдением электронных средств слежения. Их цель – помочь лицам, приговоренным к общественным работам, – клиентам (criminal sanctions clients) – адаптироваться в обществе и вести законопослушный образ жизни.

В 2014 г. число клиентов этих служб составляло 4136 чел., что на 134 чел. меньше по сравнению с 2013 г. В среднем 3137 чел., из которых 11% составляли женщины, ежедневно отбывали наказание в виде общественных санкций. Количество судебных решений о наказании в виде общественных санкций обусловлено сокращением конвертируемых приговоров, то есть приговоров к тюремному сроку менее восьми месяцев. Наиболее очевидной причиной этого явилось снижение числа случаев вождения автомобиля в нетрезвом состоянии.

Распределение мест в исправительных учреждениях Финляндии таково, что 69% приходится на закрытые тюрьмы и 31% – на открытые тюрьмы и тюремные камеры открытого типа (по состоянию на конец 2014 г.)⁴. Осужденные, способные адаптироваться к более свободным условиям, чем условия в закрытых тюрьмах, помещаются в открытые тюрьмы. Закрытая тюрьма – это классическая тюрьма, где люди не могут выходить за пределы территории.

По финским законам, любой осужденный к концу срока переводится в тюрьму открытого типа. Она представляет собой поселок из нескольких деревянных домов, в которых комнаты для заключенных не запираются. Частью открытой тюрьмы является учебный корпус, где по желанию заключенные могут получать какое-либо специальное образование. Сотрудники тюрьмы и отбывающие наказание питаются в одной столовой, но есть возможность готовить еду самостоятельно. В открытой тюрьме некоторым лицам, отбывающим наказание, разрешается покидать пределы места заключения, но предварительно их снабжают средствами электронного слежения. Электронный кон-

тролер правонарушители носят в сумке или в кармане, так что со стороны их невозможно отличить от свободных граждан. В открытой тюрьме Ванаяя, рядом с городом Хямеэнлинна, практикуют использование так называемой семейной камеры (family ward), где осужденные находятся вместе со своими маленькими детьми.

В 2014 г. среднее ежедневное число заключенных составляло 3097 чел., что на 78 чел. меньше по сравнению с предыдущим годом, среднее ежедневное число осужденных сократилось на 124 чел. И наоборот, количество лиц, находящихся в предварительном заключении, увеличилось с 41 до 619. В среднем 168 чел. получили условный срок. Рост числа приговоренных к пожизненному тюремному заключению, наблюдаемый с 1990-х гг., в настоящее время имеет тенденцию к снижению. К концу 2014 г. эта цифра составила 203 (208) чел. Общее количество мест в финских тюрьмах – 3023 (на 31 мая 2015 г.)⁵. Переполнение наблюдается в основном в закрытых тюрьмах.

Одним из направлений реформы уголовно-исполнительной системы Финляндии является улучшение условий содержания в тюрьмах. Согласно Закону о тюрьмах (§ 1 гл. 7) при реконструкции тюремных зданий жилые помещения для осужденных должны быть оснащены в соответствии с требованиями строительного законодательства⁶. Во многих тюрьмах в каждой камере находится отдельный туалет, а в некоторых даже душ. Однако в закрытых тюрьмах 180 камер по-прежнему не имеют таких условий проживания.

Осужденные получают суточный рацион питания и одежду. В открытых исправительных учреждениях они носят свою собственную одежду, в закрытых тюрьмах это право может быть ограничено на основании распоряжения администрации в целях соблюдения охраны труда и техники безопасности на производстве или при осуществлении надзора (§ 2 гл. 7 Закона о тюрьмах)⁷. Согласно нововведению 2015 г. в Закон о лишении свободы директор регионального центра уголовных наказаний может запретить определенный вид одежды в тюрьме усиленного режима⁸. Старший инспектор вправе не разрешать ношение отдельного предмета одежды любому заключенному без исключения, если это нарушает общественный порядок и угрожает безопасности исправительного учреждения.

Для каждого заключенного на основании структурированной оценки рисков и потреб-

ностей составляется индивидуальный план осуществления наказания (*sentence plan*) – одно из основных средств, используемых в системе исполнений наказания ряда западных стран⁹. Он рассчитан на весь срок лишения свободы, поэтому может обновляться. Большая часть привилегий осужденного зависит от успешности выполнения этого плана. Примечательно, что разработка плана на период исполнения наказания для заключенных, осужденных и лиц, приговоренных к общественным работам, а также приведение в исполнение приговора, включая стадию освобождения, – все это представляет собой согласованное, последовательно выстроенное целое.

Лица, находящиеся в заключении, обязаны участвовать в какой-либо деятельности, организованной в исправительном учреждении, чтобы развивать навыки для законопослушной жизни, то есть они должны улучшать свою работоспособность и поддерживать образ жизни без алкоголя и наркотиков. Как правило, они могут работать или принимать участие в программах профессионального обучения, если не освобождены от этой обязанности по состоянию здоровья, в связи с получением образования или по какой-либо другой причине. Заключенные могут получить также разрешение заниматься образованием как в тюрьме, так и за ее пределами. Часть срока лишения свободы может быть отбыта вне тюрьмы – в лечебном учреждении для наркозависимых.

Цели трудовой деятельности в тюрьме – поддержать и улучшить имеющиеся профессиональные навыки (*occupational work*), развить трудовые способности и помочь осужденным исправиться (*rehabilitative work*), что в целом способствует их дальнейшему трудоустройству. Помимо этого, работа помогает упорядочить повседневную жизнь заключенных. В основу трудовой деятельности в тюрьме положен принцип нормализации, то есть работа, выполняемая в исправительном учреждении, должна соотноситься или совпадать с тем, чем будет заниматься осужденный после освобождения. Половина заключенных работает непосредственно в помещениях и на территории тюрьмы: они занимаются хозяйственной деятельностью, текущим ремонтом, содержанием и техническим обслуживанием материальной базы, строительными работами. Оставшаяся часть трудится на производстве. Продукция идет на продажу государственным, муниципальным учреждениям, торгово-промышленным предприятиям или

непосредственно частным лицам через магазин при тюрьме. Такие изделия, как корпусная мебель и одежда для заключенных, производятся для использования в учреждениях агентства. Традиционными видами работы в тюрьме являются строительство, работы по дереву, металлу, сельскохозяйственный труд, производство дорожных знаков, упаковка и сборка в качестве субподрядных работ. При определенных условиях заключенному могут разрешить работать за пределами тюрьмы или в тюрьме индивидуально.

В соответствии с данными за 2013 г.¹⁰, примерно треть времени осужденные уделяют работе. В открытых тюрьмах заключенные получают за свой профессиональный труд надлежащую облагаемую налогами зарплату, размер варьируется от 3,70 и 4,50 евро в час. Налоги на прибыль, компенсация за питание и содержание в тюрьме, а также возможные долговые обязательства и иные установленные выплаты вычитаются из заработанных денег. Как в закрытых, так и в открытых тюрьмах тем, кто работает, учится или проходит курс реабилитации, выплачивается не облагаемое налогами денежное пособие за занятость (*activity allowance*) в размере 0,70 или 0,90 евро в час. В открытых тюрьмах, а при хорошей производительности и в закрытых учреждениях эта сумма составляет 1,20 евро в час. За работу или иную деятельность на постоянной основе, за которую осужденные не получают ни зарплаты, ни денежного пособия за занятость, они получают денежные выплаты на расходы (*expense allowance*) в размере 0,30 евро. Лица, не занятые ни в одном из видов деятельности по необоснованным причинам, получают 0,15 евро.

В 2012 г. годовой доход от производства в исправительных учреждениях составил около 8,8 млн евро, в том числе внутренний доход – 2 млн евро¹¹.

Согласно Закону о тюрьмах исправительные учреждения также обязаны обеспечить осужденным реабилитацию и занятия поддерживающими видами деятельности (*supportive activities*). Реабилитационная деятельность в тюрьмах – это в основном лечение от наркотической и алкогольной зависимости, поскольку такие проблемы имеются у большинства заключенных. В последние годы тюремные власти Финляндии предпринимают все больше усилий по развитию своих антиалкогольных и антинаркотических программ. Они состоят из трех этапов: лечение, восстановление и контроль.

Первый этап проводится главным образом медицинским персоналом, второй этап реализуется обычно в форме индивидуальной работы, третий этап состоит в наблюдении и проведении контрольных обследований.

По материалам Национально-исследовательского института правовой политики (Хельсинки)¹², в настоящее время Агентство уголовных санкций предоставляет большую часть всех осуществляемых в Финляндии услуг по лечению и реабилитации нарко- и алкоголезависимых. Такого рода программы основываются либо на познавательноповеденческой терапии (cognitive behaviour therapy), либо на лечении в сообществе (community treatment). Заключение, имеющий зависимость или какие-либо особые проблемы с поведением на свободе, может быть на ограниченный период времени (самое большее шесть месяцев) помещен в специальное учреждение за пределами тюрьмы или соответствующее отделение в тюрьме для реабилитации от зависимости или участия в другой целенаправленной деятельности, улучшающей его способность к адаптации.

В ряде тюрем организованы специальные курсы, развивающие социальные навыки и умение решать различные проблемы. Существует также курс для осужденных за правонарушения сексуального характера, а также курс по управлению гневом и программа самоизменения для осужденных за насильственные преступления. В настоящее время разрабатываются групповые программы для заключенных, виновных в домашнем насилии. Тюремь обеспечивают также всестороннюю социальную реабилитацию: организуют группы развития навыков, необходимых в повседневной жизни, семейные программы и программы подготовки к выходу на свободу. Кроме групповых видов деятельности психосоциальная реабилитация включает в себя социальную работу, а также индивидуальную работу, осуществляемую психологами или тюремными священниками.

Принцип нормализации подчеркивает, что те, кто лишен свободы, имеют такое же право на образование, как и любой человек в обществе. В 2014 г. в среднем 232 заключенных получали образование на постоянной основе. В этом направлении тюрьмы сотрудничают с расположенными поблизости образовательными учреждениями. Последние выдают аттестат, где не указано, что обучение проходило в период отбытия наказания в тюрьме. Поскольку образова-

тельные потребности осужденных разнообразны, в течение своего срока они могут получить среднее базовое образование, пройти программу среднего общего образования частично или полностью, улучшить свои профессиональные умения, освоив отдельные части профподготовки или весь курс. Некоторые получают высшее образование.

Закон о тюрьмах закрепляет право заключенного на поддержание контактов с внешним миром посредством писем, телефонных звонков, свиданий и отпусков. В тюрьмах предусмотрена возможность пользоваться мобильным телефоном за свой счет, а бесплатное использование телефона разрешается в целях информирования по важным вопросам или в других особых случаях. Правила внутреннего распорядка, действующие в исправительном учреждении, могут содержать предписания о количественных ограничениях при пользовании телефоном. Разрешение на телефонный звонок может зависеть от того, с кем намерен контактировать осужденный. Пользование телефоном и другими средствами связи может быть прервано или запрещено, если необходимо предотвратить правонарушение или поддержать установленный порядок в исправительном учреждении (§ 6, 9 гл. 12)¹³.

Нововведения 2015 г. в Закон о тюрьмах предоставляют заключенным в закрытых тюрьмах возможность получить разрешение на пользование телефоном и вести переписку, в том числе по Интернету, в образовательных целях, а также для связи с органами государственной и местной власти. Все остальные доступы ограничены. Кроме того, в случае несоблюдения правил разрешение отменяется. В открытых тюрьмах также возможно использование Интернета в социальных и экономических целях, если этого, например, требует производственная необходимость. Осужденные вправе отправлять электронные письма с помощью сервера исправительного учреждения, которые являются предметом такого же контроля, как и обычные письма. Причем решение о прочтении корреспонденции в соответствии с последними поправками в законе может быть принято в течение двух недель, а не индивидуально в отношении каждого письма. Это позволило упростить процедуру и сэкономить время.

Осужденные могут принимать посетителей в специально отведенных для этого помещениях или комнатах для посещения

родственниками в часы приема. Согласно правилам внутреннего распорядка тюрьмы о визитах необходимо договариваться заранее. Если необходимо, посещения проходят под надзором (в помещениях со стеклянной перегородкой, видеокамерой или в присутствии сотрудника), а разговор может прослушиваться. В случае подозрения в злоупотреблении посетителю предлагают пройти процедуру обыска перед свиданием. Если он не согласен, в посещении могут отказать или его организуют в условиях особого контроля. В соответствии с § 3 гл. 13 Закона о тюрьмах свидания без надзора могут быть разрешены близким родственникам, иному близкому человеку, адвокату. В 2015 г. этот список был дополнен категорией «другие важные лица», что предоставило сотрудникам тюрьмы больше выбора при рассмотрении разрешений на подобные свидания. В некоторых случаях заключенный может получить разрешение на видеосвязь с родственниками посредством Интернета. Это связано с ростом числа иностранных заключенных, чьи семьи живут за пределами Финляндии, поэтому личное свидание для них было бы довольно дорогостоящим.

Кроме обычных визитов заключенный имеет право на безнадзорные посещения родственников, к которым относятся родители, братья, сестры, супруг, супруга (брак не является обязательным условием). Визит длится 2–6 ч в отдельных комнатах, где можно приготовить кофе, еду. Тем, кто отбывает длительный срок без предоставления отпуска, администрация разрешает посещение родственников. Тем не менее при любых визитах всегда должны быть предусмотрены меры безопасности.

Дополнением в Закон о тюрьмах явился пункт о посещениях детьми, согласно которому свидания детей до 15 лет и их родителей, отбывающих тюремное наказание, должны проходить в специальных комнатах с уютной домашней обстановкой (§ 2 гл. 13). Немногие тюрьмы соответствуют этому требованию. Цель данного нововведения – сохранить связь родителей и детей.

В Финляндии все заключенные с определенного момента отбывания срока могут запрашивать разрешение на отпуск из тюрьмы

(permission of leave). Это является нормальной частью процесса исполнения наказания. В Законе о тюрьмах (гл. 14) указывается, что самое раннее время для такого отпуска является $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ срока тюремного заключения до условно-досрочного освобождения, но не ранее двух месяцев пребывания в тюрьме.

Отпуск по исключительным причинам не связан с продолжительностью отбытой части наказания. Разрешение на него может быть предоставлено «в случае существования важной причины или для участия в каком-либо событии за пределами тюрьмы, если такое разрешение имеет важное значение для семьи, поддержания здоровья, получения средств к существованию, работы, обучения, обеспечения жильем или решения других социальных вопросов заключенного»¹⁴. Если осужденный выполняет условия пребывания в отпуске, время его отсутствия в тюрьме засчитывается в срок наказания. В 2014 г. общее число тех, чьи просьбы об отпуске были удовлетворены, составило 11 312 чел. При этом зафиксировано 444 случая нарушения правил проведения отпуска (4% от общего количества отпусков).

Благодаря реформированной и к настоящему моменту вполне сложившейся системе исполнения наказаний в Финляндии количество заключенных и тех, кто отбывает наказание в виде общественных работ, а также уровень повторных правонарушений постепенно снижаются (ежегодный отчет Агентства уголовных санкций за 2014 г.). В 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 6% сократилось количество правонарушителей, приговоренных к общественным работам. Среднее число заключенных снизилось незначительно, примерно на 2,5%, по сравнению с 2013 г. За последние пять лет уровень рецидива среди лиц, отбывающих наказание в тюрьме и выполняющих общественные работы, стал значительно ниже.

Завершая рассмотрение пенитенциарных преобразований и организации тюрем в Финляндии, отметим, что данный опыт может быть использован как источник совершенствования норм российского уголовного и уголовно-исполнительного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В западном уголовно-исполнительном праве слово «заключенный» (prisoner) используется для обозначения лица, отбывающего наказание в виде тюремного заключения (imprisonment), то есть того, кто находится в тюрьме (prison). В этом значении оно синонимично слову «осужденный».

¹ V zapadnom ugodovno-ispolnitel'nom prave slovo «zakljuchennyj» (prisoner) ispol'zuetsja dlja oboznachenija lica, otbyvajushhego nakazanie v vide tjuremnogo zakljuchenija (imprisonment), to est' togo, kto nahoditsja v tjur'me (prison). V jetom znachenii ono sinonimichno slovu «osuzhdennyj».

² См.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

³ См.: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (дата обращения: 16.07.2015).

⁴ См.: URL: http://www.rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/julkaisut-tilastollinenvuosikirja/bCNzCZ22h/Statistical_Yearbook_2014_of_the_Criminal_Sanctions_Agency_korjattu.pdf

⁵ См.: URL: <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/basiccare/accommodation.html>

⁶ См.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

⁷ См.: Там же.

⁸ В Финляндии нет официальной классификации тюрем по степени обеспечения безопасности. Однако интенсивность надзора в закрытых тюрьмах различна: в одних содержатся только лица, приговоренные к длительным срокам лишения свободы (более двух лет), в других находятся также те, кто совершил правонарушение впервые.

⁹ См.: Шмид М., Огрохина Е.А. Об основных особенностях системы исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 80.

¹⁰ См. <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/activities.html>

¹¹ См. <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/activities/workactivity.html>

¹² From the «land of incarcerations» towards the society with a minimal use of pain: Finnish experience of reducing the prison population. National Research Institute of Legal Policy. Research report 261. Helsinki, 2012. P. 70–71 [Электронный ресурс] // URL: <http://kpfu.ru/docs/F733060233/%FF%F1%E0%E2%E5%E5%E2.pdf>

¹³ См.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

¹⁴ См.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

² Sm.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

³ Sm.: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (data obrashhenija: 16.07.2015).

⁴ Sm.: URL: http://www.rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/julkaisut-tilastollinenvuosikirja/bCNzCZ22h/Statistical_Yearbook_2014_of_the_Criminal_Sanctions_Agency_korjattu.pdf

⁵ Sm.: URL: <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/basiccare/accommodation.html>

⁶ Sm.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

⁷ Sm.: Там же.

⁸ V Finljandii net oficial'noj klassifikacii tjurem po stepeni obespechenija bezopasnosti. Odnako intensivnost' nadzora v zakrytyh tjur'mah razlichna: v odnih soderzhatsja tol'ko lica, prigovorennye k dlitel'nym srokam lishenija svobody (bolee dvuh let), v drugih nahodjatsja takzhe te, kto sovershil pravonarushenie vpervye.

⁹ Sm.: Shmid M., Ogrohina E.A. Ob osnovnyh osobennostjah sistemy ispolnenija nakazaniy i prinuditel'nyh mer Shvejcarii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 4 (24). S. 80.

¹⁰ Sm. <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/activities.html>

¹¹ Sm. <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/activities/workactivity.html>

¹² From the «land of incarcerations» towards the society with a minimal use of pain: Finnish experience of reducing the prison population. National Research Institute of Legal Policy. Research report 261. Helsinki, 2012. P. 70–71 [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://kpfu.ru/docs/F733060233/%FF%F1%E0%E2%E5%E5%E2.pdf>

¹³ Sm.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

¹⁴ Sm.: URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/saannokset-osanliitteet/6IOn6IKW7/Vankeuslaki_-_Imprisonment_Act.pdf

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.8

Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент

В статье рассмотрена деятельность специальных госпиталей для иностранных военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, изучена динамика заболеваемости и смертности военнопленных, организация их медицинского обслуживания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военнопленные; специальные госпитали; заболеваемость; смертность.

Special hospitals for prisoners of war during the great patriotic war and the post-war period

A.L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. In History, Associate Professor

The article describes the activities of the special hospitals for foreign prisoners of war in the USSR during the Great Patriotic war and the post-war period, the dynamics of morbidity and mortality prisoners, the organization of medical care.

Key words: Great Patriotic war; prisoners of war; special hospitals; morbidity; mortality.

19 ноября 1942 г. советские войска после упорных боев под Сталинградом перешли в решающее наступление, в результате которого в окружении оказалось 330 тыс. вражеских солдат и офицеров¹. Полная капитуляция окруженной группировки противника завершилась 2 февраля 1943 г. Всего в ходе Сталинградской битвы было взято в плен 239 755 военнослужащих германской армии и ее союзников².

Наличие большого количества крайне ослабленных и истощенных военнопленных поставило вопрос об организации специализированных медицинских учреждений. К весне 1942 г. для лечения обезоруженных солдат и офицеров противника были

выделены три эвакогоспиталей: № 1035 (пос. Мартук, Чкаловская область) на 300 коек, № 1383 (Казахская ССР) на 500 коек и № 3757 (пос. Шумиха, Курганская область) на 220 коек. Первый обслуживал Юго-Западный, Южный и Крымский фронты, второй – Волховский, Калининский и Западный, третий – Карельский, Ленинградский и Северо-Западный³. Всего в 1941–1942 гг. в спецгоспитали поступили 4560 пленных.

В начале 1943 г. Наркоматом обороны в распоряжение Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР были переданы семь госпиталей (пять – в районе Сталинграда и два – в Тамбовской области), в которых было размещено

свыше 18 тыс. вражеских солдат и офицеров. В конце 1943 г. Наркоматом здравоохранения СССР для обслуживания военнопленных были выделены 33 эвакогоспиталя на 30 тыс. коек⁴.

Порядок деятельности специальных госпиталей определялся Инструкцией о порядке содержания раненых и больных военнопленных в госпиталях Наркомата здравоохранения СССР и Наркомата обороны СССР от 06.03.1943 г. и Положением о госпиталях Наркомата здравоохранения СССР, выделенных для обслуживания военнопленных, от 22.10.1943 г. и осуществлялся на общих основаниях с госпиталями для советских бойцов и командиров⁵.

Главным отличием спецгоспиталей от прочих лечебных учреждений было наличие зоны вокруг корпусов и строгого режима. Охрана, учет и оперативное обслуживание военнопленных являлись прерогативой НКВД СССР, для чего спецгоспиталю выделялся дополнительный штат сотрудников численностью 15 чел. (заместитель начальника госпиталя по режиму и охране, старший оперуполномоченный, инспектор по учету, переводчик и 11 вахтеров). Наружную охрану спецгоспиталей осуществляли конвойные войска НКВД⁶.

Чрезвычайные обстоятельства военного времени негативным образом отражались

на деятельности спецгоспиталей. В лечебной практике, судя по документам, имелись серьезные недостатки, наиболее характерными из которых являлись: неудовлетворительная диагностика заболеваний, невыполнение врачебных назначений, отсутствие оборудования, лекарств и инструментов⁷. К примеру, обеспеченность рентгенкабинетами составляла 56,6% от штатной положенности, физиокабинетами – 67,7%, зубо-врачебными кабинетами – 70,1%. Острой проблемой была нехватка постельного белья, изношенность которого достигала 80–90%. Некомплект врачебного персонала в 1943 г. составлял 56%, в 1944 г. – 18%⁸.

По данным УПВИ НКВД СССР, с 22 июня 1941 г. по 1 марта 1944 г. в спецгоспитали поступило 90 909 чел., из них 38 925 чел. (42,8%) были выписаны после выздоровления, 34 623 чел. (38,1%) умерли от ранений и болезней, 17 361 чел. (19,1%) оставался на излечении. Динамика смертности выглядела следующим образом: 1941–1942 гг. – 537 летальных исходов (1,6%), 1943 г. – 32 856 (94,9%); январь–февраль 1944 г. – 1230 (3,6%). Пик смертности пришелся на февраль–май 1943 г., когда в спецгоспиталях умерли 26 123 пленных, поступивших из сталинградского котла.

Диагнозы смертности военнопленных в 1941–1944 гг. представлены в таблице.

Диагнозы смертности военнопленных в спецгоспиталях с 22 июня 1941 г. по 1 марта 1944 г. (в %)⁹

Диагнозы смертности	Период		
	с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1942 г.	1943 г.	с 1 января по 1 марта 1944 г.
Дистрофия	61	66,5	61,7
Ранения	22	3,7	1
Обморожения	9	2,8	0,3
Туберкулез и плеврит	2,5	9,2	17,9
Сердечная недостаточность	–	3,9	4,4
Сыпной тиф	2	2,7	5,2
Брюшной тиф	–	0,3	–
Дизентерия	1	2,8	2,4
Воспаление легких	1	4	3,9
Прочие	1,5	4,1	3,2

Данные таблицы показывают, что основной причиной смертности военнопленных являлась дистрофия, вызванная недостаточным питанием военнослужащих противника до и после пленения.

Госпитальная база непрерывно увеличивалась. В конце 1944 г. она состояла из 113 госпиталей на 65 тыс. коек, в конце 1945 г. – из 162 госпиталей на 84 тыс. коек¹⁰.

К окончанию Великой Отечественной войны почти каждый десятый военный госпиталь обслуживал военнопленных¹¹. Несмотря на динамичный рост, госпитальная сеть не удовлетворяла фактической потребности. По этой причине для содержания раненых и больных неприятельских военнослужащих выделялись бывшие немецкие лазареты. К примеру, в ходе Берлинской операции 56%

раненых и больных военнопленных размещались в бывших госпиталях вермахта¹².

Среди военнопленных, поступавших в госпитали, отмечалась высокая смертность. Так, в период битвы за Берлин летальность среди раненых военнопленных была в 7,5 раза, а среди больных – в 5,1 раза выше, чем среди советских воинов¹³. Подобная ситуация являлась следствием тяжелого состояния военнослужащих противника в момент пленения. Еще известный русский военный хирург Н.И. Пирогов отмечал, что раны у побежденных заживают хуже, чем у победителей. Это напрямую относится к военнопленным, у которых стрессовые факторы плена негативно отражались на результатах лечения.

Персонал спецгоспиталей предпринимал все возможные усилия для снижения заболеваемости и смертности обезоруженных военнослужащих противника. Их обеспечение питанием, лекарственными препаратами, медикаментами осуществлялось по нормам, установленным для раненых и больных красноармейцев. В лечебной практике применялись различные виды диагностики: рентгенография, анализ крови, мочи, кала, желудочного сока, мокроты. Пленным назначались физиопроцедуры, витаминотерапия, питание с повышенной калорийностью, переливания крови, лечебная физкультура¹⁴.

На 17 мая 1945 г. в спецгоспиталях содержалось 80 325 пленных, в том числе с дистрофией и авитаминозами – 46 258 чел. (57,6%), туберкулезом легких – 4304 чел. (5,4%), воспалением легких – 1151 чел. (1,4%), малярией – 1376 чел. (1,7%), сыпным тифом – 628 чел. (0,8%), брюшным тифом – 96 чел. (0,1%), дизентерией – 1606 чел. (2%), острыми желудочно-кишечными заболеваниями – 1392 чел. (1,7%), прочими заболеваниями – 17 527 чел. (21,8%), числились в категории выздоровевших 5987 чел. (7,5%)¹⁵. Подобный характер заболеваемости потребовал репрофилирования госпиталей с хирургической направленности на терапевтическую¹⁶.

В 1946 г. положение в спецгоспиталях улучшилось в связи с репатриацией значительной части больных и ослабленных военнопленных. В одних госпиталях были развернуты туберкулезные отделения, в других выделены специальные палаты-изоляторы для туберкулезных больных. Улучшилась обеспеченность медикаментами, рентгеновскими и физиотерапевтическими аппаратами, диагностическими лабораториями и зубоветеринарными кабинетами. Ввиду по-

требности спецгоспиталей в постельном и нательном белье из фондов МВД было отпущено 210 тыс. м хлопчатобумажной ткани¹⁷.

Об улучшении организации лечебного процесса свидетельствует динамика движения военнопленных в спецгоспиталях. Если в 1944 г. в них поступило 146 538 чел., а было выписано 65 036 чел. (44,4%), то в 1945 г. – 243 622 чел. и 177 560 чел. (72,9%) соответственно, в 1946 г. – 268 675 чел. и 244 537 чел. (91%), в 1947 г. – 220 257 чел. и 220 287 чел. (100%)¹⁸. Таким образом, если в 1944 г. поступление военнопленных в госпитали в 2,3 раза превышало их выписку, то в 1947 г. показатели сравнялись.

Загрузка спецгоспиталей для военнопленных германской армии в 1946–1947 гг. уменьшилась с 108,2 до 94,7%, для военнопленных японской армии – с 90,9 до 69%. В составе больных также происходят изменения. Удельный вес больных дистрофией среди немецких военнопленных в 1946–1948 гг. сокращается с 66 до 34,8%, то есть почти в два раза; среди военнопленных японцев – с 25,3 до 2,7%, то есть почти в десять раз¹⁹. Резкое сокращение численности дистрофиков во многом объяснялось их отправкой на родину. Вместе с тем количество лиц, больных туберкулезом, среди немцев увеличилось с 5,2 до 13,1%, а среди японцев уменьшилось с 16,7 до 9,3%²⁰. Для оказания специализированной лечебной помощи туберкулезным больным были репрофилированы спецгоспитали № 3099 (Сталинская область) и № 5771 (Сталинград).

Для послевоенного периода характерно сокращение смертности контингента спецгоспиталей. Если в 1946 г. в спецгоспиталях умерло 32 732 чел., в том числе 26 323 (12%) немцев и 6409 (11,6%) японцев, то в 1947 г. – 17 471 чел., в том числе 14 744 (8%) и 2727 (6%) соответственно²¹. Таким образом, в абсолютных показателях смертность сокращается почти в два раза, в относительных – в 1,7 раза.

Доминирующими причинами смертности являлись дистрофия и туберкулез. Если в 1946 г. от дистрофии умерли 17 387 чел. (53,1% к общей смертности), то в 1947 г. – 6744 чел. (38,6%). Таким образом, смертность от дистрофии в абсолютных показателях сокращается почти в 2,6 раза, в относительных – в 1,4 раза. Что касается летальности от туберкулеза, то она уменьшаясь в абсолютных цифрах с 6094 до 4167 чел., увеличивается в относительных с 18,6 до 23,8%²². Данная динамика объяснялась сложностью лечения туберкулеза.

На 1 апреля 1948 г. в спецгоспиталях для военнопленных германской армии содержалось 38 038 чел. (79,6% от штатной положенности), японской армии – 8896 чел. (81,6%). Диагнозы заболеваний были следующие: дистрофия – 53,9 и 7,8% (к общей численности больных), туберкулез – 12,2 и 12,4%, воспаление легких – 1,9 и 4,4%, острые желудочно-кишечные заболевания – 0,5 и 1,2%, малярия – 0,9 и 0,3%, дизентерия – 0,1 и 0,4%, брюшной тиф и паратифы – 0,1 и 0,3%, прочие – 26,1 и 62,9%. Из причин смертности (данные за третью декаду марта 1948 г.) доминировали: туберкулез – 43,8 и 36%, дистрофия – 16,1 и 4%, пневмония – 5,4 и 12%²³.

Массовая репатриация военнопленных в 1948–1949 гг. сопровождалась расформированием спецгоспиталей (с 64 на 32 тыс. коек до 6 на 2 тыс. коек). Если в 1948 г. через спецгоспитали прошло 118 450 чел. (14,6% к общей численности контингента), то в 1949 г. – 47 241 чел. (14,2%)²⁴. Таким обра-

зом, в абсолютных показателях наблюдается сокращение госпитализированных в 2,5 раза, а в процентном отношении показатели остаются на прежнем уровне.

В 1950 г. в спецгоспиталях лечилось 2,8–3% военнопленных, среди которых пациенты с туберкулезом составляли 27%, хирургическими заболеваниями – 19,5%, дистрофией – 10,4%, болезнями сердечнососудистой системы – 7%. В 1950 г. в спецгоспитали поступило 3707 чел., было выписано 3332 чел. (89,9%)²⁵.

На 1 января 1951 г. в спецгоспиталях находилось на лечении 693 чел. (3,3% к общей численности контингента). Среди них преобладали лица с туберкулезом (164 чел., или 25,3%), хирургическими заболеваниями (121 чел., или 18,7%), дистрофией (62 чел., или 9,6%), заболеваниями сердечнососудистой системы (40 чел., или 6,2%)²⁶.

Статистические данные о движении военнопленных в спецгоспиталях в 1944–1949 гг. обобщены в диаграмме 1.

Диаграмма 1

Движение военнопленных в спецгоспиталях в 1944–1949 гг. (данные на начало года, в чел.)²⁷

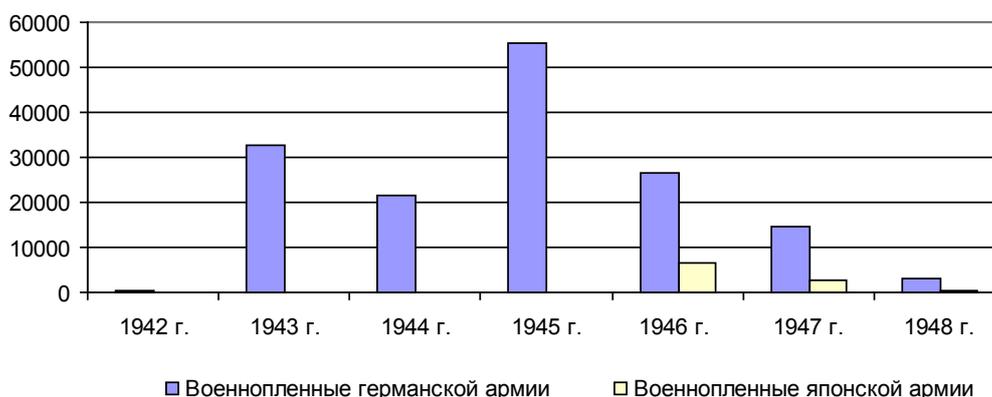
Согласно приведенным данным среди военнопленных германской армии находились на лечении в начале 1944 г. 5676 чел. (6,1%), в 1945 г. – 81 923 чел. (14,1%), в 1946 г. – 90 056 чел. (6,3%), в 1947 г. – 52 292 (4,3%), в 1948 г. – 36 441 чел. (4,1%), в 1949 г. – 9168 чел. (2,1%). Аналогичным образом выглядит динамика по военнопленным японской армии, из числа которых проходили лечение на начало 1946 г. 15 078 чел.

(3,6%), 1947 г. – 9279 чел. (2,3%), 1948 г. – 2530 чел. (1,2%), 1949 г. – 660 чел. (0,9%). Таким образом, по абсолютным и относительным показателям пик заболеваемости пришелся на 1945–1946 гг. – период наибольшей численности военнопленных в СССР.

Теперь рассмотрим динамику смертности военнопленных в спецгоспиталях в 1942–1948 гг. (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Динамика смертности военнопленных в спецгоспиталях
в 1942–1948 гг. (в чел.)²⁸

В целом, согласно ведомственной статистике, в 1942–1948 гг. в спецгоспиталях умерли 164 197 военнопленных, в том числе 154 555 германской армии и 9642 японской. Динамика смертности военнопленных германской армии по годам выглядит следующим образом: 1942 г. – 537 чел. (0,3% к общей смертности), 1943 г. – 32 856 чел. (21,3%), 1944 г. – 21 493 чел. (13,9%), 1945 г. – 55 315 чел. (35,8%), 1946 г. – 26 423 чел. (17,1%), 1947 г. – 14 744 чел. (9,5%), 1948 г. – 3187 чел. (2,1%); японской армии: 1946 г. – 6409 чел. (66,5%), 1947 г. – 2727 чел. (28,3%), 1948 г. – 506 чел. (5,2%).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны сложилась трудная ситуация, вызванная, с одной стороны, поступлением с фронтов большого количества больных и раненых вражеских солдат, которые нуждались в медицинской помощи, с другой – максимальной загрузкой госпитального фонда, выделенного для лечения советских бойцов, а также нехваткой врачебных кадров, медикаментов и перевязочного материала. Тем не менее Советское государство нашло необходимые ресурсы для лечения бывших врагов.

Для содержания военнопленных создается система специальных госпиталей, подчиненных Наркомату обороны или Наркомату здравоохранения, Наркомату внутренних дел. Такое подчинение имело как положительные (опытные и квалифицированные медицинские кадры, наличие лечебно-диагностического оборудования, организо-

ванная система снабжения и т.п.), так и отрицательные стороны (организационные сложности, связанные с межведомственным характером подчинения спецгоспиталей).

В результате длительного пребывания в котлах неприятельские военнослужащие попадали на госпитальные койки с сильным истощением, что, несмотря на применяемое лечение, существенно затрудняло их выздоровление. Отрицательное влияние на здоровье оказывали долгая эвакуация, трудная адаптация к непривычному климату, тяжелый труд при недостаточных нормах питания. Эти обстоятельства во многом объясняют тот факт, что среди военнопленных количество больных значительно превышало количество пораженных в боях.

В послевоенный период ситуация в спецгоспиталях постепенно стабилизируется, что выразилось в снижении заболеваемости и смертности контингента. Обеспечение «узников войны» лекарственными препаратами, лечебными процедурами и питанием в основном осуществлялось по тем же нормам, что и для советских военнослужащих. Большое внимание уделялось профилактике и диагностике заболеваний. В зависимости от поставленного диагноза пленные получали хирургическое и терапевтическое лечение. Такая забота о здоровье объяснялась необходимостью их привлечения к труду на предприятиях и стройках СССР, а также стремлением показать преимущества советского строя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М., 1976. Т. 6: Коренной перелом в войне. С. 60.

² См.: Епифанов А.Е. Сталинградский плен 1942–1945 гг. (Немецкие военнопленные в СССР). М., 1999. С. 75.

¹ Sm.: Istorija Vtoroj mirovoj vojny 1939–1945: V 12 t. M., 1976. T. 6: Korennoj perelom v vojne. S. 60.

² Sm.: Epifanov A.E. Stalingradskij plen 1942–1945 gg. (Nemeckie voennoplennyye v SSSR). M., 1999. S. 75.

³ См.: Грибовская Г.А. Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. ... канд. мед. наук. Л., 1990. С. 165.

⁴ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информ. док. и материалы. Т. 4 / Под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2004. С. 427, 429.

⁵ См.: Там же. С. 44, 428.

⁶ См.: Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11; Ф. 10. Оп. 1. Д. 475. Л. 350–352об.; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР / Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–1): Нормативные док. М., 1996. С. 80–81, 100–102.

⁷ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000. С. 425–453.

⁸ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. С. 429.

⁹ Рассчитано по данным: Там же. С. 45–46.

¹⁰ См.: Там же. С. 430.

¹¹ На 1 февраля 1945 г. из 671 340 коек в тыловых госпиталях для обслуживания раненых и больных военнопленных было выделено 47 770, что составляло 7,1% к их общему количеству. К концу 1945 г. эта пропорция увеличилась еще больше (см.: Грибовская Г.А. Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных. С. 122).

¹² См.: Там же. С. 155.

¹³ См.: Там же. С. 95, 105, 129, 132, 157.

¹⁴ См.: Государственный архив Вологодской области. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 233. Л. 1; Д. 237. Л. 24об.

¹⁵ Рассчитано по данным: Военнопленные в СССР. С. 475.

¹⁶ См.: Государственный архив Архангельской области. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 243. Л. 180.

¹⁷ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. С. 441.

¹⁸ Рассчитано по данным: Там же. С. 431–432.

¹⁹ Рассчитано по данным: Там же. С. 432–433, 452–453.

²⁰ См. подр.: Там же. С. 432–433, 453.

²¹ Рассчитано по данным: Там же. С. 441, 452.

²² Рассчитано по данным: Там же. С. 441, 453.

²³ См.: Военнопленные в СССР. С. 520–521.

²⁴ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. С. 433–434.

²⁵ См.: Там же. С. 434, 470.

²⁶ См.: Там же. С. 473.

²⁷ Составлена по данным: Там же. С. 480–481.

²⁸ Составлена по данным: Там же. С. 482, 488.

³ См.: Gribovskaja G.A. Organizacija medicinskogo obsluzhivaniya ranenyh i bol'nyh voennoplennyh v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: Dis. ... kand. med. nauk. L., 1990. S. 165.

⁴ См.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD–MVD SSSR. 1941–1952: Otchetno-inform. dok. i materialy. T. 4 / Pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd, 2004. S. 427, 429.

⁵ См.: Там же. С. 44, 428.

⁶ См.: Arhiv Upravlenija Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po Vologodskoj oblasti. F. 7. Op. 1. D. 11; F. 10. Op. 1. D. 475. L. 350–352ob.; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR / Pod red. V.A. Zolotareva. T. 24 (13–1): Normativnye dok. M., 1996. S. 80–81, 100–102.

⁷ См.: Voennoplennye v SSSR. 1939–1956: Dok. i materialy / Pod red. M.M. Zagorul'ko. M., 2000. S. 425–453.

⁸ См.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD–MVD SSSR. S. 429.

⁹ Rasschitano po dannym: Tam zhe. S. 45–46.

¹⁰ См.: Там же. С. 430.

¹¹ Na 1 fevralja 1945 g. iz 671 340 koek v tylovyh gospi-taljah dlja obsluzhivaniya ranenyh i bol'nyh voennoplennyh bylo vydeleno 47 770, chto sostavljalo 7,1% k ih obshhemu količestvu. K koncu 1945 g. jeta proporcija uvelichilas' eshhe bol'she (sm.: Gribovskaja G.A. Organizacija medicinskogo obsluzhivaniya ranenyh i bol'nyh voennoplennyh. S. 122).

¹² См.: Там же. С. 155.

¹³ См.: Там же. С. 95, 105, 129, 132, 157.

¹⁴ См.: Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti. F. 1876. Op. 1. D. 233. L. 1; D. 237. L. 24ob.

¹⁵ Rasschitano po dannym: Voennoplennye v SSSR. S. 475.

¹⁶ См.: Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti. F. 1932. Op. 3. D. 243. L. 180.

¹⁷ См.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD–MVD SSSR. S. 441.

¹⁸ Rasschitano po dannym: Tam zhe. S. 431–432.

¹⁹ Rasschitano po dannym: Tam zhe. S. 432–433, 452–453.

²⁰ См. подр.: Там же. С. 432–433, 453.

²¹ Rasschitano po dannym: Tam zhe. S. 441, 452.

²² Rasschitano po dannym: Tam zhe. S. 441, 453.

²³ См.: Voennoplennye v SSSR. S. 520–521.

²⁴ См.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD–MVD SSSR. S. 433–434.

²⁵ См.: Там же. С. 434, 470.

²⁶ См.: Там же. С. 473.

²⁷ Sostavlena po dannym: Tam zhe. S. 480–481.

²⁸ Sostavlena po dannym: Tam zhe. S. 482, 488.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию С.В. Маришина «Преодоление психологических барьеров у несовершеннолетних осужденных в процессе ресоциализации»

В.Д. ХАБАЛЕВ – доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат психологических наук, доцент

В современных условиях реформирования пенитенциарной системы России продолжают оставаться актуальными задачи ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления. Подросток, оказавшийся в условиях воспитательного учреждения уголовно-исполнительной системы, очень часто не восприимчив к воспитательному воздействию сотрудников, что в свою очередь обусловлено возникновением психологических барьеров.

В первой главе монографии раскрываются теоретические аспекты психологических барьеров, основанные на зарубежных и отечественных подходах и концепциях развития личности; рассматриваются проблемы перевоспитания в психологии, методы перевоспитания, ступени педагогической запущенности. Кроме того, анализируются психологические, возрастные особенности несовершеннолетних преступников, причины девиантного и деликвентного поведения, особенности криминальной мотивации, а также механизмы действия психологических барьеров в поведении несовершеннолетних преступников.

Во второй главе представлены экспериментальная база, методы диагностики, результаты и анализ констатирующего эксперимента, а также формирующего эксперимента, включающего в себя рассмотрение стратегий преодоления психологических барьеров, разработку и апробацию программы преодоления психологических барьеров несовершеннолетними осужденными.

В заключении автор делает общие выводы по теоретико-экспериментальному изучению социально-психологических особенностей психологических (адаптационного, эмоционально-смыслового, коммуникативного и мотивационного и др.) барьеров у несовершеннолетних, дает определение понятия «психологический барьер» применительно к несовершеннолетним осужденным.

В целом монография «Преодоление психологических барьеров у несовершеннолетних осужденных в процессе ресоциализации» соответствует требованиям, предъявляемым к работам такого рода, и может быть рекомендована к публикации.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В Академии ФСИН России состоится II Международный пенитенциарный форум

II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» состоится 25–26 ноября 2015 г. на базе Академии ФСИН России в соответствии с распоряжением ФСИН России от 05.06.2015 № 75-р «Об утверждении плана мероприятия и состава рабочей группы по подготовке и проведению II Международного пенитенциарного форума “Преступление, наказание, исправление”».

Предметом форума является обсуждение современных тенденций развития пенитенциарной системы, положительного опыта исполнения уголовных наказаний, новых форм и методов работы с осужденными; анализ современного состояния уголовно-исполнительной системы и актуальных проблем в области пенитенциарной практики; привлечение внимания общественности к деятельности пенитенциарной службы; выработка комплекса эффективных мер, направленных на устойчивое развитие уголовно-исполнительной системы.

Организаторами форума выступают Федеральная служба исполнения наказаний, Ассоциация юристов России, Попечительский совет уголовно-исполнительной системы, Академия ФСИН России, научно-исследовательские и образовательные организации ФСИН России.

Мероприятия форума пройдут при участии Федерального Собрания Российской Федерации, Общественной палаты Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Правительства Рязанской области.

В работе форума примут участие ведущие специалисты России, стран Содружества Независимых Государств и Западной Европы в области исполнения уголовных наказаний. В частности, ожидается участие руководства ФСИН России, руководителей структурных подразделений и территориальных органов ФСИН России, руководства пенитенциарных служб зарубежных стран, ведущих ученых-пенитенциаристов России и иностранных государств, образовательных организаций ФСИН, МВД, Минобрнауки России, российских и международных общественных организаций, практических работников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Предполагаемый круг участников позволит обеспечить высокий статус проводимого международного мероприятия, а также создать открытую диалоговую площадку по обсуждению основных направлений повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания.

В программу форума включены пленарное заседание, 4 международных научно-практических конференций, 8 круглых столов, дискуссионный клуб и

выставка достижений ФСИН России, в ходе которых предполагается обсуждение основных направлений повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, зарубежного пенитенциарного опыта, вопросов совершенствования межгосударственного сотрудничества в части реализации уголовных наказаний, организационно-правовых, материально-технических, психолого-педагогических условий развития уголовно-исполнительной системы, оперативно-розыскной деятельности, оптимизации подготовки персонала пенитенциарных служб, а также формирования ведомственной идеологии и развития позитивного имиджа службы в уголовно-исполнительной системе.

В качестве руководителей научно-практических мероприятий выступят руководители или представители структурных подразделений ФСИН России, ведущие ученые-пенитенциаристы.

По итогам работы форума будут выработаны рекомендации по повышению эффективности деятельности пенитенциарных служб, совершенствованию законодательства в сфере применения уголовных наказаний и уголовно-исполнительной практики.

До начала работы форума планируется издание сборника его материалов.

I Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» был проведен в декабре 2013 г. на базе Академии ФСИН России. В его работе приняли участие более 650 человек.

В ходе обсуждения докладов участники форума отметили актуальность его проведения, освещенных на нем вопросов, раскрывающих актуальные проблемы в сфере исполнения уголовных наказаний, и обратились к руководству ФСИН России с просьбой проводить подобное масштабное мероприятие систематически.

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» объявляет конкурс на замещение вакантной вольнонаемной должности:

преподаватель кафедры русского и иностранных языков (для проведения занятий по английскому и немецкому языку).

Документы принимаются до 15 ноября 2015 г. по адресу: г. Вологда, ул. Щетинина, 2, отдел кадров, каб. 129, с 8.00 до 12.00.

Дата проведения конкурса на заседании Ученого совета института – 25 ноября 2015 г. в 15.00.

Справки по телефону 53-48-94 (отдел кадров).

Подробная информация о проведении конкурса размещена на официальном сайте института (www.vipe.fsin.su).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипов А.Н., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Aleksant1@mail.ru

Быков А.В., начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: niifsin@mail.ru

Горностаев С.В., докторант Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: stanislavrz@yandex.ru

Дружининская О.В., старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: ovdru@mail.ru

Жилыев Р.М., научный сотрудник НИИ ФСИН России. E-mail: gjiliaevrust@yandex.ru

Зауорова Э.В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: elvirasong@mail.ru

Калужина М.А., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: opytnii@fsin.su

Карташова Е.Г., студент Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: anton040677@gmail.com

Коски М., менеджер тюрьмы Хямеэнлинна, Тюремная служба Финляндии. E-mail: mikko.f.koski@om.fi

Кряклин К.В., адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kostya_kv@mail.ru

Кузьминых А.Л., профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент. E-mail: istorial@mail.ru

Лютынский А.М., доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anton040677@gmail.com

Мальцева А.В., заведующая отделением медико-социальной помощи Вологодской областной детской клинической больницы. E-mail: fond01@list.ru

Масленников Е.Е., старший научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: maslennikov78@yandex.ru

Нагорных Р.В., директор Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Первозванский В.Б., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pervabor@yandex.ru

Перов С.В., заместитель начальника отдела профессиональной подготовки управления кадров ФСИН России – начальник отделения профессио-

нального образования, кандидат юридических наук. E-mail: persv17@mail.ru

Перрон Ю.В., адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: persv17@mail.ru

Пертли Л.Ф., начальник отдела НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: opytinii@fsin.su

Поздняков В.М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор. Email: pozdnaykov@flc.ru

Попов А.А., адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: valiant87@yandex.ru

Рогач В.Г., адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: rogach.v.g@mail.ru

Рыжов Р.С., заместитель начальника Академия ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: super1979r@yandex.ru

Сивиркин Ф.Д., научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Самарского юридического института ФСИН России. E-mail: science@samlawin.ru

Софийчук Н.В., заместитель директора по научной работе Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sofiiichuk-nataly@mail.ru

Спасенников Б.А., профессор кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. Email: borisspasennikov@yandex.ru

Строгович Ю.Н., старший научный сотрудник НИИ ФСИН России. E-mail: ustrogovich@yandex.ru

Стуканов В.Г., докторант Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: Stukanoff@tut.by

Сучкова Е.Л., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Тихомиров А.Н., начальник УФСИН России по Московской области. Email: borisspasennikov@yandex.ru

Федоров В.И., начальник юридической службы Академии ФСИН России. E-mail: fve1@ya.ru

Черняков С.А., адъюнкт кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России. E-mail: kafedra_up_au@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Antipov A.N., Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Aleksant1@mail.ru

Bykov A.V., Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: niifsin@mail.ru

Chernyakov S.A., Adjunct of the Department of Criminal Policy and the organization of crime prevention of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia. E-mail: kafedra_up_au@mail.ru

Druzhininskaya O.V., Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor. E-mail: ovdru@mail.ru

Fedorov V.I., Head of the Legal Service of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: fve1@ya.ru

Gornostaev S.V., Doctoral student of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: stanislavrz@yandex.ru

Kaluzhina M.A., Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: opytinii@fsin.su

Kartashova E.G., Student of the North-West O.E. Kutafin Institute (branch) University. E-mail: anton040677@gmail.com

Koski M., Manager of Prison Hameenlinna, Finland, the Prison Service. E-mail: mikko.f.koski@om.fi

Kryaklin K.V., Adjunct of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: kostya_kv@mail.ru

Kuzminykh A.L., Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor. E-mail: istorial@mail.ru

Lyutynsky A.M., Assistant Professor of the Department of Criminal Procedural Law of the Northwest O.E. Kutafin Institute (branch) University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: anton040677@gmail.com

Maltseva A.V., Head of the Department of Health and Social Care of the Vologda children's clinical hospital. E-mail: fond01@list.ru

Maslennikov E.E., Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law. E-mail: maslennikov78@yandex.ru

Nagornykh R.V., Director of the Northwest O.E. Kutafin Institute (branch) University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Perov S.V., Deputy Chief of the Department for professional Training of the Personnel Management Department of the Federal Penal Service of Russia Head of the Department of Vocational Education, PhD. in Law. E-mail: persv17@mail.ru

Perron Y.V., Adjunct of the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: persv17@mail.ru

Pertly L.F., Head of the Department of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: opytanii@fsin.su

Pervozvansky V.B., Leading Researcher Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: pervabor@yandex.ru

Popov A.A., Adjunct of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: valiant87@yandex.ru

Pozdnyakov V.M., Dsc. in Psychology, Professor, Professor of the Department of Juridical Psychology and Pedagogic of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Rogach V.G., Adjunct of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: rogach.v.g@mail.ru

Ryzhov R.S., Deputy Chief for Science of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: syper1979r@yandex.ru

Sivirkin F.D., Researcher of the Organizational Research and Publishing Department of the Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: science@samlawin.ru

Sofiychuk N.V., Deputy Director for Science of the Northwest O.E. Kutafin Institute (branch) University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: sofiichuk-nataly@mail.ru

Spasennikov B.A., Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor. Email: borisspasennikov@yandex.ru

Strogovich J.N., Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ustrogovich@yandex.ru

Stukanov V.G., Doctoral student of the Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus, Ph.D. in Psychology, Associate Professor. E-mail: Stukanoff@tut.by

Suchkova E.L., Associate Professor Department of Organization of Psychological Service in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Tikhomirov A.N., Head of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Moscow region. Email: borisspasennikov@yandex.ru

Zautorova E.V., Professor of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogic, Associate Professor. E-mail: elvira-song@mail.ru

Zhilyaev R.M., Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: giliaevrust@yandex.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-62574

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. Зосимовская, 17

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.09.15.

Дата выхода в свет 22.10.15.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 5201

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 298 руб. 00 коп. за 1 экземпляр.